"Безумие зверя (СИ)"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Соболева Ульяна

Безумие зверя

Сквозь морок лжи, туман измены
Яд проникает жалом в кровь
он кислотой течет по венам
и выжигает в ней любовь
Яд превратил его в безумца
Яд разбудил в нем палача
Он ни во что уже не верит
Покрылась льдом его душа

– Игра не окончена…игра не окончена, – шептали бессвязно потрескавшиеся губы, – игра только началась. И мы поиграем с тобой Николас. Поиграем со всеми, кого ты любишь. Скрюченные обожженные пальцы пробежались по древней книге.

– Вернуться из мертвых было трудно, но очень скоро ты узнаешь, на что я способна. Ты отнял у меня все дорогое, а я отниму у тебя. Ты узнаешь, что такое терять. Терять по-настоящему, безвозвратно. Терять, но не хоронить, а терять навсегда, в твоей черной душе проснется зверь. Я разбужу его. Ведь я так хорошо знаю тебя, любимый. Свет свечи всколыхнулся и осветил лицо, хотя страшную маску, покрытую уродливыми шрамами трудно было назвать лицом. Женщина хлопнула в ладоши и в темное помещение вошли две фигуры в черных плащах с огромными капюшонами. Они поклонились женщине и замерли, сложив почтительно руки.

– Час настал. Вы выполните свой долг перед моей семьей и будете свободны навеки. Ваш повелитель Берит [1]ждет и наградит вас после этой миссии. У каждого из вас свое задание и своя жертва. Каждую жертву вы отправите тем, путем, который присудил им Великий Берит за предательство. Вы оба не просто вампиры, вы – вампиры-демоны, вы созданы для иной войны. Ваша сила не только физическая, у вас великая сила разума вашего создателя Берита. Ваше время пришло. Искушайте, плетите интриги, разрушайте. Для этого у вас есть все средства: дьявольская красота, ум и изощренная фантазия. Он нужен мне живым. Вы сделаете из него палача. Пусть станет тем кем был всегда – хуже чем дьявол, страшнее чем просто убийца.

1 ГЛАВА

Я буду любить тебя вечно.

Марианна пригубила янтарную жидкость и с наслаждением почувствовала, как приятная прохлада обожгла горло. На пальце, сжимающем тоненькую инкрустированную ножку бокала, сверкнуло кольцо. Совершенно простое, без особых излишеств лишь два рубина переплетены изящными платиновыми веточками. Ее обручальное кольцо. Символ того, что теперь она Марианна Мокану. Княгиня. Законная жена Николаса. Девушка бросила взгляд на огромную дверь, с прозрачными вставками из стекла. Сегодня ее день рождения. Сегодня ей исполнилось двадцать. Когда-то, два года назад, именно в этот день, она встретила Николаса впервые, в этой жизни. Несмотря на то, что прошло время, она чувствовала, что для нее он по-прежнему загадочный и безумно красивый мужчина, о котором страшно даже мечтать.

Марианна не видела мужа несколько месяцев. Он уехал в Лондон по делам Единого Братства. Теперь так назывался клан Черных Львов. Несмотря на то, что они разговаривали каждый день, даже больше – по несколько раз в день … она соскучилась. Она изголодалась по нему со всей страстью безумно влюбленной женщины. Он звонил ей по ночам и сводил ее с ума… Ведь

только он обладал этим удивительно глубоким низким голосом и бесстыдным умением дразнить ее до умопомрачения… Оба знали, что поездка займет еще несколько недель. И изнывали от тоски друг по другу. Она вспомнила, о чем они говорили этой ночью, и сердце забилось быстрее…. …

– Ты дома? Спросил Ник, когда Марианна радостно ответила на звонок, отбросив в сторону книгу. Она все еще любила читать, когда он отсутствовал так долго, это отвлекало ее от тоски по нем.

– Нет. Пауза.

– А где? – в голосе жесткие нотки.

– Я пошутила. Я дома. Усмехнулся.

– Не шути. Накажу. Теперь ее черед рассмеяться в ответ.

– Попробуй. Ты там. Я здесь. В ближайшие пару недель у тебя точно не получится.

– Ты уверенна? – теперь голос вкрадчивый с хрипотцой.

– Уверенна – самодовольно ответила Марианна и откинулась в кресле.

– Ты одна?

– Конечно одна. Сижу в библиотеке и читаю в твоем любимом кресле.

– Что на тебе надето? Она хмыкнула. Странный вопрос. Какая разница.

– Юбка, блузка ничего особенного.

– А под ними? Марианна начала понимать, куда он клонит, и судорожно глотнула воздух. Одно слово и она уже чувствует сухость во рту.

– Чулки, трусики. Пауза.

– Какого цвета чулки?

– Телесного.

– А трусики?

– Красные, шелковые с кружевами. Он с ней играет, и она приняла игру, чувствуя, как учащается пульс.

– Сними их. Марианна придержала сотовый плечом, и послушно стянула тоненькие шелковые слинги. Отбросила в сторону.

– Они влажные? – его голос понизился и вибрировал от еле сдерживаемой страсти.

– Очень, хоть выжимай, – ответила Марианна с вызовом и услышала его сдавленный стон.

– Что под блузой? – продолжал он допрос.

– Ничего.

mir-knigi.org

– Хм…Слуги все еще не спят?

– Спят уже давно.

– Сядь обратно в кресло. Она повиновалась и присела на краешек кожаного сиденья.

– Закрой глаза, милая. Марианна повиновалась.

– Я хочу, чтобы ты расстегнула блузку. Негнущимися пальцами она распахнула ворот блузки, и прохлада обожгла обнаженное тело. Соски тут же затвердели. Превратились в камушки жаждущие ласки.

– Твои соски, они уже твердые, возбужденные? Уверен, что да, дотронься до них, – скомандовал Ник, словно зная, что она сейчас чувствует, – нежно не торопясь приласкай их пальцами. Марианна почувствовала как по спине стекла струйка пота, а сердце учащенно забилось.

– Не так. Нежнее, едва касаясь. Ты чувствуешь, как я прикасаюсь к тебе? О да, она чувствовала. Кожа покрылась мурашками, тело било мелкой дрожью.

– Раздвинь ножки, милая. Положи одну из них на стол, – его голос обволакивал. Она чувствовала властные нотки. Она все еще не понимала, что именно он сейчас с ней делает, но от возбуждения дрожали колени. Приподняв тонкий шелк элегантной юбки, Марианна положила одну ногу на стол, а другую отвела в сторону.

– Поднеси свои пальчики к губам Марианна. Оближи их. Пусть они станут влажными, скользкими, мокрыми. Вот так, милая. Моя хорошая. А теперь прикоснись к себе, там, где я тебя касаюсь. Представь себе, что это мои пальцы, а не твои. Марианну подбросило, щеки вспыхнули от бесстыдства, которое он ей предлагал совершить, но она покорилась, а когда коснулась воспаленной дрожащей плоти, то громко вскрикнула. В ответ послышался мужской стон, полный страсти и безумия.

– Ты чувствуешь, какая ты горячая, какая влажная? Чувствуешь? Ответь, не молчи.

– Да, – всхлипнула Марианна, – я чувствую. По ее телу пробегали обжигающие искры, она все еще не верила, что делает ЭТО, что покоряется ему настолько.

– Твое тело жаждет ласки. Подари ему это. Сделай то, что я делаю с тобой. Не торопись. Нежно двигай пальчиками, нежно. А теперь оближи их снова, почувствуй какая ты сладкая. Марианне хотелось рыдать от наслаждения и пульсирующего желания. Она покорно облизала пальцы, блестящие от собственных соков. Мускусный запах проник в ноздри и заставил содрогнуться.

– Так я пахну для тебя? – тихо спросила она.

– Для меня ты пахнешь еще слаще, любовь моя, намного слаще. Прикоснись к себе снова. Марианна вскрикнула, и мужчина мучительно застонал, но продолжил сводить ее с ума:

– А теперь потрогай себя изнутри. Не жалей себя. Ты чувствуешь, какая ты там тугая и горячая? Марианна услышала, как со стола упали книги, увидела, как дрожащие колени распахнулись еще шире. Ее глаза закатились.

– Двигай пальчиками быстрее, милая, еще быстрее. Остановись. Вот так. Дыши глубже. Успокойся. А теперь приласкай себя снова. Марианна уже не отвечала ему. Только что она

познала тайну своего тела, с которым он мог делать все что угодно даже на расстоянии. В ответ она лишь хрипло стонала.

– Да, милая, да. Ласкай себя, не сдерживайся, можешь грубее и сильнее. О черт, как же сладко ты стонешь… С ума сойти. Остановись. Замри. Я не позволял тебе. Нет, не сейчас. Она остановилась, тело подбрасывало как в лихорадке, руки дрожали, не смея прикоснуться к изнывающей плоти пока он не позволит.

– О, я не могу больше, Ник…я умираю…Ник…пожалуйста, помоги мне… – из ее груди вырвались рыдания, кожа покрылась капельками пота. Она уже сползла на краешек кресла, на ресницах дрожали слезы от невероятного возбуждения.

– О, дьявол, милая, что же ты делаешь со мной? Давай, моя хорошая, проникни еще глубже, резче, а теперь погладь себя, погладь ту жемчужину, которую я так люблю терзать. Вспомни, как я ласкаю тебя пальцами и языком, перед тем как взять тебя. Сильнее, еще сильнее. Вот так. Да, кричи. Кричи для меня, милая. Марианна выгнулась дугой, приподняв бедра над креслом. Пронзительный крик вырвался из ее груди, и волна безудержного наслаждения захлестнула с головой. Оргазм был удивительным, особенным, невыносимым.

– Вот так моя хорошая. Вот так. Тсссс…ты слуг перебудишь…тихо…тихо, моя девочка… Его голос стал низким, срывающимся. Он клокотал от неудовлетворенной страсти. Марианна расслабленно откинулась на кресле. Казалось, ее тело парит после оглушительного взрыва.

– Дьявол, я наказал себя, а не тебя, – проворчал он и выругался.

– О, Ник, как же я люблю тебя, – прошептала Марианна, улыбаясь блаженной улыбкой удовлетворенной женщины, – мне так хорошо.

– А мне плохо, приеду и порву тебя на части…

…Вспомнив о том, что произошло ночью, Марианна почувствовала, как краска стыда залила ее щеки. Этот дьявол искуситель знает все тайны ее тела. Все тайны ее души. Иногда Марианна даже боялась его власти над ней. Могущества одного его взгляда. С ним она превращалась в развратное существо, в вакханку, в распутницу. Но он ее муж. С ним можно все. Точнее ему она может позволить все, отдать всю себя и он брал. Брал все, что она предлагала, а что не предлагала – забирал без спроса. Словно в ответ на ее мысли дверь распахнулась, и она даже не заметила, как бокал дрогнул в ее руке. Она не поверила глазам. Ее муж вошел в залу и остановился, отыскивая Марианну взглядом среди толпы. Сердце девушки забилось, пропуская удары. Ей захотелось кричать от радости. Но вместо этого она пожирала его взглядом. Николас разительно отличался от гостей или это Марианне он казался другим. Приехал. Просто все бросил и приехал к ней. Ник заметил ее и остановился, протянул руку за бокалом виски. Поднес ко рту сигару и прикурил. Марианна видела, как потемнели его глаза, когда он увидел во что она одета.

Темно-бордовое атласное платье сидело на ней как влитое, полностью обнажая плечи и руки, обтягивая тонкую талию и округлые бедра. На несколько секунд для них исчезли все гости из залы. Это их тайна – умение говорить взглядами. Марианна пошла к нему навстречу. Николас тоже приближался к ней, теперь его глаза походили на два черных агата бушующей страсти. За это время он немного изменился или она слишком соскучилась. Он был одет в ее любимую черную шелковую рубашку и элегантные брюки, пиджак небрежно, наброшен на плечи. Волосы как всегда в беспорядке. Как ей раньше могли, не нравится длинные волосы у мужчин? Какое наслаждение впиваться в них дрожащими пальцами, и отводить его голову назад,

наблюдая какая сильная у него шея, и четкая линия скул, в тот момент как Николас неумолимо двигался внутри нее. Марианна ускорила шаг и уже через секунду оказалась в его объятиях.

– Поздравляю, милая.

– Ты приехал…приехал…

– Ты думала я пропущу твой день рождения? А подарок? Марианна потерлась щекой о его колючую щеку и закрыла глаза от удовольствия.

– Это самый чудесный подарок. Ты приехал. Ник немного отстранил ее от себя.

– Ты очень красивая сегодня, Марианна. Это ей говорит самый красивый мужчина в этой зале? Мужчина, при появлении которого, все женщины дружно повернули головы?

– Закрой глаза. Марианна с улыбкой покорилась и почувствовала, как он одел ей что-то на руку.

– Открывай.

– Ник! С ума сойти! Какая красота! Браслет походил на диковинное растение с дикими цветами, обвивающими тонкое запястья платиновыми стеблями.

– Присмотрись, там кое-что написано. Марианна поднесла руку к лицу и задохнулась от счастья: «Я буду любить тебя вечно».

– Сегодня ночью ты свела меня с ума. Я больше не смог выдержать. Примчался к тебе. Как же я изголодался. Марианна вспыхнула при упоминании о том, что произошло ночью, и отвернулась в смущении. Отец под руку с Линой шли к ним навстречу. В руках отца огромный букет ее любимых белых роз. Марианна наконец-то вернулась на землю, понимая, что они находятся в зале полной гостей.

– Тихо, – одернула она мужа и улыбнулась родителям.

– Маняша, ты красавица, дай поцелую, – но вместо поцелуя отец закружил ее в воздухе, – моя взрослая дочь. Даже не верится.

– Поставь ребенка на место, – засмеялась Лина и обняла Ника, – приехал?

– Да, ненадолго. На один день. Завтра должен вернуться в Лондон, а оттуда в Мадрид к испанским родственничкам. Последние подписи, последние взятки и все. Единое Братство законный клан во всем мире. Лина обняла Марианну, расцеловала в обе щеки.

– Двадцать самый прекрасный возраст. Мы тут с отцом сделали тебе подарок. Смотри. Лина достала с кармана ключи.

– Машина? – спросила Марианна.

– Нет, яхта. Папа назвал ее в твою честь. Вернется Ник и отдохнете вместе. Марианна повисла на шее у отца.

– Я так давно мечтала о яхте, папа. Так давно.

mir-knigi.org

– Знаю. Мы ждали твоего дня рождения. А вот и Кристина с Витаном не смогли приехать из Чехии. Просили передать тебе свои извинения. Там сильная борьба за власть и скоро будут выборы. Витан не может оставить стаю. Самуил через пару минут появится.

– А Фэй? – Марианна посмотрела на отца, и ответ поняла без слов. Фэй не приедет. У нее сейчас главная забота маленький Велес.

– Пошли к столу? Для нас накрыли наверху в малой зале второй стол. Гостей будет развлекать местная рок группа, так что можем по-семейному удалиться. Отец посмотрел на часы.

– Через пару минут. Я кое-кого жду. Важного гостя. Для меня очень важного. Как-то был моим лучшим другом. Прошла чертова туча времени, он провел его в Америке на Аляске, когда-то у нас были общие прииски, потом разделились. Сейчас он связался со мной и предложил выгодную сделку. Не могу отказаться. Найдено новое месторождение алмазов, предлагает стать партнерами.

– А что взамен? – спросил Николас и обнял Марианну за плечи. Она вздрогнула, когда его прохладные пальцы коснулись обнаженной кожи на плечах. Он явно это почувствовал и обжег ее голодным взглядом.

– Взамен присоединение клана на Аляске к Единому братству.

– Ясно, появился большой пирог и каждый хочет жирный кусочек и покровительство.

– У меня нет причин не доверять Роману. Я слишком долго его знал. Это великолепно если он решил стать моим партнером. Николас пожал плечами.

– Тебе виднее. Роман Черновский?

– Он самый. Хотя в последнюю вашу встречу, он по-моему чуть тебя не убил, братец, – усмехнулся Влад, – только тогда ты еще не принадлежал к семье. Николас усмехнулся:

– Помнится мне, когда нас разняли, это мой кинжал был в миллиметре от его сердца. Влад повернул голову к двери.

– А вот и он. Не обманул. Приехал. Марианна с любопытством посмотрела на того, кто только что, вошел в залу. Несомненно, вампир. Только вампиры обладали этой неуловимой и притягательной красотой. Конечно, он не мог сравниться с ее Николасом, но все же бесспорно красив. Медового цвета волосы, буйные непослушные, глаза янтарные как у кота, правильные черты лица, чувственный и порочный рот. Одет шикарно: бежевый костюм и голубая рубашка, темно-синий галстук в тон пуговицам и запонкам.

– Черные Львы…наконец-то познакомлюсь со всеми, – пропел Роман и посмотрел на Марианну, его глаза вспыхнули и тут же погасли.

– Влад.

– Роман. Мужчины пожали руки и крепко обнялись. Затем гость повернулся к Николасу.

– Князь…нехило для предводителя Гиен.

– И я рад тебя видеть. Да, времени прошло с тех пор немеряно. Многое изменилось. Роман усмехнулся:

– Смотрю, ты женился? Не ожидал. А выбор превосходен. Твоя жена редкая красавица. Жемчужина.

– Ну, я всегда выбираю самое лучшее, – самодовольно ответил Николас и привлек к себе Марианну. Она чувствовала, что он немного нервничает.

– Подарок для красавицы княгини. Роман вытащил из-за пазухи бумаги, перевязанные красной тесемкой.

– Конюшни и ипподром. Лучшие арабские рысаки. Знаю, твоя жена любит лошадей. Марианна от радости даже вскрикнула.

– Обожаю. Спасибо. Как вы угадали? Мы с Ником еще недавно об этом говорили. Николас выглядел не особо довольным.

– Когда ты купил конюшни, Роман? Вчера? Тот самодовольно усмехнулся:

– Вчера. Пришлось потрудиться, дать взяток, чтобы остаться первым на торгах.

– Я тоже вчера пытался купить именно эти конюшни.

– Неужели? Ха! Значит, тебе повезло немного меньше. Хотя какая разница – все равно они попали к тому, кому были предназначены. Я потанцую с твоей женой. Ты не против?

Ник был против. Марианна чувствовала его протест каждой клеточкой своего тела. Но это гость. Важный для Влада гость. Николас кивнул, и Роман увлек Марианну к танцующим парам.

– Прекрасно двигаетесь, госпожа Мокану. Поистине великолепно.

– Спасибо. Отец сказал, что вы раньше дружили.

– Да сто лет назад, наверное. Немного повздорили и разбежались. А вы, я смотрю, прекрасно устроились в этом чудесном доме. Николас купил его еще в прошлом столетии. Наверно вы первая женщина переступившая порог именно этого дома. Сказано так, словно в других домах побывали сотни женщин. Роман начинал раздражать Марианну.

– Конечно, ведь я его хозяйка.

– Поразительно. Никогда не думал, что он жениться. Но все должно оставаться в семье не так ли? Кроме того воссоединение двух огромных кланов важное событие. Он явно намекал на то что, их брак с Ником фикция. Марианна отстранилась от него и посмотрела в наглые желтые глаза.

– Роман как вас там…мне не нравятся ваши намеки. Думаю, вам впредь стоит общаться только с моим отцом. Он усмехнулся:

– У котенка есть коготки?

– И клыки, – ответила Марианна, – а точнее две пары клыков если учесть, что я замужем. Спасибо за танец Роман…

– Просто Роман. Можно Рома. Так мне нравится больше. Соблазнительное платьице. Будь я на месте вашего мужа…

– Никогда не будете и разговор окончен. Марианна была в бешенстве. Она пошла на кухню налить себе воды со льдом. Этот знакомый отца просто вывел ее из себя за считанные секунды. Наверняка, Владу он слишком нужен, иначе он бы не общался с этим типом. Марианна почувствовала, как кто-то зашел следом за ней на кухню и улыбнулась.

– Наглец, не правда ли? Марианна обернулась. Муж смотрел на нее тяжелым взглядом, глаза подернулись дымкой, и она поняла, что сейчас произойдет то зачем он приехал. Муж подошел к ней резко привлек к себе.

– Твои стоны стоят у меня в голове еще с ночи…мое воображение доконало меня и довело до изнеможения. Марианна заворожено смотрела на его руки, которыми он поглаживал ее ладонь.

– Идем. Ты покажешь мне, что ты делала вчера…

Когда они оказались в библиотеке Ник закрыл за собой дверь. Облокотился об нее спиной.

– Сними трусики. Сними так же как вчера ночью. Мы повторим все это вместе. Ты покажешь мне все, что делала с собой. Все от чего ты так сладко стонала мне в ухо и лишила меня разума. Кровь бросилась ей в лицо, но она, молча, сделала то, что он просил.

– Дай их мне. Марианна подняла трусики с пола и протянула Николасу.

– Влажные, – заметил он и сунул их в карман брюк.

– Сядь в кресло. Марианна пошла спиной к креслу, приподняла подол платья и села на краешек голой кожей. От одного взгляда на его бледное от страсти лицо, у нее подкашивались ноги. Как же он красив, глазам больно, дух захватывает. Он идеален. Он само совершенство. Все что он делает с ней так восхитительно порочно, что она не перестает сходить по нему с ума. Он ждал, когда она ему покажет, и она показала. Развела ноги в стороны. Он на мгновенье закрыл глаза, его ноздри затрепетали. Марианна облизала пальцы, не сводя с него взгляда, и рука медленно скользнула по согнутой в колене ноге. В тот же миг он оказался рядом с ней, приподнял ее, посадил на стол, задрал юбку по самый пояс. Пальцы скользнули к ее лону, и он мучительно простонал:

– Нет… Не могу…Не могу даже когда ты к себе прикасаешься…Наверное, если кто-то другой коснется тебя, у меня снесет крышу. Прости… не могу больше…не могу терпеть, иди ко мне…

Но она игриво ускользнула от него, соскочила со стола и одернула юбку.

– Ты обещал меня наказать, так накажи. Ник усмехнулся и пошел на нее неумолимо, тяжело ступая по пушистому белому ковру. Почти поймал ее за руку, но Марианна снова ускользнула. Теперь она смотрела, как трепещут его ноздри, как он возбужден и сходила с ума. Неукротимый Николас сходит по ней с ума. Для нее горят его синие глаза. Он расстегнул рубашку, вытащил ремень из брюк.

– Не напрашивайся, не то я свяжу тебя маленькая плутовка. Марианна приподняла подол платья, показывая ему ножку, затянутую в чулок и верх обнаженного бедра.

– Иди ко мне, – хрипло позвал он и снова пошел к ней.

– А можно я? Его брови удивленно поползли вверх.

– Ты?

– Да, можно сегодня распоряжаться тобой буду я? У меня день рождения. Сделай мне такой подарок. Он усмехнулся.

– Хорошо. Что мне делать?

– Сними рубашку и сядь в кресло. Николас медленно расстегнул пуговицы, сбросил черный шелк на пол. Его великолепное тело играло мускулами, блестело при свете свечей, завораживало совершенством линий. Он сел в кресло, вытянул ноги, отбросил ремень в сторону. Марианна приблизилась к нему облизывая пересохшие губы. Неужели он в ее власти? Неужели она может делать с ним все что захочет? От вседозволенности закружилась голова.

Марианна подошла к нему вплотную и увидела, как он смотрит на нее снизу вверх. Жадный, голодный. Облизал губы. Ждет. Марианна подняла ремень с пола, Николас внимательно наблюдал. Когда она взяла его руки и стянула кожей ремня, он прищурил глаза и тихо застонал. Марианна опустилась перед ним на колени, распахнула рубашку и жадно покрыла его грудь поцелуями, облизывая соски, плоский живот. Ник вздрогнул, когда ее тонкие пальчики расстегнули ширинку брюк. Он замер в ожидании, а она в предвкушении. Ей хотелось подарить ему то же удовольствие, что он дарил ей. Когда ее рука сомкнулась на твердом подрагивающем члене, он закусил губу. Руки напряглись. Марианна с любопытством скользнула по стволу могучей плоти и теперь его глаза закрылись.

– Дьявол, девочка…прекрати… Она улыбнулась, но не подчинилась. Теперь ее рука двигалась уже более уверенно, а он еле сдерживал стоны. Кожа ремня заскрипела от напряжения его запястий.

– Малыш…хватит…иди ко мне, – взмолился он Но Марианна не собиралась останавливаться, она наклонила голову и коснулась его плоти языком.

– Нет! – зарычал он – Нет! Черт подери, иди ко мне.

Марианна встала и оседлала его все еще не давая проникнуть в свое тело. Теперь его била дрожь, он смотрел на нее из-под длинных ресниц.

– Давай, милая, не тяни…не могу больше…пожалуйста… Что это? Он ее просит? Разве можно устоять, когда Ник вот так на нее смотрит? Марианна осторожно направила в себя пульсирующую плоть.

– Давай, сядь на него…Черт, малыш…Ну давай же…

Она все еще медлила, чувствуя как член трепещет у самого входа во влажное лоно и он зарычал, поднес руки ко рту перегрыз ремень и насадил ее на себя с диким рыком. Она сама вскрикнула и вцепилась ему в плечи.

– Девочка…ты что творишь?…Ты что со мной творишь?…Я же с ума сойду… Он словно говорил сам с собой, придвинул ее за ягодицы и рывком проник еще глубже, заполняя ее всю. Задвигался быстро, резко. Она впервые слышала, как он громко стонет, точнее, рычит как дикий голодный зверь. Он уже не давал ей превосходствовать, он управлял ее телом как инструментом. Его пальцы сминали ее кожу, Ник дернул корсаж платья вниз и жадно прижался ртом к ее соску, втягивая его в рот, покусывая. Теперь его движения стали неумолимо резкими, рваными, глубокими. Он двигался, сжимая ее груди, все быстрее, наращивая темп, заставляя ее вскрикивать от сладкой боли наслаждения.

– Какая же ты тугая, узкая, горячая…каждый раз как первый…ты сводишь меня с ума… я хочу тебя… я всегда дико тебя хочу, – бессвязно шептал он ей на ухо, – мне хочется тебя разорвать, мне хочется владеть тобой безраздельно… Дьявол, я сойду с ума, если ты меня разлюбишь. Я, наверное, убью тебя, если кто-то другой… Он резко проник в нее еще глубже, взбудораженный собственными мыслями, и Марианна почувствовала, как дикая волна наслаждения взрывается внутри нее. Сокрушительный оргазм сотряс все ее тело. Она подалась вперед и впилась ему в губы, отдавая ему свой крик, заглушая его последние слова. Сквозь туман удовольствия она слышала его хриплый стон, вбирала его дрожь.

Спустя пару минут они лежали на ковре. Николас привлек ее к себе. Они были все так же одеты.

– Прости, я был слишком тороплив, – пробормотал он, целуя ее в шею, – но это ты виновата.

– Ты не тороплив. Ты как всегда самый лучший. Ник внезапно повернул ее к себе и серьезно посмотрел ей в глаза:

– Да, я самый лучший, но не советую тебе сравнивать. Ответ прозвучал довольно жестко, слышалась нотка угрозы.

– Сравнивать? Мне не с кем тебя сравнить. Ты первый и единственный, помнишь? Он улыбнулся и расслабился, снова привлек ее к себе.

– Помню. Просто я до чертей ревнив, малыш. Никогда не думал что способен на это. Были женщины, много женщин, но мне было все равно, в чьей постели они побывали до меня и в чью попадут после. Упоминание о его женщинах больно кольнуло. Марианна приподнялась и посмотрела ему в глаза.

– А с тех пор как ты со мной есть другие, Николас? Он погладил ее щеку большим пальцем и так же серьезно ответил:

– С тех пор как ты называешься Марианной Мокану в моей постели нет места для других женщин. Да и зачем они мне, когда я думаю только о тебе, когда я завожусь только от взгляда на тебя, только от твоего запаха.

– Правда?

– Правда. Я люблю тебя. Ты понимаешь, что я до боли люблю тебя, малыш. Я люблю тебя так сильно, что иногда мне кажется, я могу причинить тебе боль. Марианна улыбнулась:

– Боль? Ты всегда такой нежный, такой ласковый…ты не сможешь причинить мне боль. Не мне.

– Пусть будет так. Наверное, ты права. Наверное, не смогу. Если только…

– Если что?

– Если ты не предашь меня, Марианна.

Николас уехал на рассвете, когда солнечные лучи только появлялись из-за горизонта. Марианна проводила его до дверей спальни. Нежно поцеловала:

– Спасибо, что все бросил и приехал. Я буду ждать тебя. Возвращайся поскорее.

mir-knigi.org

2 ГЛАВА

Бар «Сова» был закрыт для вечеринки готов, зал казалось, кишел черными одеждами, кольцами, серьгами и разнообразным металлом. Музыка грохотала, что есть силы. В этом месте кроме готов всегда можно увидеть и вампиров. Их трудно отличить в толпе бледных, с горящими линзами в глазах, подростков. Но тем не мене возле стойки бара сидели два вампира. Двое парней. Они пили водку и высматривали доноров. Внезапно оба ошалело уставились на новую посетительницу. Впрочем, и не только они. Все обернулись. Девушка была не просто красива, она была обворожительна, ослепительна в коротеньком черном платьице с распущенными каштановыми волосами и прекрасными сиреневыми глазами. Вампиры тут же узнали в ней одну из них. Девушка грациозно приблизилась к парням.

– Привет. Скучаем? Она села рядом и заказала себе шампанское.

Парни осмотрели ее с ног до головы и судорожно сглотнули слюну.

– Уже нет, – ответил черноволосый и сверкнул глазами – ты пришла, и стало веселее. Девушка кокетливо повела плечами, и декольте обнажило нежные полушария полной груди.

– Меня Виктор зовут, а это мой друг Андрей.

– Привет Виктор и Андрей. Девушка отпила шампанское и улыбнулась.

– А тебя как зовут? – спросили они и придвинулись ближе.

– Марианна, – ответила она громко – а еще у меня кое-что есть, и мы можем оттянуться по-полной. С этими словами девушка достала из сумочки пакетик с красным порошком. Глаза парней засверкали. Они обернулись и снова посмотрели на девушку.

– С ума сошла? Где ты его взяла? Если ищейки увидят нам несдобровать.

– Успокойтесь, мальчики. Все схвачено и за все заплачено. Я дочь Влада. Парни удивленно переглянулись, они явно ей не поверили, но предвкушение скорого кайфа отбило у них желание думать. Вскоре они уже шли к черному ходу. Остановились на лестнице.

– Эй, тут нельзя. Здесь везде камеры. Девушка захохотала.

– Тут такая темень, что кроме нас никто ничего не видит, – так кто будет первый, а мальчики? Она спросила это очень двусмысленно, а потом села на перила и стянула бретельки платья.

– Виктор иди ко мне…Твой друг явно слишком робкий. Она притянула к себе черноволосого парня и поцеловала в губы. Потом надкусила ему запястье и посыпала на рану порошок. Парень закатил в экстазе глаза. В тот же момент женщина оскалилась и резким движением вырвала у него сердце. Андрей вскрикнул и попытался бежать, но вампирша догнала его и, запрыгнув ему на спину, крутанула его голову. Послышался хруст костей. Она ловко приземлилась на ноги, а вампир упал на лестницу, запрокинув голову со сломанными шейными позвонками. Девушка склонилась к нему и с наслаждением вгрызлась ему в шею. Послышалось характерное чавканье. Все это время горящие красным фосфором глаза смотрели в глазок видео камеры.

Марианна распахнула окна, и холодный морозный воздух ворвался в комнату. Она сладко потянулась и посмотрела на ясное небо. Вдалеке плыло облако и ей захотелось вот так же

mir-knigi.org

воспарить к небу и вопить о своем счастье. Она пошла в ванную, умылась. Переоделась. После праздника в доме было довольно тихо. Слуги вернутся через несколько часов. Марианна спустилась по лестнице на кухню. Жалобно урчало в животе, и она вспомнила о пакетиках с искусственной кровью заботливо припасенной для нее Николасом. При мысли о муже на губах появилась улыбка и она прижала руки к пылающим щекам. Скоро он вернется, и они снова будут вместе. Целую вечность. Всегда рядом. Один из слуг вампиров поднес ей телефон. Марианна устроилась поудобней на диване и ответила.

– Алло.

– Маняша.

– Папочка. Привет. Как добрались вчера?

– Хорошо добрались, котенок, спасибо. «Котенок? Фу он явно слишком много общался со своим другом».

– Па, не называй меня этим дурацким словом.

– Хорошо. Не злись. Я тут приготовил тебе сюрприз. Я и мама.

– Сюрприз?

– Да котенок. Прости. Да, милая сюрприз. Ты свободна в эти ближайшие дни? Марианна подумала о том, что пока не вернулся Ник она свободна как ветер.

– Свободна, а что? – кокетливо спросила Марианна и откинулась на спинку дивана.

– Мама вчера заказала билеты на Кипр. Поедем погреемся на солнышке? Вся гостиница будет наша. Ну как?

– На Кипр? Почему именно туда?

– Ну, достала зима. Хочется тепла, моря.

– Маму достала зима? Никогда в это не поверю. В трубке возникла пауза.

– Да можешь не верить, но мама захотела побыть у моря. Так что составишь компанию родителям? Давно мы никуда не ездили вместе. Марианна улыбнулась. Конечно, составит. Папа был вторым мужчиной на свете, которому она не могла отказать.

– Хорошо. Поехали. Только у меня нет купальника.

– Мама все купит, она уже пошла по магазинам. Давай я заеду за тобой через пару часов. Так как?

– Пару часов…Хмммм… Маловато.

– Самолет уже скоро, мы взяли горящую путевку.

– Ладно. Приезжай, я побежала собираться. Только Нику позвоню, скажу что перезвоню ему с Кипра. А то ты его знаешь, если не отвечу – бросит все и вернется домой. Марианна усмехнулась, уверенная, что именно так он и поступит.

mir-knigi.org

– Я ему уже сказал, что мы уезжаем. Так что не ищи причины задерживаться. Давай, котенок, целую.

– ПАПА!

– Все прости прости…. Марианна нахмурилась, закрыла крышку сотового. Потом напевая, поднялась наверх, распахнула шкаф. «Кипр…Интересно как ему удалось потащить маму на Юг? Если бы он мне сказал Сибирь, я бы и то больше поверила. Ну и ладно. Кипр так Кипр. Нужно отвлечься, пока нет Ника, не то уже завтра я взвою».

Влад положил трубку и странно улыбнулся, и вдруг его лицо на глазах трансформировалось, кожа натягивалась, смещаясь, то обвисая, то обтягивая скулы, и он вновь стал самим собой. Романом Черновским. Вампиром. Демоном – хамелеоном. Он спустился на лифте с последнего этажа гостиницы и сел в новенький «мерседес» с теми же номерами что и у Влада.

Примерно в то же время в доме Самуила зазвонил сотовый. Бывший король вздрогнул, когда увидел, что звонит ТОТ мобильный. Внутренняя экстренная связь.

– Да! Что случилось, Иван? Почему по этому номеру?

– У нас неприятности. Сегодня ночью убит один из наших. Другой искусан до полусмерти.

– Не понял?

– Вы не ослышались. Один из вампиров убит, а другой искусан или Эристзаром или другим существом. Оба сейчас в нашем отделении. Ищейки допрашивают выжившего. Кажется, есть подозреваемый. Самуил нахмурился:

– Кажется, или есть?

– Есть. Камеры зафиксировали убийцу. Чувствовалось, что Иван очень взволнован, даже шокирован и испуган.

– Ну, так возьмите этого урода и везите ко мне или к Владу.

– Вы должны приехать и посмотреть пленку, Самуил. Бывший король раздраженно поправил воротник белой накрахмаленной рубашки.

– Дьявол, ты думаешь мне нечем больше заняться?

– Вам стоит это увидеть, прежде чем ищейки получат доступ.

– Да кто же там черт подери на этой пленке? Ответ заставил его вскочить с кресла и опрокинуть вазу на столе. Осколки разлетелись в разные стороны.

– Это ваша внучка, Самуил. Это Марианна.

Марианна выпорхнула из дома, прихватив маленький чемоданчик. Машина отца стояла у парадного входа. Марианна улыбнулась и быстрым шагом направилась к автомобилю. Отец вышел из машины, поцеловал ее в щеку, забрал чемодан и галантно открыл перед ней дверь.

– Что-то ты такой молчаливый? – смеясь, спросила Марианна, устраиваясь на переднем сидении.

– Так устал немного от всех приготовлений. Пристегнись. Марианна смотрела на Влада и ее одолевали смутные сомнения. Он казался каким-то странным, взволнованным, взвинченным и выражение лица у него необычное, какое-то хищное. Она пристегнулась, и они тронулись с места. Машина быстро понеслась по городским улицам в сторону аэропорта.

– Мама уморила с покупками? Как всегда в своем репертуаре?

– Ага, ты ж ее знаешь, она из магазинов не вылазит. Марианна снова нахмурилась:

– Мама? Да она, как и я ненавидит покупки. Я думала, она наоборот не хотела ничего покупать. Па, что с тобой сегодня? Ты сам на себя не похож. Проблемы с бизнесом? С Кристиной? Что не так? И вдруг отец усмехнулся и совсем перестал быть похож на себя:

– Как в сказке про красную шапочку, котенок? В этот момент он резко повернулся к ней и приложил платок к ее лицу. Марианна почувствовала резкий неприятный запах, а потом тело начала окутывать странная слабость, постепенно немели руки и ноги. В глазах потемнело, но она успела увидеть, что рядом с ней уже не отец, а Роман. Он улыбался, оскалив острые клыки. Последнее, что Марианна услышала, это был его смех.

– Ну вот и началась игра. Милая игра. И так просто. Все вы попались так быстро. Даже не ожидал, что все пойдет как по маслу. Спи котеночек. Тебя ждут удивительные приключения.

Роман свернул на узкую дорогу и на ходу набрал номер своей напарницы:

– Она у меня. Спит без задних ног. Валей ждет? Отлично. Где состоится обмен? С моей частью сделки покончено. Теперь твоя очередь, дорогая. Сведи их всех с ума… Не понял, что значит уже узнали? И что? А… камеры – тогда понятно. Да, успокойся, старик ничего не заметит, не так хватка у него уже, что раньше, ты с ней как две капли воды была похожа. Никаких сомнений. Не переживай. А торги? Ты говорила, что я получу от этого еще и хороший куш. Ясно. Значит, торги будут. Интересно Ибрагим оценит этот лакомый кусочек? Или ее купит кто-то другой. Все все…молчу. Уже еду. Скажи перекупщику, что я там буду через полчаса. Проследи, чтобы ищейки не следили, за торговлю живым товаром сама знаешь, что бывает.

Самуил просмотрел пленку несколько раз. Он даже выборочно останавливал кадры. Внутри все замирало, вибрировало от предчувствия страшной неотвратимой беды. Сомнений нет – это и в самом деле Марианна. Но почему? Какого дьявола она себе позволяет? Что вообще произошло с их милой девочкой? Этот страшный оскал, эти верные смертоносные движения, им нужно долго и упорно учиться. Или то существо, а точнее та тварь, которой она стала после обращения, постепенно забирает его любимую внучку? Его ангелочка. Самуил тяжело вздохнул. А ведь эту пленку долго скрывать не удастся и придется говорить о ней с Владом и Линой. Хотя, может, сбилась девочка немного. Все пройдет, изменится, может случайно все это. Но при взгляде на страшные глаза и окровавленный рот вампирши, он сомневался, что убийство было спонтанным. И место и время выбрано специально. А может это вовсе и не первое убийство? Самуил хотел бросить пленку в камин, но потом передумал и спрятал во внутренний карман пиджака. Он поедет к ней сам и все выяснит. Покажет ей это кровавое пиршество и послушает, что она скажет в свое оправдание. Самуил, с грузом на сердце и в душе, сел за руль. Пока что ни Владу с Линой ни Николасу не нужно знать об этих преступлениях. Он попробует справиться сам. Для начала поговорит с Марианной с глазу на глаз. Самуил ехал слишком быстро, он нервничал, его руки тряслись и крепко сжимали руль. Перед глазами все еще стоял оскал и жуткая гримаса вампира убийцы. Самуил понимал, что его поступок слишком опрометчив и слишком эгоистичен, но он больше не король и не должен думать в первую очередь о братстве, он может подумать о семье. Остановив машину у дома

Николаса, Самуил подождал пока слуга заберет автомобиль, и поставит на парковку. Как только он переступил порог дома, то сразу понял, что там слишком тихо. Он подождал несколько минут и позвал управляющего. Тихого молчаливого человека, которого на работу брала сама Марианна. Слуги души в ней не чаяли. Этот дом был единственным, где вампиры и люди работали вместе без расовых различий. К слугам относились хорошо. Даже слишком хорошо на взгляд Николаса, но старший сын не перечил молоденькой жене. Николас вообще изменился и Самуил с трудом его узнавал. Ему не верилось, что этой маленькой фее удалось то, что не удавалось никому – усмирить Николаса и не просто усмирить, а изменить его в лучшую сторону, развернуть на все сто восемьдесят градусов. Разве после этого можно поверить той пленке?

– Где твоя хозяйка? – спросил Самуил у управляющего.

– Уехала. Наверно, где-то, час назад. Господин Воронов приезжал за ней, вроде отдыхать собрались. Она сказала нам, что ее не будет дня три, что господина Мокану предупредили и чтобы я следил за домом. Самуил нахмурился: «Отдыхать? Я с Владом утром разговаривал, и он ничего мне не говорил о своих планах. Если бы собирался отлучиться, то наверняка передал бы все дела мне. Тем более на носу сделка с Черновским» – Ты уверен?

– Да. Слуга переминался с ноги на ногу. Он явно чувствовал себя неуютно рядом с древним вампиром. Обычная человеческая реакция. Самуил отпустил его и позвонил Владу.

– Сын? И куда это вы все собрались, а мне ничего не сказали?

– Не понял, пап, у тебя что-то срочное? У меня важная встреча через пять минут. Позвони Лине, хорошо? Самуил на мгновенье застыл, а потом хрипло спросил:

– А Марианна не с тобой?

– Нет. Она дома. Я с ней после вчерашнего приема еще не разговаривал. Пап, что-то случилось? Я тороплюсь. Самуил сомневался мгновенье и ответил:

– Нет, сын. Все хорошо. Иди на встречу, я потом тебе позвоню.

Он закрыл сотовый и посмотрел в сторону. Что-то происходит. С Марианной что-то происходит и он еще не до конца понял, что именно. Она уехала, обманула слуг. Зачем? К чему весь этот маскарад? Самуил позвонил Нику.

– Привет, сын.

– Самуил? Не ожидал, что так быстро за мной соскучишься. Или что-то случилось.

– Да нет, ничего. Просто приехал к Марианне, а ее нет. Ответ Николаса поверг его в ступор:

– А Влад ничего тебе не сказал? Они ж все вместе устроили Марианне сюрприз. Укатили на Кипр, она должна мне позвонить через несколько часов.

– Это она тебе сказала, Ник?

– Да, сообщение прислала, а что? Не понимаю у тебя странный голос. Папа! Что случилось? Говори, я чувствую – что-то не так. Самуил не знал, что сказать, но ситуация принимала странный оборот. Влад мог сам позвонить брату в любую минуту, и обман откроется тут же.

mir-knigi.org

Только зачем Марианне так рисковать?

– Отец! Не молчи! Мне не нравится, что ты молчишь. Что происходит?

– Ничего не происходит, сын. Просто обиделся на Влада за то что меня не предупредил. Эх, детки вы мне нервы треплете. Ладно. Поеду домой, позвоню потом Владу прочистить мозги. Все, давай сын, не бери в голову. Послышался вздох облегчения.

– Черт, Самуил, не пугай меня так, я думал что-то случилось. Влад как всегда любит делать сюрпризы. Но я был рад, что Марианна не будет дома одна сидеть.

– Давай, сын, еще созвонимся. Самуил сел за руль автомобиля и задумался. «Все это очень странно. Просто неимоверно странно. Я должен найти эту проклятую девчонку где бы она не была. У меня всего три дня. И за это время нужно многое успеть. Эх…Фэй не хватает. Но придется ей звонить, если ничего не выйдет» Самуил снова взялся за сотовый.

– Иван, слушай меня внимательно и запоминай – сейчас ты возьмешь под контроль все сотовые телефоны семьи. Все без исключения и телефон Влада тоже. Не перебивай. Ты знаешь, что моя сила и мои связи никогда не станут другими даже с приходом моих сыновей к власти. Все звонки, которые направлены с сотового телефона Влада на сотовый Николаса и наоборот отслеживать и блокировать. То же самое касается сотового Лины. Должен включатся автоответчик тебе ясно? Это не надолго. Дня на три не больше. Теперь сотовый Марианны – отследить местонахождение и немедленно доложить мне. Нет сейчас «во-первых», все важно.

Все немедленно и не терпит отлагательств. Подключи наших из СБУ. Никто не должен об этом знать, Иван. Все. Действуй. Я жду твоего звонка. Местонахождение Марианны мне нужно немедленно. Ищеек не подключать. О пленке никому не говорить. Я очень надеюсь на тебя, Иван. В долгу не останусь. Отбой.

3 ГЛАВА

Марианну разбудило мерное покачиванье, и шум, странный монотонный шум колес, а еще и другие звуки, едва поддающиеся определению: то ли стоны, то ли плач. Она пошевелила руками и вдруг с ужасом поняла, что ее руки закованы, впрочем, и ноги тоже. Она дернулась, и зазвенели цепи. Вокруг темнота, которая уже начала рассеиваться, для нее не существовало мрака. Теперь она различала брезентовые стены фургона и других женщин. Фургон был наполнен ими, все прикованы и сидят в ряд. Некоторые плачут и стонут. Но это люди, существа других расс молчали, они смотрели на Марианну горящими в темноте глазами, и она поняла, что здесь не только вампиры, но есть и ликаны. Их всех куда-то везут. Марианна вспомнила, как все произошло, и стиснула зубы и кулаки. Ее обманули, ее заманили в ловушку. Этот Роман не просто вампир. Он нечто другое, нечто умеющее принимать любой облик, словно, хамелеон.

– Куда мы едем? – тихо спросила она В ответ тишина. Через минуту ей ответила женщина, сидевшая посередине с массивным ошейником и длинными спутанными волосами.

– В Акразар. Странное название, непонятное.

– Куда?

– В Акразар. На торги. Марианна ничего не понимала, она всматривалась в лицо собеседницы, но черты различить не могла, только горящие синим фосфором глаза.

– Мы теперь все рабыни Валена. Нас продали, понимаешь? Нас везут на торги в Акразар, где у каждого из нас появится демон-хозяин. Марианна вначале остолбенела от шока, она переваривала каждое слово собеседницы и вдруг истошно закричала:

– Что за бред? Какие торги? Какие к черту торги?! Я дочь Влада Воронова, я – княгиня Мокану и меня будут искать. Остановите машину, твари! Остановите, я сказала! Кто-то из пленниц истерически засмеялся, а женщина с ошейником сказала:

– Успокойся, им всем наплевать кто ты такая. Если ты попала к Валену с этого момента ты – рабыня, никто, пустое место. С тобой можно поступать как угодно хозяину или работорговцу. Они могут тебя насиловать, бить, продавать или даже убить. Ты теперь собственность Валена. И поверь, если ты здесь, то искать тебя уже никто не будет, а если и будут, то никогда не найдут. Завтра тебя купит управляющий одного из демонов, и ты станешь собственностью, вещью, без имени, без прав. Если тебе очень повезет, то ты понравишься своему хозяину и получишь привилегии, а если нет – то гнить тебе в темницах его дворца вечно.

Марианна смотрела в темноту расширенными от ужаса глазами. Ей не верилось, что все это происходит на самом деле. Ей казалось, что этот кошмар, просто чья-то шутка или издевательство. С ней, с дочерью короля такого не могло произойти. Она снова истошно закричала, принялась бить ногами, руками, пытаться сорвать цепи. От нее отодвинулись подальше и никто даже не посмотрел в ее сторону кроме женщины с ошейником, она протянула руку и положила ее Марианне на плечо.

– Бесполезно. Береги силы, дорогая. Береги силы, они тебе понадобятся. Никто не знает, как все пройдет на торгах. Если никто из демонов тебя не купит, то Вален отдаст тебя на потеху работорговцам, а потом они убьют тебя как животное.

Так что сиди тихо и просто молись богу, чтобы понравится кому-то из управляющих. Для этого ты должна хорошо выглядеть. В этот момент одна из женщин дико закричала и Марианна с ужасом увидела, как две вампирши грызут ее, безжалостно рвут на части. Чавканье и противный хруст разносились по всему фургону.

– Прекратите! – закричала Марианна – Прекратите, что же вы делаете?

– Естественный отбор, они голодны, их везут на трое суток дольше, чем тебя и меня, они умирают с голоду. Нас покормят только в Арказаре. Марианна закрыла лицо руками и прислонилась к брезентовой перегородке. Весь ужас происходящего только начинал доходить до ее воспаленного сознания, и она тихо пробормотала:

– Не знаю как вас, но меня будут искать. У меня есть муж, мой отец король братства. Они это так не оставят. Женщина тяжело вздохнула.

– Эй, меня Настей зовут, а тебя?

– Марианна…как, как такое может происходить, почему? – Марианна со слезами посмотрела на Настю.

– Такова жизнь демонов. Каждый год они пополняют свой гарем, если так это можно назвать, но иного слова не нахожу. У демона должно быть не меньше девяти жен и не меньше ста наложниц. Чем их больше, тем влиятельней демон и богаче. Оргии, вакханалии, ритуалы и садистские вечеринки сильных мира сего, приемы гостей все это сопровождается красивыми куклами – нами. Люди нужны для жертвоприношения и размножения. Все просто и банально.

– Он заманил меня в ловушку…зачем? Почему? Почему я? Настя грустно улыбнулась:

– Я тоже в первый день думала только об этом: «почему я?». А потом начала думать о том, что нужно выжить. Мной расплатились с Валеном за долги. Вот так просто отдали старшую дочь, чтобы другие жили дальше. Ты как сюда попала?

Видела, что ты долго была без сознания. Обычно все девушки попадают в эту машину смерти по своей воле или по воле тех кто из продал перекупщику.

– Меня заманили в ловушку… Этот вампир… он…о н дьявольским образом принял обличие моего отца.

– Хамелеон, – Настя вздрогнула – значит, ты ценный товар, раз на это дело взяли хамелеонов. Это слуги демонов, страшные слуги. Они палачи. Приводят в исполнение приговор Аонэса.

– Аонэса? При этом имени Марианну бросило в дрожь. Аонэс замешан в ее похищении. Это он все устроил. Он решил причинить ее близким боль. Как они узнают об ее исчезновении? Пройдет долгих три дня пока они бросятся ее искать. За это время ее судьба уже давно решится. Марианной овладел приступ отчаянья.

– Откуда ты все это знаешь? Кто ты?

– Я из клана Северных Львов. Я актриса. Неплохая актриса. Меня всю жизнь готовили к этому дню. Я знала, что рано или поздно за мной придут слуги Валена и заберут за долги отца. Марианна, не отчаивайся. Еще не все потеряно. Нужно бороться. Нужно выживать, а там мы посмотрим, как выбраться из этого дерьма.

Фургон затормозил и уже через минуту с лязгом опустили перегородку. В лица пленницам посветили фонарями с ультрафиолетовым лучом, чтобы ослепить вампиров и ликанов.

– Суки! Эти твари загрызли несколько женщин! Кто посмел?! Отвечайте не то всех к столбу и по сто плетей. Кто? Перевозчик в маске оскалился и посмотрел на пленниц. Все молчали.

– Суки!

– Не рычи. Они не признаются. Выброс трупы, а остальных веди в тоннель. Вален уже ждет. Новенькую и актрису в сторону. Их посмотрят отдельно. Женщин грубо вытащили из фургона и выстроили в вереницу, сковали цепями. Вдруг одна из пленниц бросилась на перевозчика и укусила за руку.

– Подонок! Теперь ты сгниешь, тварь! Сегодня полнолуние! В ответ перевозчик ударил ее ногой в живот, потом достал железную дубинку из-за пояса и принялся методично избивать по голове, по ребрам. Слышались жуткие крики и хруст сломанных костей.

– Псина драная! У меня противоядие есть! На сука! Получай! Другой перевозчик пытался оттянуть напарника, но ему это не удавалось.

– Прекрати! Прекрати! Оборотней у нас и так мало. Не бей! Вален будет злиться! Не бей говорю. Накажем ее по-другому! Эй! Трахнем как драную кошку! Следов не останется и другим неповадно будет! Марианна с ужасом смотрела, как женщину потащили к фургону. Обессиленная истекающая темной кровью, она все еще сопротивлялась, все еще билась. Марианна дернулась, но Настя прикованная к ней одной цепью сжала ее руку:

mir-knigi.org

– Не смей. Не поможет, и себя погубишь! Молчи и просто отключись.

Но Марианна не могла отключиться. Она видела, что они делали с несчастной, она слышала ее крики и ругань перевозчиков. Они насиловали ее долго. По очереди. А иногда и вместе одновременно. Марианну начало тошнить. Она зажмурилась, стиснула зубы, но отключиться не получалось. Дикий крик разносился по пустырю, и от него стыла кровь в жилах. Когда все закончилось обессиленную, растоптанную жертву насильно напоили кровью и заставили есть сырое мясо, чтобы вернуть прежний здоровый облик. Она уже не сопротивлялась, она молча ела разрывая мясо дрожащими руками и не смела посмотреть на свих мучителей. Ее сломали. Быстро и безжалостно показали ей чего стоит жизнь.

– Терпи…это трудно, но ты терпи… Настя все еще сжимала руку Марианны так крепко, что у той заболели кости. Через несколько минут перевозчики вернули несчастную в строй. На вид и не скажешь, что ей сломали ребра и нещадно били по голове. Ни одной царапины, ни одного шрама. Но Марианна видела ее глаза, они потухли, превратились в подернутые дымкой озера боли и страдания. Рубцы остались у нее в душе, у нее на сердце. Жертва не забудет того что они с ней. Ни она, ни Марианна. Теперь только до Марианны дошли слова Насти: «Мы никто, мы их вещи, их рабы, они могут нас насиловать, бить, терзать».

– Все твари?! Теперь все успокоились! Пошли за мной!

Самуил ждал ответ Ивана более часа. Так и сидел в своей машине, глядя в одну точку, в пустоту. Как только завибрировал мобильный, он тут же ответил:

– Слушаю! Что там у тебя?!

– Все как вы велели. Сотовые заблокированы.

– Где она? Марианну нашли?!

– Сигнал сотового затихает на окраине города. Вот точные координаты. Я отправлю к нам наших и они…

– Нет, я пока сам. Никому ни слова. Нужно будет – позову. Давай адрес.

Когда Самуил приехал в указанное Иваном место, он тут же заметил машину Влада, брошенную у кювета. Бросился к ней, распахнул дверцу. На сидении сотовый внучки и запах. Странный запах повсюду, перебивающий все остальные, наверняка разработанный для того чтобы скрыть следы. Самуил обессилено застонал. Без ищеек не обойтись. Нужна помощь. Срочно нужна помощь. Он обошел машину со всех сторон и увидел шарфик Марианны, зацепившийся за куст можжевельника. Быстро поднес его к носу. Им овладело странное предчувствие беды. Он чуял запах страха…все вокруг пропитано странной энергией ужаса и безысходности. Самуил отошел чуть дальше, пытаясь рассмотреть на снегу следы. Ничего, кроме узора шин множества других автомобилей. Он снова позвонил Владу.

– Прости, что отрываю. Марианна брала сегодня твой «мерседес»?

– Нет. Я сейчас за рулем. Пап…что случилось? Мне не нравится твой тон. Самуил!

– Сейчас передо мной автомобиль с твоими номерами. Он брошен на окраине города, в нем сотовой твоей дочери. Ты можешь это как-то объяснить? Раздался резкий шум и Самуил понял, что только что Влад остановился.

– Что значит мой автомобиль?

– Ну, или очень похожий на твой с твоими номерами. Пару часов назад я приезжал к Марианне и…и слуга сказал, что она уехала с тобой…

– Черт возьми, это шутка? Я не видел дочь со вчерашнего дня!

– Тогда у нас большие неприятности, Влад. Марианна пропала. Я не пойму, какого дьявола тут происходит, но ты должен приехать и кое-что увидеть. Не говори пока Лине, и своему брату.

– Пропала?

– Именно пропала, если она уехала на этом автомобиле, значит, она сбежала или ее похитили. Здесь сильный запах эфирных масел, они заглушают все остальные запахи.

– Папа вызывай ищеек. Я еду к тебе.

– Не могу ищеек сын. Сначала ты должен это увидеть, а потом решим, как поступить.

Как назло пошел снег. Не просто снег, а началась самая настоящая метель.

Самуил сел в машину дожидаясь младшего сына. Влад приехал быстро. Слишком быстро и бывший король с ужасом увидел две совершенно одинаковые машины.

– Какого черта?! – выругался Влад осматривая свой автомобиль – Это словно чья-то идиотская шутка. Я говорил с охраной в доме Ника, они просмотрели съемки с камер наблюдения и ты знаешь, что они мне сказали, отец? Что Марианна уехала вместе со мной.

– Мне все это не нравится. Все это очень похоже на какой-то заговор или… Влад посмотрел на отца, потом присел в снег. осматривая следы, быстро исчезающие под новым покрывалом снежинок.

– Или что? Последние дни одни неприятности. Сегодня утром нашли два трупа. Двух женщин. Их растерзали прямо на улице, в людном месте. Женщины клана Северных Львов. Тела не разложились, как после нападения другого вампира. Самуил ударил кулаком по капоту машины:

– Прикажи все пленки нести тебе, не подключай пока ищеек. Влад продвинулся дальше по тропинке, осматривая местность.

– Почему? Здесь бы не помешала работа профессионалов с их оборудованием.

– Потому что я знаю, кто совершил эти убийства и ни ты, ни я не захотим, чтобы эта информация просочилась. Влад поднял голову:

– Кто?!

– Твоя дочь. Король вскочил на ноги и посмотрел на отца как на безумца:

– Марианна?! Это бред! Просто бред! Никогда в это не поверю!

– Я бы тоже не поверил, если бы не увидел собственными глазами. Оставь, ты ничего здесь не найдешь, через пару минут все заметет к чертовой матери. Поехали ко мне, посмотришь пленку. Прикажи все улики нести только тебе. Влад, что-то происходит. Что-то чего даже я не

mir-knigi.org

могу понять. С нашей девочкой. Непонятные перемены. Нужно остановить ее, найти, пока никто не узнал о том, что она вытворяет. Влад нахмурился. Он все еще не верил отцу. Марианна не может быть убийцей. Только не она. Домой они ехали молча. Влад думал о том, что наверняка все это глупое недоразумение и отец ошибается. А Самуил наоборот, он уже не сомневался в том, что Марианна пытается скрыться после всего, что натворила.

– Среди ищеек у меня есть кое-кто кто обязан мне жизнью, пришло время попросить его вернуть долг, – произнес Влад и его челюсти сжались.

– Серафим?

– Никогда я ему не напоминал об этом, но видно пришло время. Нам не обойтись без этого. Черт, ничего не пойму. Если ты прав, если убийства совершает именно Марианна, то почему она не пришла к нам? Ведь понимает, что у нее будут неприятности. Не знаю. Пока что хочу посмотреть на пленки. Может ты ошибаешься, отец?

Николас с удовлетворением положил подписанные бумаги в кожаную папку и вздохнул. Если все будет проходить так быстро, то он вернется домой не через две недели, а через пару дней. Лондон ему надоел, сделки, договора. Как же он все это ненавидел. Не его это стихия. Нужно найти кого-то кто будет делать это за него. Заместителя например. Расставание с Марианной затянулось и ему уже невыносимо хотелось вернуться домой. Эта девочка стала смыслом его жизни, его радостью, его отдушиной. Все к чему она прикасалась начинало светится необычно ярким светом любви. А еще у него никогда и ни с кем не было такого секса как с ней. Хотя, он не мог назвать то, что происходило между ними именно этим словом.

С ней он занимался любовью безудержно, ненасытно, но именно любовью. Его страсть зашкаливала, превращалась в болезнь, в зависимость, в навязчивую манию. Марианна сводила его с ума в полном смысле этого слова. Она не делала это умышленно, ни капли фальши, притворства. Она его желала так же сильно, как и он ее. Каждое слияние с ней походило на волшебство и, наверное, он помнил все, что происходило между ними. Каждую их ночь, каждый поцелуй, потому что всегда это было по-разному и его чувства менялись как в калейдоскопе от нежности до первоботного желания владеть ее телом безраздельно. Николас зашел в номер гостиницы. Бросил папку на стол и включил свет в душевой. Человеческие привычки сильны даже спустя столетия. Сняв рубашку, он посмотрел на сотовый телефон, потом на часы. Прошло довольно много времени, с тех пор как Марианна уехала с родителями. С того момента ему никто не звонил. Он взял сотовый в руки и перечитал ее последнее сообщение. Сейчас ему показалось, что оно довольно сухое. Какое-то официальное. Марианна всегда могла вложить в любое слово, сказанное ему тайный смысл понятный только им одним. Она всегда говорила с ним между строк, а это послание больше похоже на переписку с давним знакомым. Николас набрал ее номер и услышал автоответчик. Закрыл телефон и задумался. Потом поддавшись внезапному порыву позвонил Владу, Лине у всех включался автоответчик. Ник немного успокоился. Раз все не отвечают, значит, наверное, все в порядке, они заняты или еще не доехали. В этот момент сотовый завибрировал, возвещая о полученном сообщении. Ник посмотрел на номер отправителя «аноним», открыл сообщение и почувствовал, как по телу пробежал холодок. «Немедленно возвращайся домой. Сейчас же. Фэй» Ник почувствовал как сердце замерло, прекратило биться совсем. Вспомнился звонок Самуила и предчувствие чего-то ужасного вернулось с новой силой. Он выскочил из номера на ходу заказывая чартерный рейс в Киев. Тоска тисками сжала сердце. Это Марианна. С ней что-то случилось. Он чувствовал это каждой клеточкой своего тела.

Марианна сжала руки в кулаки с такой силой, что ногти поранили кожу на ладонях. Подобного унижения она еще никогда не переживала за всю свою жизнь. Ну, где же ее сила, ее дар ее неиссякаемая энергия? Почему сейчас она чувствует себя беспомощной как цыпленок? Настя сказала, что их всех опоили успокаивающим зельем, нейтрализующим их силу и способности. Это зелье добавлено в еду и питье. Никто не хочет рисковать. Рабыни принимают его в обязательном порядке. Непокорным вливают силой.

Все рабыни, голые, стояли в шеренгу, а Вален рассматривал их как лошадей на ярмарке. Марианну и Настю не раздели, они стояли в стороне, взявшись за руки, и смотрели на того, кто вершил судьбу их подруг по несчастью. Вален явно принадлежал к клану Гиен. Его глаза горели зеленым блеском, а характерные светлые волосы и желтоватый цвет кожи выдавал в нем принадлежность к этому низшему сословию. Он осматривал пленниц одну за другой, ощупывал их тела, трогал волосы. Нескольких он уже забраковал, и теперь их тащили обратно в фургон. Марианна искренне надеялась, что их отпустят, но услышав их истошные крики, поняла, что там их поджидала смерть. Отсюда нет дороги назад. Перевозчики, испачканные кровью жертв, вернулись спустя несколько минут, вытирая кинжалы об одежду. Вален продолжал свой осмотр. Тех, кого он одобрил, уводили в другой фургон. Наконец дошла очередь до Марианны и Насти.

– Красотки, а ну ка, покажите своему папочке, что вы прячете под этими тряпками? Настя покорно сняла платье через голову, а Марианна лишь сильнее сжала руки в кулаки.

– Ты меня слышишь, ты с фиолетовыми глазами? Снимай шмотки и покажи мне свое тело. Симпатичная физиономия еще не залог успеха на торгах. Марианна и не думала покориться. Она смотрела на Валена из подлобья. Один из перевозчиков что-то шепнул на ухо Валену и брови того поползли вверх.

– Ну и что?! Да хоть сама царица Савская! Для меня ноль, шлюха, пустое место! Снять тряпки, я сказал!

– Да пошел ты! – процедила Марианна сквозь зубы и решила, что если тот к ней прикоснется хоть пальцем – она убьет его, даже если после этого умрет сама. Лицо Валена заострилось глаза вспыхнули, и он сжал плеть покрепче и замахнулся. Марианна даже не моргнула глазом, не дернулась и не отшатнулась. Рука Валена медленно опустилась.

– Если бы я не был уверен, что ты принесешь мне немерянные бабки, я бы убил тебя прямо сейчас. Но на тебя уже есть покупатели. Знатные покупатели. Сучка строптивая. Твое счастье, что ты так много стоишь. С этими словами он повернулся к перевозчикам.

– Подержите ее, я осмотрю зубы и хоть на ощупь проверю, что под этими дорогими шмотками скрывает наша прынцесса. Марианну тут же схватили сзади, ее руки завели за спину, а голову оттянули за волосы назад и придавили шею, так что она не могла даже пошевелиться.

– Не дергайся, не то я за себя не ручаюсь. Стой смирно. Вален приподнял ее верхнюю губу, осматривая зубы.

– Клыков нет. Хоть она и зла как дьявол клыки не появились. Она вообще вампир?

– Вроде да…но там есть примесь еще чего-то, нам сказали что она не простой вампир.

– Ясно. Его руки скользнули у нее по груди и ощупали полные полушария, потрогали соски, затем талию, бедра, ягодицы. Марианна содрогнулась от брезгливости, поморщилась, силясь вырваться, но рука перевозчика сдавила ее горло еще сильнее.

– Тело упругое, сочное… и теплое…очень теплое….словно и не вампир она вовсе. Может дампир? А ну ка поверните ее спиной хочу кое-что проверить. Хотя вряд ли…но посмотреть стоит. Брыкающуюся Марианну развернули спиной к Валену. Тот разорвал ее платье сзади и присвистнул.

– Ну, нихрена себе….Вы это видите или только я?

– Мать вашу…падший ангел….обалдеть! Валей довольно усмехнулся. Потрогал пальцами рубцы от вырванных крыльев. Единственная рана, которая не заживала никогда на ее теле.

– Цены ей нет…Вы хоть понимаете, что мы имеем?…Вы понимаете, сколько она будет стоить? Я нахрен брошу это вонючее занятие после того как продам эту сучку. Падших не было в моих руках уже более пяти сотен лет. Последняя из них теперь замужем за Морганом, верховным демоном. Падшая и обращенная…в ее теле сила и еще кое-что… – Валей прижал руку к животу Марианны и она напряглась, сжалась в комок нервов.

– Когда пройдет шесть сот лун с ее обращения, она будет способна зачать…зачать такого же как она сама…зачать от темного существа будь то демон, вампир или ликан… Такие, как она созданы править миром.

Валей захохотал, радостно потер лицо. Его настроение окончательно исправилось.

– Я буду беречь тебя птичка, беречь как зеницу ока. Ты поедешь со мной и будешь под моей личной охраной… Ох повезло так повезло. Ей двойную дозу лекарства каждые четыре часа. Бросил он охранникам и снова посмотрел на Марианну как на ценный экспонат. Девушка не отводила взгляда, не опускала глаза и вдруг сказала, обращаясь к Валею.

– Можно просьбу… Тот усмехнулся, но не разозлился. Лишь взял ее личико за подбородок:

– Ты осмелилась заговорить со мной? Гордишься тем, что я сказал…а? Правильно делаешь, малышка. Правильно гордишься…проси…проси, я сейчас добрый.

– Настя…пусть поедет с нами. Валей пожал плечами.

– Пусть едет. Я все равно собирался выставлять вас вместе. Она конечно пойдет среди второго сорта, но можешь взять ее с собой… И помни какой я великодушный, птичка, помни это хорошо. Настя с благодарностью посмотрела на Марианну, когда их усадили в роскошный джип, и бросили им пакетики с кровью. Марианна отдала свой Насте и закрыла глаза. Она устала, она смертельно устала. А еще этот чертов сукин сын сказал нечто такое, о чем Марианна хотела подумать в тишине. Что означают его слова?

Через шесть сот лун она станет способной к зачатию? У нее могут быть дети? Шесть сот лун это почти три года. С момента обращения прошло почти два. Неужели это правда? Почему никто и никогда об этом не знал?

4 ГЛАВА

Впервые на семейном совете было так тихо. Словно все пребывали в состоянии глубокого транса. На огромном экране застыло лицо Марианны с окровавленным ртом и горящими глазами. Настенные часы громко тикали, вызывая дрожь у каждого из присутствующих. Влад смотрел не отрываясь на экран. Лина закрыла лицо руками, а Самуил лихорадочно ходил по кабинету, сцепив руки за спиной. Не хватало лишь Николаса. Никто не решился еще ему позвонить. Ни у кого не поднималась рука набрать его номер. Серафим стоял с опущенной

головой и сжимал в руках записку, которую получили час назад все члены семьи. Одинаковые клочки бумаги, где ровным красивым почерком Марианны было выведено лишь несколько слов.

«Да, это все сделала я. И не ищите меня. Я выбрала иной путь, отличный от того лицемерия, которое избрали все вы. Мой повелитель позвал меня и иду ему служить. Прощайте. Не ищите»

Прошли сутки с момента ее исчезновения. Ровно сутки, а казалось целая вечность. Теперь, когда все они уже знали, где находится Марианна, никто не мог произнести ни слова. Серафим принес в их дом нечто худшее, чем просто смерть близкого он принес в их дом предательство. Он принес им траур и страдания. Ищейка осознавал, что теперь все в этой семье изменится. Он переминался с ноги на ногу, но не смел, покинуть кабинет. Не смел уйти и оставить их одних с этим горем.

– Не верю, – Влад не выдержал и ударил кулаком по столу, – не верю я во все это. Просто не верю. Она не могла. Он схватил Серафима за грудки и тряхнул.

– Убийства вампиров это еще не доказательство того что она ушла к демонам. Где доказательства черт тебя дери?! Серафим испуганно смотрел на короля.

– Найдите Валея и получите доказательства. Мне удалось лишь узнать, что сегодня в Арказаре состоялись торги. Ее купил Ибрагим. Управляющий Берита. Она пришла к Валею сама. Это все что мне удалось узнать. Можете казнить меня, если я лгу. Влад силой оттолкнул от себя Серафима и громко застонал.

– Пришла сама? К торговцу живым товаром?! Я в это не поверю никогда! Ее заманили в ловушку, я чувствую, я знаю, что моя девочка! Черт…как же больно. Влад охватил голову руками. Лина смотрела на мужа и лишь силилась что-то сказать, но не могла. Она вообще не произнесла ни слова с тех пор как вошла в кабинет.

– Ее заставили написать этот бред просто, заставили. Я не верю в эти записки. В этот момент дверь кабинета с грохотом распахнулась, и на пороге появился Ник. Бледный, растрепанный в запылившейся одежде. Он обвел всех присутствующих обезумевшим взглядом и громко отчетливо произнес:

– Где она?! Вопрос звучал как осуждение, как упрек отцу, деду и матери, которые не смели посмотреть ему в глаза.

– Я спрашиваю, где она?

Николас перевел взгляд на экран и его глаза расширились он приблизился и молча рассматривал кадр, потом обернулся к Владу.

– Что это значит? Где моя жена? Какого черта вы не на Кипре?! Лина, молча, протянула Нику записку Марианны, ее пальцы дрожали.

– Тебе она написала отдельно.

Ник взял записку, быстро развернул. Все ожидали его реакции. Он молчал только, глаза темнели и темнели пока не стали совсем черными. Он протянул записку Владу и попросил

хрипло, срывающимся голосом:

– Прочти вслух, не могу понять ни одного слова Влад откашлялся, нервно расстегнул пуговицу на воротнике.

– Я ухожу от тебя. Ухожу навсегда. Хотя я никогда и не принадлежала тебе. У меня иной смысл в жизни. Он позвал, и я иду к нему. К моему повелителю. А ты…ты лучше забудь. Не смей меня искать. Хотя ты вряд ли найдешь, а если и найдешь тебе меня не вернуть. Прощай. Николас вырвал записку из рук брата и перечитал сам.

– Она не могла этого написать. Ее заставили. Кто этот повелитель? Где она может быть? Князь посмотрел на серафима.

– Ты ищейка? Где моя жена? В каком таком месте, где я не смог бы ее найти?

– В Арказаре. Сегодня утром продана Бериту. Ник резко прижал Серафима к стене и приставил кинжал к его горлу.

– Кто продал ее Бериту? Кто посмел?

Серафим испугался. Гнев Николаса страшнее гнева короля. Этот вырвет ему сердце и не заметит.

– Валей… ваша светлость это Валей. Он сказал она сама пришла… Пощадите, я лишь выполнял свою работу…Влад приказал… Николас выпустил ищейку. Подошел к экрану и выключил изображение.

– Влад, Самуил, мы едем в Арзакар. Я сам хочу допросить Валея. Они ее заставили. В этом я не сомневаюсь. Мы найдем ее. Найдем и вернем домой! – заорал Ник и метнул кинжал в экран телевизора. Из треснувшего кинескопа посыпались голубые искры, и кабинет Самуила погрузился во мрак.

– Сын… Марианна убила не менее четырех наших собратьев. На этой пленке…

– К дьяволу вашу пленку. Засуньте ее в зад тому, кто снимал. Не поверю, пока Марианна сама мне не скажет. Вы со мной или я поеду один?

– С тобой – в один голос ответили Самуил и Влад.

– Ты – Николас ткнул пальцем в Серафима – ты будешь молчать не то я сотру тебя в порошок. Ясно?

– Я не успел сказать… один из перевозчиков… Я нашел его… Николас прищурился.

– Пусть его привезут сюда. Немедленно!

Торги проходили в закрытом ангаре, больше похожем на пестрый шатер. Но самое поразительно было то, что покупателей никто не видел. Лишь огромные прожекторы, подиум и камеры. Так же охрана и слуги Валена. Марианна представляла себе все совсем иначе. Ей казалось, что будет много народа и все будут выкрикивать свою цену как на аукционе, но вместо этого играла музыка она сопровождала каждую женщину, выходившую на помост. Многие из них были рады своей участи и с удовольствием демонстрировали свои прелести камерам. Потом в микрофоне послышался голос ведущего, он оглашал цену и говорил кому

продана очередная пленница. Сколько же их здесь было. Совершенно разных, особенных и прекрасных.

Марианна смотрела в узкое окошко из своей маленькой гримерки, где ее причесывали и натирали ее тело разными маслами, где молчаливые немые слуги-мужчины украшали ее волосы, красили ее лицо и надевали на нее прозрачные газовые одежды. Никто из них не смотрел на нее с вожделением, словно они бесполые существа и совершенно равнодушны к обнаженным красивым рабыням. Девушка посмотрела в большое зеркало и с трудом себя узнала. Та, кто отражалась в нем, не могла быть Марианной. Это было божественное создание. Юное, воздушное и очень соблазнительное. Ее роскошные волосы завили в тугие локоны, Глаза сильно подвели сиреневыми тенями, ресницы удлинили, брови аккуратно выщипали. Ее лицо не тронули кремами или пудрой. Валей сказал, что оттенок ее кожи восхитительный и его не стоит портить. Затем слуги начали работать над ее телом. Его натерли маслом и теперь оно блестело и переливалась, словно бронза. Ее груди коснулись кусочками льда, чтобы соски затвердели и отчетливо проступили под прозрачными одеждами. На ноги ей одели сандалии на высоких каблуках. В волосы вплели цветы. Валей остался довольным. Он приказал, чтобы ее спину оставили открытой, пусть все видят шрамы от крыльев. На Марианну набросили прозрачное покрывало, скрывая ее лицо. Теперь она ожидала, когда объявят ее выход. Валей удовлетворенно осмотрел ее и вкрадчиво сказал:

– Испортишь смотрины – убью. Замучаю пытками, будешь мечтать о смерти. Никаких выходок, поняла? Будешь хорошей девочкой – больше меня не увидишь. Он подтолкнул ее к длинной портьере.

– Иди и делай все, что тебе скажет ведущий. У тебя в ухе наушник. Он включится, как только заработают камеры.

Марианна ступила на шелковую дорожку и прожекторы тут же были направлены на нее. В ухе что-то щелкнуло, и она услышала голос ведущего. Он был похож на шепот, но четкий и настолько угрожающий, что по ее телу пробежал мороз.

– Пройдись до конца дорожки. Потом снимешь покрывало.

Словно в трансе Марианна подчинялась этому голосу, странное спокойствие и дикое желание выбраться из лап Валея давало ей силы выполнять приказы. Музыка играла все громче и Марианна понимала, что ей наверняка что-то подсыпали в питье, чтобы она не боялась. Хотя все ее существо противилось грязным приказам. Ее заставили полностью раздеться, она слышала сопение ведущего и понимала, что тот видит ее тело в мельчайших подробностях. И ему нравится то, что он видит, очень нравится. Ей казалось, что просмотр затянулся, что других участниц смотрели гораздо быстрее, что их не заставляли тысячи раз поворачиваться, изгибаться, поднимать волосы, улыбаться, танцевать. «Меня найдут, Ник меня спасет, он придет за мной!» – успокаивала себя Марианна, чувствуя что ее нервы на пределе. Это закончилось внезапно, видимо кто-то назвал такую цену, что перебил все предыдущие ставки. Когда огласили размер выручки Валея, даже Марианна застыла, не веря своим ушам. Неужели за нее готовы платить такую цену? Она и цифр таких никогда не слышала.

– ПРОДАНА! Это слово эхом разнеслось по пустому ангару и запульсировало у нее в голове. Марианна с ужасом увидела, как двери ангара распахнулись. Зашли несколько мужчин в черных одеждах и в длинных плащах. Они казались совершенно одинаковыми как близнецы. На нее набросили просторный халат и увлекли к выходу. Последнее что она увидела, прежде чем ей завязали глаза – это улыбающегося довольного Валея. Он помахал ей рукой и послал

воздушный поцелуй. «Я найду тебя. Я найду тебя и не буду к тебе милосердной. Не важно как, но я тебя достану, если до этого Ник не вырвет тебе сердце»

* * *

В кабинет втащили брыкающегося вампира, он завывал как раненое животное, бешено вращал глазами. Его насильно усадили на стул, вынули кляп изо рта. Перевозчик побледнел от ужаса, когда увидел тех, кто его окружил плотным кольцом. Он затрясся мелкой дрожью.

– Бешеная собака! – заорал Николас – как ты посмел тронуть мою женщину?! Перевозчик отрицательно качнул головой, зажмурился, когда Николас ударил его по лицу. Дернулся всем телом.

– Это твое? Ник ткнул ему под нос маску.

– Спрашиваю это твое?

– Мое… – обреченно прохрипел перевозчик.

Николас вдруг резко схватил пленного за волосы и направил острие кинжала прямо ему в глаз. Ник приблизил его так близко, что тот быстро-быстро заморгал бешено вращая белками. Он попытался дернутся, но Влад схватил его за голову не давая пошевелится. Лина, молча, наблюдала за ними, но на ее лице не дрогнул ни один мускул. В ее взгляде не было сомнений и жалости.

– Я сейчас медленно воткну это лезвие тебе в глаз и поверну пока не достану до твоих мозгов. Начинай вспоминать, тварь… Начинай говорить… Перевозчик хотел зажмуриться, но Влад насильно удержал его веки открытыми. По щекам пленника потекли слезы ужаса.

– Я все скажу! Все скажу! Убери нож, Николас, убери умоляю! Но острие кинжала так и осталось возле глаза пленника. Самуил наблюдал за сыновьями. Николас становился прежним, безжалостным убийцей и палачом. И несмотря на то что сейчас его жестокость была оправдана, Самуил содрогнулся от того каким жестоким мог быть его старший сын.

– Где она? Скажи мне, где она?!

– Мне заплатили, мне просто заплатили, чтобы я передал ее Валею.

– Кто?!

– Черновский… это был Черновский…

– Ах ты собака! Ты почему не пришел ко мне? Я бы заплатил тебе вдвое больше за их головы, мразь! Перевозчик рыдал от ужаса, его лицо перекосилось, посерело.

– Куда ее увезли… куда увез ее Валей?

– В Арказар, на торги… Сегодня утром наверняка уже продали… Но все куплено… все знают заранее, кто станет ее хозяином. Торги лишь для вида.

– Кто?! Отвечай, сука! Кто ее должен был купить?!

– Ибрагим. Управляющий Берита. Она не сопротивлялась, она сама этого хотела… клянусь!

mir-knigi.org

– Лжешь тварь! Лжешь! Ник ударил перевозчика в челюсть, и изо рта пленника потекла кровь.

– Не лгу! Клянусь, она сама хотела! К ней относились как к королеве! Валей оказал ей почести как ни одной из рабынь! Николас, пощади! Пощади, умоляю! Я все сказал, все! Дикий вопль сотряс кабинет, пленник рухнул на пол, прижав руки к лицу, кровь просачивалась сквозь ладони. Николас поднял вверх кинжал и брезгливо отбросил в сторону.

– Одноглазый вампир больше не сможет заниматься своей работой, ты сдохнешь от голода. Окажу тебе милость и избавлю от страданий.

Николас вырвал перевозчику сердце, и никто ему не помешал. Даже Влад и Самуил. Бывший король лишь позвал чистильщиков.

– Едем к Валею?

– Нет. Сначала найдем Черновского, – ответил Влад – хочу казнить его лично.

Темнокожие рабы осторожно поставили носилки, украшенные парчовыми занавесями, возле роскошного особняка из белого мрамора, и застыли как изваяния. Их обнаженные тела переливались в солнечных лучах похожие на эбонитовые статуэтки. Марианна знала, что провела в пути несколько суток. Все это время с ее глаз не снимали черную повязку, но она чувствовала, что все это время находилась в самолете и подсчитывала минуты, чтобы знать точно, сколько времени занял перелет. Потом ей это могло пригодиться. Потом…когда она сможет начать думать о побеге. Сейчас она смотрела на здание с вычурной крышей и огромными ступенями. В воздухе застыл удушливый зной, в этом месте все еще не наступила зима. Она на Юге. Где именно не известно, но судя по климату это, несомненно, Азия. Из распахнутых ворот им навстречу вышел высокий, худой мужчина в ярко-зеленых одеждах. Его можно было принять за человека, если бы не ониксовые глаза без белков и зрачков. Его лицо было довольно живое и подвижное, с острой бородкой клинышком, седые волосы собраны в тонкую косичку. На пальцах сверкали перстни. Мужчина приблизился к носилкам и одернул полог. Марианна тут же попятилась в сторону.

– Не бойся. Тебя здесь не обидят. Дай руку. Он протянул к ней изящную ладонь, и Марианна с сомнением вложила в нее холодные дрожащие пальчики. Зажмурилась от ярких солнечных лучей. Двое суток она не открывала глаза, теперь белки резало неприятным ослепительным светом.

– Набрось покрывало, будет не так больно, – заботливо произнес мужчина и его глаза вдруг стали человеческими, ясного серого цвета. Марианна послушалась и почувствовала облегчение.

– Идем. Тебя уже ждут. Твои покои готовы.

– Кто вы?

– Ибрагим. Управляющий нашего Великого Повелителя Берита. С сегодняшнего дня я забочусь о тебе лично, Марианна. Он увлек ее к ступеням, позволил опереться на свою руку, и она почувствовала, как под его кожей перекатываются мышцы. Силен, для старика, которым выглядит. Внешность очень обманчива. Кто он? Вампир? Демон?

– Суккуб. Я Суккуб, дорогая. Не мучайся сомнениями, я не читаю твои мысли, просто знаю, о чем ты думаешь. Все вы пытаетесь угадать кто я.

mir-knigi.org

Марианна отвела взгляд, ей было страшно, показная красота этого места, холеный вид ее стража, а в том, что Ибрагим ее страж Марианна не сомневалась. Ей все это не нравилось, словно она видит прекрасное сочное яблоко, но стоит его надкусить и изнутри полезут черви. Извивающиеся твари, а внутренности яблока просто черная дыра. Марианна тряхнула головой, отгоняя страшные картины. Все это время Ибрагим внимательно за ней наблюдал. Можно было подумать, что он пытается влезть к ней в мозги. Он провел ее во внутрь дома, больше похожего на дворец. За парадным входом, лестница спускалась в сад. Экзотические деревья с душистыми плодами склонили ветви в изумрудную траву. Даже цветы здесь благоухали по особенному удушливо и навязчиво. «Эдем, да и только. Потерянный рай».

Марианна посмотрела на фонтаны и вдруг поняла, что здесь настораживает. Полное отсутствие живности: ни бабочек, ни птиц…Тишина и журчание воды. Словно она находится в павильоне, где снимают кино с яркими дорогими декорациями.

– Красиво? Тебе нравится дворец Повелителя?

– Мертвое место, – ответила Марианна, впервые с ним заговорив, – красота показная и словно нарисованная. Ибрагим посмотрел на нее с интересом.

– Удивительно, но ты первая кто так думает о нашем маленьком оазисе.

– Декорации, – отрезала Марианна и вдруг увидела, что Ибрагим холодно усмехнулся.

– Верно, детка, декорации. В тот же миг все изменилось, и под ногами Марианны запылала земля, деревья превратились в обугленные стволы, а вместо фонтанов текла огненная лава. Запах серы разъедал глаза. Плоды полопались и истекали кровью, а цветы распахнулись и внутри виднелись ядовитые жала.

– А теперь нравится? – спросил Ибрагим, ожидая увидеть ужас на ее лице. Марианна пожала плечами.

– И теперь не нравится, зато правда. Картинку можно назад вернуть? А то слишком воняет серой. Ибрагим на этот раз просто весело захохотал, бросил взгляд вокруг, и все вернулось на прежнее место и фонтан, и цветы.

– Как ты догадалась о декорациях?

– Ну, ни птиц, ни жучков, ничего. Стерильно как-то. Он снова захохотал и почему-то перестал казаться ей ужасным, Марианна даже улыбнулась в ответ.

– Идем. Нам нужно о многом поговорить, Марианна. Ты должна знать чего от тебя ждут в этом доме, и что ждет тебя.

Он повел ее по коридорам похожим на лабиринты и везде чистота, светлые обои, мраморный пол и тишина. Ни звуков, ни голосов.

– Это звукоизоляция? – спросила девушка.

– Именно. Звукоизоляция для тебя. Хочешь услышать то, что здесь происходит? Он не дожидался от нее ответа и тут же в ее мозг ворвались голоса, похотливые стоны, крики боли и наслаждения, хриплый шепот, свист рассекаемого кнутом воздуха и снова крики только теперь о помощи. Детский плач и завывание ветра. Она зажала уши руками, но звук не стал тише, он

mir-knigi.org

нарастал у нее в голове, пока она не закричала громко:

– Хватит! Хватит! Прекратите! Все снова стихло. Ибрагим отворил дверь одной из просторных спален и завел Марианну вовнутрь.

– Это твои покои. Как ты понимаешь тоже декорации. Окна на самом деле нет, там каменная стена и пытаться через него вылезти наружу бесполезно. Все остальное настоящее. У тебя будут три служанки, все они немые. Разговаривать с ними ты не сможешь, им отрезали языки. Так что можешь не пытаться. Сейчас тебя накормят, и ты примешь ванну, а потом я вернусь и расскажу тебе, куда ты попала и так же все правила этого места, которые нарушать нельзя.

– Когда меня…?

– Покажут Повелителю? Не раньше, чем ты узнаешь все о нем и как доставить ему удовольствие.

– Удовольствие? Еще чего! Я здесь ненадолго. Меня очень скоро найдут. И Ибрагим снова расхохотался только теперь жутким смехом, от которого кровь стыла в жилах.

– Найдут? И что с того? Ты теперь собственность Берита и живой отсюда не уйдешь. Кончай строить иллюзии, детка. Начинай подстраиваться под реальность.

Николасу казалось, что он запутался в липкой паутине. Что он идет в темноте и впереди не маячит даже луч света. Постепенно ему становилось холодно. Этот лед подбирался издалека, с кончика пальцев. Когда-то он уже испытал эту боль, теперь он ее боялся. Точнее он понимал, что его это сломает, больше он не сможет смотреть на этот мир счастливыми глазами. Они стояли в гостиничном номере и, молча, смотрели на труп Черновского. Он лежал посреди комнаты на пропитанном темной, почти черной кровью ковре. Его голова была отделена от тела настолько искусно, что на первый взгляд рана казалась тонкой царапиной, но вампиры уже знали, что перед ними мертвец. Самуил прошел мимо Николаса и Влада и склонился к трупу Романа, он осторожно поддел двумя пальцами маленький клочок бумаги. Развернул и прочел, нахмурив брови, потом сжал челюсти, посмотрел на Николаса.

– Это тебе. Ник как в замедленной пленке протянул руку за запиской. Поднес к глазам и почувствовал как лед захватил все больше территории и теперь подбирается к сердцу. «Я говорила, что ты не найдешь меня, Ник. Не нужно еще жертв. Просто оставь. Смирись. Не то будут еще смерти, ты этого хочешь?» Бумага выскользнула из дрогнувших пальцев. Марианна не могла этого написать. Она просто не способна бить его наотмашь острыми шипами. Каждое слово пронизано иронией, издевательской насмешкой. Но почерк…почерк ее. Ник все еще не верил. Все еще пытался найти ей оправдание. Отец уже вызывал чистильщиков, а Влад осматривал номер. Поднял с пола сережку, сжал в кулаке.

– Ее сережка? – мрачно спросил Николас. Влад кивнул и положил находку в карман. Когда приехали чистильщики, машина Влада уже мчалась по загородной трассе. Ник молчал, он ловил на себе встревоженные взгляды отца и брата, но слов не находил. Все понимали, что уверенность Ника ослабевает и сами погружались в черную пучину неизвестности и сомнений. Не верил никто. Но сколько улик, сколько еще нужно смертей чтобы стало ясно, что Марианна и есть кровавый убийца вампиров. Скоро невозможно будет скрывать, чистильщики всегда передают информацию ищейкам, а те в свою очередь Совету братства. Скоро загадочными смертями начнут интересоваться. Тогда все выйдет из-под контроля.

– Если это делает она, то когда и как?

– Труп пролежал больше суток, она вполне могла его убить до того как пошла к Валею. Ник кивнул и закусил губу. Самуил прав. Могла…Нет не могла черт их всех подери. Его малышка не могла. Кто угодно только не она. Последняя надежда – Валей. Что скажет он? Какой приговор вынесет ему – Николасу? Одно Ник знал точно, каким бы ни был ответ, он вернет Марианну домой. Она его жена. Она принадлежит ему по всем законам, и даже демон не имеет права разрушить этот союз. Княгиню нельзя просто так принудить быть чьей-то наложницей. А если не принудил? Если она и правда сама к нему пришла. Ник закрыл глаза. Берит брат Аонэса. Родной брат. Не слишком ли просто тот отпустил Марианну с Майклом? Не слишком ли легко она вырвалась из его лап? А Майкл? Его она убила на глазах у Николаса и даже не потрудилась похоронить труп того, кто был ее мужем, и если верить ее словам, спас ее от верной гибели? Но ведь убила – глазом не моргнула, и замуж вышла через пару месяцев снова. Неужели все это время рядом с ним находилась коварная стерва? Черновский…они говорили на приеме. Долго говорили. О чем? Что он шептал ей на ухо? Сомнения вкрадывались в душу и наполняли ядом. Но это все еще были сомнения. Теперь в его кармане две записки и в двух из них Марианна требует, чтобы он оставил ее в покое. Вторая записка звучит как угроза. Ник посмотрел в окно. Они миновали пригород и въехали в заповедник.

Валея нашли слишком легко, да он и не прятался. В его доме накануне была очередная оргия. Он даже не заметил, как на территорию виллы проникли чужие, обездвижив всю его охрану. Как три черные тени отец и двое сыновей вошли в дом. Валей развалился в кресле и посыпал в вену красный порошок. Он поднял на гостей затуманенный взгляд.

– У меня галлюцинации или я должен встать и поклонится? Простите, но ножки не держат. Николас схватил Валея за шиворот и приподнял в воздухе.

– Зато мои руки будут хорошо тебя держать, а еще мои когти умеют безошибочно находить сердце и сжимать его пока не остановится. Валей мгновенно протрезвел.

– Ник! Какая честь! Прости дурь проклятая помешала, даже не признал. Давненько не виделись. Ника передернуло, когда он вспомнил, что когда-то вел с Валеем тесную дружбу. Грязные делишки, наркотики, оружие, контрабанда. Ник отдавал ему приказы.

– Не видел бы тебя еще столько же. Где моя жена? В ответ отвратительный смех.

– Жена? Издеваешься? Так теперь ты называешь своих пассий… Николас тряхнул Валея и тисками сжал его горло.

– Не пассия, тварь, жена! Ты вчера продал мою законную жену на торгах в Арказаре! Отвечай сука, не то буду отдирать твою кожу по кусочкам.

– Не знаю ни о какой жене. Поверь Ник, дружище, знал бы сказал непременно. Ник ударил Валея в грудь, а потом медленно погрузил когти в его плоть.

– Начинай шевелить извилинами… Не то придется тебе напомнить.

– Ничего не знаю, – упрямо проговорил Валей, рассчитывая на то что ник поверит в блеф. Он ошибся. Ник уже не верил никому. А потому уже через несколько минут Валей висел подвешенный к потолку и раздетый до пояса, вниз головой. Ник снял пиджак, аккуратно повесил на стул и достал кинжал с деревянным лезвием. Затем, надев перчатки, смочил лезвие в настое вербы.

– Приступим? Или вспомнишь до того как я начну?

– Я не знаю твою жену, Николас. В глаза не видел никогда. Знал бы, давно бы сам к тебе пришел.

– Начнем вспоминать. С этими словами Ник вонзил лезвие деревянного кинжала под ребро Валею, зашипела кровь разъедаемая вербой:

– У нее длинные каштановые волосы и сиреневые глаза? Помнишь?

– Аааааа, Ник…прекрати…не знаю я такой…не видел. Николас повел плечами, так что хрустнуло в затылке и повернул кинжал в ране вонзая его еще глубже. Снова крик Валея разнесся по дому.

– У нее нежное лицо и на вид ей не больше восемнадцати…начинаешь вспоминать?

– Нееееет. Не видел я ее… не видел, Ник. Отпусти! Аааааааа.

– Может и правда не видел,? Может Серефим ошибся? – спросил Влад, не выдерживая сцену пыток. Давно он не принимал участия в подобных экзекуциях.

– Выйди. Не можешь смотреть просто уйди и не мешай, – рявкнул Ник и продолжил делать дырки в теле работорговца.

– У нее два шрама на спине… Здесь и здесь Ник порезал кожу вампира под лопатками. Влад отвернулся, а Самуил продолжал смотреть, как его старший сын вырезает на теле Валея шрамы, как и у Марианны. Потом Ник резко вонзил нож под лопатку жертвы.

– Я в миллиметре от сердца, Валей…В миллиметре, еще один толчок лезвия и твои бабки, которые ты получил от Берита отойдут всему братству. Валей взвыл, дергаясь всем телом, извиваясь как уж.

– Да…я видел ее! Да! Прекрати, Ник!

– Вот и отлично. Николас вытащил лезвие из подрагивающего тела Валея, придвинул стул и сел напротив пленника.

– Рассказывай. Я внимательно слушаю.

– Она пришла ко мне два дня назад. Черновский был курьером. Она сказала, что Берит ее уже ждет. Ей нужна моя помощь, а заодно и пообещала, что если помогу, получу хорошие бабки. Берит не может взять чужую жену, если она не продана ему в рабство. И она не обманула, торги были только для вида. Ибрагим перебил цену и выкупил ее. Вот и все, Ник. Она просто бросила тебя… Не стоит, из-за шлюхи, убивать друзей… Выброс ноги вперед и звук удара, треск поломанной челюсти. Тело Валея раскачивалось как груша.

– Моя жена не шлюха! – процедил Ник – Вы ее заставили, ты мне лжешь, мразь! Валей захохотал:

– Ты ведь все равно меня убьешь, Николас. Все равно убьешь. Никогда тебе не измениться ты по– прежнему Гиена. Это ты лжешь сам себе. Она давно была в сговоре с Беритом. Он хотел только ее. Почему тогда она досталась именно Ибрагиму? Почему меня предупредили, что он ее выкупит? Ээээ, Николас, она запудрила тебе мозги, обвела вокруг пальца. Теперь твоя жена наложница Берита и тебе ее не найти. Во дворец просто так не попасть. Только древние могут,

mir-knigi.org

только родоначальники, а ты ничтожество и пустое место.

Валей захохотал, и тут же замолчал. Ник резким движением вытащил сердце из его груди. Самуил резко выдохнул, а Влад молча вышел из дома на морозный воздух.

Когда Николас ступил ногой на хрустящий снег, Самуил с болью заметил, как тот изменился. Лицо осунулось, черты заострились, глаза горят красным фосфором. Постепенно он узнавал того страшного зверя Николаса, которого видел в лесной хижине в Лондоне, зверя, который обезумев вырезал всю семью Вудвортов. Марианна умела пробудить в нем не только самое хорошее, она умела пробудить в нем одержимого убийством монстра. Свети его с ума.

– И что теперь? – тихо спросил Влад, обреченно посмотрев на отца, а потом на Николаса.

– Поедем к Бериту, – ответил Ник и вытер окровавленные руки о снег.

– Не выйдет. К верховному демону никого из нас не пропустят, даже короля, – сказал Влад.

– Меня пропустят, – Самуил поправил воротник пальто.

– Валей сказал, что только древний родоначальник может попасть в дом Берита. Так вот – я могу. Сыновья посмотрели на Самуила. Взгляд Влада засветился надеждой, а Николс положил руку Самуилу на плечо.

– Тогда поезжай отец. Верни ее домой, а потом разберемся. Никто не в силах расторгнуть наш брак.

– Демону позволено что угодно, – ответил Влад мрачно, – но это единственный шанс. Другого у нас нет. Даже если все, что этот пес сказал, правда – мы накажем ее сами.

Они посмотрели друг на друга и внезапно поняли, что больше никто из них уже не сомневается и им стало страшно, по-настоящему страшно – по-прежнему в их семье уже не будет никогда.

5 ГЛАВА

Марианна шла за служанкой, покорно опустившей голову, и осматривала дом. Ни дверей, ни окон. Все бутафория. Все ненастоящее. Уже два дня она в этой клетке и все это время к ней никто не приходил. Ее выгуливали как породистую собаку в саду, за ней ухаживали, кормили вкусной едой, ей принесли книги и письменные принадлежности. Но в этом месте время остановилось. Марианна с трудом понимала который сейчас час, ведь даже птиц нет, чтобы они возвестили о приходе дня или замолкли в сумерки. Все это время молчаливые служанки делали из нее красивую куклу. Ей завивали волосы, ухаживали за ее кожей, ногтями. Ее одевали в шикарные наряды больше похожие на костюмы танцовщиц восточных танцев. Ее пальцы украсили браслетами и кольцами, а в уши вдели серьги с драгоценными камнями. Ее готовили, и она знала к чему. Все ее существо противилось тому, что должно было произойти она молила бога чтобы не понравиться Бериту, чтобы он счел ее уродливой и непривлекательной. А еще она тосковала она каждую секунду думала о Нике и ждала. Взывала к нему мысленно и умоляла, чтобы он поскорее ее нашел. Надежда не умирала ни на секунду и если другие с каждым днем веровали бы меньше, Марианна наоборот радовалась, что теперь он наверняка ближе. Ник ее ищет и найдет. Она в этом не сомневалась ни на секунду. Служанка, ее имени Марианна не знала, завела пленницу в красивое помещение больше похожее на библиотеку с причудливыми спиралевидными полками для книг. Ибрагим уже ждал ее с графином вина и двумя бокалами. Он указал ей жестом на подушки, разбросанные

по ковру, предлагая сесть. Марианна подчинилась.

– Соскучилась по общению? – вместо приветствия спросил он.

– Нет. Люблю одиночество, – ответила Марианна, глядя в его глаза безмятежно светлые.

– Строптивая, наглая…Ничего скоро это изменится. Любишь перечить?

– Я не перечу, а говорю правду. Ибрагим налил ей вина и подал бокал.

– А кому она нужна твоя правда? Здесь нет правды, детка. Здесь все говорят то, что хочет услышать Повелитель, и ты научишься. Марианна поставила бокал в сторону. Пить вино ей не хотелось. Ибрагим не внушал ей доверия. А если ей что-то подсыпали в бокал? Еду, которую приносили служанки, она заставляла их вначале ее попробовать и лишь потом ела сама.

– Не доверяешь? Правильно, детка, доверять никому нельзя. Нелегко мне с тобой будет. Упрямая ты очень. Но время идет, а хозяин долго ждать не любит. Приступим к урокам. Итак, я говорю, а ты запоминаешь. Во дворце Берита есть свои законы. Начнем с тех, которые должна знать ты. Кроме господина и меня, тебе запрещено с кем-либо разговаривать. Если попытаешься войти в контакт со слугами – их убьют. Притом у тебя на глазах, а ты девочка добрая и сердобольная – ненужная травма.

Дальше. Ты здесь лишь с одной целью, даже с двумя. Хотя вторая удается далеко не всем. Ты вещь хозяина, красивая вещь. Ты должна приносить ему удовольствие и наслаждение. Разговаривать с ним ты можешь, только если он разрешит, смотреть ему в глаза тоже.

– Молчаливый, покорный истукан?

– Вот именно. Истукан. Со временем если хозяину ты понравишься, он выделит для тебя роскошные покои возле своей спальни и будет приходить к тебе каждую ночь.

– Поистине вселенское счастье, – с сарказмом заметила Марианна и зрачки Ибрагима сузились.

– Для тебя да. Ты хочешь знать участь тех, кто ему не понравился?

– Весьма интересно. Хотя вряд ли их выгнали домой.

– Конечно, нет. Они работают. В подвалах этого дворца. Работают физически или дерутся как гладиаторы, развлекая хозяина и проливая кровь, а еще они ублажают других рабов. Так что лучше быть любовницей Берита или лежать под потными вонючими рабами?

– Ни то ни другое, – ответила Марианна и подвинула к себе поднос с виноградом.

– Такой вариант тоже имеется, с особо непокорных сдирают кожу живьем, и вывешивают на всеобщее обозрение во дворе. Любимое лакомство для летучих мышей, любимая живность господина.

– Типа домашних птичек?

– Вот именно, – Ибрагим начинал злиться, он видел, что Марианну нисколько не пугают его угрозы.

– Есть еще одна цель и именно поэтому ты здесь. Берит давно не брал новую жену, и у него нет

наследников. Смертные женщины умирали родами не выносив его плод, который пожирал их изнутри. Бериту нужна новая жена и наследник. Но как ты понимаешь, кто попало женой демона не станет. Я очень надеюсь на тебя, детка. Ты особенная, ты красива, умна, молода и ты Падший ангел. Ты можешь родить в отличии от других бессмертных. Марианна фыркнула и положила в рот виноградинку.

– Про этот вариант можете забыть. Я внимательно вас слушала, а теперь вы послушайте меня. Брови Ибрагима удивленно поползли вверх. Он поразился ее наглости.

– Я не стану наложницей вашего Берита.

– Молчи несчастная. Ты не имеешь право называть его по имени для тебя он Повелитель.

– Еще чего? Для меня повелитель – это мой муж, которого я люблю, и буду хранить ему верность. А Берит может сразу отправить меня в свои подвалы, потому что я не намеренна ему покорятся. Я лучше убью себя, чем лягу под него. Ясно?! Так что заканчивайте ваши уроки прямо сейчас и ведите меня на работы. Уж поверьте, там никто не посмеет ко мне притронуться. Ибрагим резко встал его глаза вновь стали черными и непроницаемыми.

– Надеешься на свою силу?! Напрасно в этих стенах она нейтрализована. Ты беспомощна, как и люди. Марианна, я дам тебе сутки на раздумья. Ровно сутки, поняла? По истечению этого срока ты или войдешь в покои Берита или отправишься в подвалы. Решать только тебе. А про мужа своего забудь. Отныне ты принадлежишь бериту. Да и не найдет он тебя здесь. Марианна усмехнулась.

– Вы его не знаете – он найдет обязательно. Из под земли достанет, из ада вытащит. Для него не существует запретов. Он хлопнул в ладоши и служанки вошли в библиотеку, покорно опустив головы.

– Забрать все книги, пусть подумает в одиночестве. Все остальное расписание как обычно.

– Ибрагим! Суккуб обернулся.

– Со мной должна была приехать девушка. Вампир. Из клана Северных Львов. Настя зовут. Где она? Его глаза сверкнули и погасли, но Марианна видела, что он заинтересовался.

– Она в стенах дворца. Вчера вошла в покои Берита. Он остался доволен, и она причислена к наложницам Повелителя.

– Я могу ее видеть?

– Это называется привилегии моя дорогая, и ты должна их заслужить. Например, немного покорности. Может, я и позволю вам вместе гулять в саду. Марианна задумалась.

– В чем заключается покорность?

– У тебя будет время об этом подумать. Я дал тебе пищу к размышлению. Все остальное в твоих руках.

Ибрагим вошел в приемные покои и с раздражением сбросил длинный шелковый плащ.

– Лилия… какая честь. Сказал он, не оборачиваясь, хотя на первый взгляд в помещении никого не было. Но в тот же миг от стены отделилась тень и приняла человеческие очертания. Теперь

перед Ибрагимом стояла женщина. Прекрасная как сама любовь. Нежная, словно ее имя. Она села в кресло, и устремила взгляд на суккуба. Ее длинные золотистые волосы водопадом струились до самых колен, невинные голубые глаза отражали чистоту и невинность.

– У нас неприятности, Ибрагим, – сказала она так, словно пропела.

– Неприятности?

– Вот именно. Там за воротами, на пропускном пункте Самуил Мокану и он приехал за своей внучкой. Ибрагим с яростью обрушил кулак на стол и столешница со стоном треснула.

– Довольно быстро…проворно…А она говорила, что ее найдут.

– Конечно. Княгиня, как никак. Что будем делать, Ибрагим? Берит узнает, будет в ярости. По закону он обязан ее вернуть. Она не простая смертная и не простая бессмертная. Ибрагим посмотрел на красивую посетительницу. Он думал. Лихорадочно думал. И вдруг обернулся к Лилии и улыбнулся, хищно, триумфально.

– А ну ка покажи мне как ты умеешь перевоплощаться, девочка.

Лилия поднялась с кресла, закрыла глаза…Трансформация произошла мгновенно. И уже через секунду перед Ибрагимом стояла Марианна. Если и были отличия то настолько незначительные, что суккуб оглушительно захохотал.

– Хамелеоны. Дьявольские отродья. Черная армия самого Люцифера. Аонэс создал вас не даром. Он обошел Лилию со всех сторон и довольно щелкнул языком.

– Отлично. Не отличить от оригинала. Я дам приказ пропустить Самуила в мой кабинет, а ты убедишь его в своей неземной любви к Бериту. Ты околдуешь и очаруешь. Пусть поймет, что это ее выбор и обратно она не вернется. Это будет быстро и безболезненно. Лилия-Марианна улыбнулась Ибрагиму.

– Конечно, я уверю любимого дедушку в своем безграничном счастье в этом дворце. А если не поверит, если почувствует подлог? Я ведь не так уж и хорошо знаю повадки Падшей. Ибрагим жестко сверкнул глазами:

– Не поверит – убьешь его. Везде работают камеры. Пошлем им пленку и его сердце в коробочке. Думаю, тогда за ней уже никто не приедет. Ее проклянут всем семейством. Лилия усмехнулась и подошла к Ибрагиму. Положила ладонь ему на щеку.

– Я согласна если ты пообещаешь мне, что Падшая не заменит меня в спальне Берита. Все таки я рискую, древний довольно силен. Ибрагим отбросил руку Лилии.

– Сделай, как я говорю, потом посмотрим. Давай, иди. Пока Берит ни о чем не узнал.

Самуила провели в кабинет Ибрагима и велели ожидать. Ему сказали, что сама Марианна хочет с ним поговорить. В ожидании встречи с внучкой Самуил нервно ходил по кабинету. Обратил внимание на разбитую столешницу. Ожидать долго не пришлось. Вскоре дверь отворилась, и Марианна зашла в кабинет. Самуил от радости даже вскрикнул. Девушка выглядела превосходно. Правда казалась немного повзрослевшей и даже слегка вульгарной. Ее золотистое парчовое платье обтягивало тело как вторая кожа, а высокий разрез на бедре открывал стройную ногу. Даже взгляд ее изменился. Марианна радостно улыбнулась и

mir-knigi.org

вскрикнула:

– Дедушка! Как я рада тебя видеть! Самуил нахмурился. Марианна никогда раньше так его не называла. Она говорила, что он слишком молод и красив, чтобы она звала его именно дедушкой.

– Девочка моя! Мы все так тебя искали. Иди ко мне, иди быстрее, я хочу тебя обнять. Ты цела? Тебя не били? Не издевались?

– А как же я соскучилась, мы так давно не виделись! Конечно, не били. Мой Повелитель добр и ласков со мной. Он меня любит. «Давно? Я ведь был на ее дне рождения меньше недели назад….» Марианна так и не подошла к нему обнять, она наполнила бокалы вином и протянула один из них Самуилу.

– Ну, рассказывай. Как там все?

– Черт подери, Марианна! Это все что ты можешь сейчас сказать? После того как мы искали тебя сутки напролет, после того как мы убирали трупы тех кого ты растерзала? Я пришел за тобой Марианна. Девушка хищно усмехнулась.

– Подумаешь трупы. Никки никогда не брезговал убийством себе подобных.

Расслабься дедушка. Я никуда не поеду. Мне и тут хорошо. Давай лучше выпьем, и я расскажу тебе о моем возлюбленном. «Это не Марианна!» – Самуил, прищурив глаза наблюдал за девушкой и все больше убеждался что перед ним нечто, что вовсе не являлось его внучкой. Это НЕЧТО очень похоже на нее. Теперь многое становилось на свои места. Все еще не уверенный в себе он спросил:

– Как ты провела последние выходные в Риме? Ведь мы с тех пор не виделись и ты даже мне не рассказала. Лже Марианна кокетливо повела плечами.

– Превосходно.

«Что это за тварь? Как ей удалось принять облик моей внучки и где моя девочка? Где они ее держат?»

– Иди ко мне малышка. Я так соскучился по тебе, ну же обними меня. Рука Самуила нащупала кинжал в кармане, он бросил взгляд на окно. Нужно убить эту тварь и убираться отсюда. Марианна бросилась к нему, обняла за шею, но в тот миг, когда он уже хотел вытащить кинжал, она впилась пальцами в его грудь и сжала сердце.

– Хотел меня убить да, дедушка? Милый Самуил Мокану почувствовал как трогательно. А ведь не родная внучка, – она оскалилась, и ее глаза сверкнули, полоснув его оранжевым сполохом. Самуил почувствовал, как бьется его сердце в ледяных пальцах фурии. Вот она смерть, он смотрит ей в глаза, а на душе стало спокойно и легко. Марианна ни в чем не виновата… Его девочка чиста. Теперь не страшно и умереть.

– Спасибо за услугу сука, – пробормотал он и увидел собственное сердце в ее руке… Лилия подняла окровавленную руку вверх и засмеялась, глядя на камеры. Она хохотала и хохотала как безумная. Словно в нее вселился сам дьявол. Потом переступила через труп Самуила, приподняв подол платья и напевая, вышла из кабинета, унося его сердце с собой. На спокойном лице мертвеца так и застыла улыбка.

mir-knigi.org

Марианна смотрела на высокую каменную ограду и размышляла о том, что если хорошо изловчиться можно быстро ее преодолеть и выбраться за пределы ограды.

Правда, ей не верилось что все так просто. Здесь есть подвох, а в этом проклятом месте все совсем не такое, каким кажется. И она была права, подойдя чрезмерно близко к забору она почувствовала невидимую преграду, словно плотная стена воздуха не давала ступить дальше. Значит тоже иллюзия. Марианна не расстроилась она лишь решила, что неплохо бы спросить у Ибрагима что именно сдерживает пленников внутри дворца. Какая неведомая сила. И потом, возможно, понять как ее нейтрализовать.

Вдруг Марианна заметила, что маленькие ворота, ведущие на другую половину дворца, на которых всегда висел замок, сейчас открыты. Девушка, неслышно ступая, пробралась к воротам, стараясь не попадать в обзор вездесущих камер. Юркнула в узкий проход и очутилась в точно таком же саду, только с другой стороны. С любопытством осмотрелась по сторонам. Все та же тишина. В этот момент ворота закрылись. Марианна бросилась к ним, попыталась открыть, но но тщетно, она ломала ногти, скреблась, но все напрасно. Снова осмотрелась по сторонам и вдруг поняла, что окружена каменными стенами. без окон и без дверей. Она в ловушке.

Глазки камер направлены прямо на нее, и только что она по видимому нарушила одно из самых главных правил – не проникать на другую половину замка. Ибрагим говорил, что бывает за неповиновение. Марианна опустилась на декоративный камень возле фонтана и закрыла лицо руками. Это незначительное происшествие почему-то ее доконало. Вывернуло все, что накопилось за это время в душе. Сломало. Она почувствовала, что устала. Устала ждать, когда кто-то вызволит ее отсюда, устала ждать, когда за ней придут и отведут в покои Берита, а там он вываляет ее в грязи своими прикосновениями. Мысль о том, что кто-то, а не Ник будет прикасаться к ее телу, проникать в него, приводила ее в ужас. Она старалась не думать об этом, отстранятся мысленно, не заглядывать в будущее даже на час, не то что на день, но сейчас сидя в своеобразной клетке она вдруг поняла, что всего этого не избежать. Марианна даже сама не поняла, что она плачет, слезы стали прозрачными, человеческими они обжигали ее ладони.

– Кто смел впустить тебя в мои покои?! Голос мужчины звучал очень спокойно. Без капли раздражения. Марианна подняла голову и посмотрела на того, кто стоял перед ней. Если это был демон, то тогда как выглядят ангелы? Если можно ослепнуть от чьей-то красоты, то наверно это был тот самый момент, когда Марианна в это поверила. Мужчина рассматривал ее, чуть склонив голову на бок. Очень высокий мускулистый поджарый. Его длинные золотые волосы, цвета спелой пшеницы волнами окутывали могучее тело. Кожа, цвета бронзы, сверкала на солнце и словно переливалась а глаза…Марианна затруднялась определить их цвет, скорей всего они темно-вишневые. Лицо гладкое, словно вылепленное умелым скульптором, без единого изъяна. На нем надета туника ослепительно белого цвета, подпоясаная тонкой тесьмой. В вырезе туники видна безволосая могучая грудь. На вид он совершенно молод, юноша не старше ее, а может и младше. Совсем не таким Марианна представляла себе демона. Аонэс выглядел иначе или же он выглядел, так как хотел, чтобы его видели другие. Марианна помнила в какое чудовище мог обратиться ее мучитель. Не так давно все это было, когда Аонэс, изрыгая пламя пытался сжечь живьем Марианну и Фэй. Но этот мальчик не мог быть Беритом. Грозным страшным Беритом, которого все смертельно боялись. Марианна вспомнила, что Ибрагим запретил ей смотреть на Повелителя и разговаривать с ним. Но отвести глаз не могла, словно увидев нечто гипнотизирующее взгляд, притягивающее как магнит. Его глаза изменили свой цвет, теперь они стали янтарно-золотистыми.

– Я заблудилась, – ответила Марианна, вытирая слезы. Внезапно он присел перед ней на

корточки и заглянул ей в лицо.

– Поразительно…Впервые вижу женщину, которую не портят слезы. Твои глаза как небо вечернее небо после грозы. Тебя обидели? Марианна отрицательно качнула головой все еще не в силах отвести от него взгляд.

– Кто посмел? Ибрагим? Я сдеру с него шкуру живьем. Демон протянул руку и тронул ее щеку вытирая слезу, потом посмотрел на свои пальцы.

– Давно не видел настоящих слез…а ведь ты не человек. Хотя я знаю кто ты. Он снова хотел ее тронуть, но Марианна от него отшатнулась и Берит опустил руку.

– Боишься меня? Спросил он самоуверенно и усмехнулся.

– Нет, – ответила Марианна совершенно искренне, и демон нахмурил идеально ровные брови.

– Странно, обычно все боятся. Что ж хоть кто-то не трясется при виде демона во плоти. Ибрагим хитрец. Скрывать от меня такое чудо высшая наглость с его стороны. Берит обошел Марианну с разных сторон, потом стал позади нее.

– Встань. Я хочу на тебя посмотреть. Она подчинилась, но внутри уже нарастал протест. Внезапно он оказался очень близко возле нее и прошептал на ухо.

– Слишком долго прятал такую красоту. Но ты сама пришла ко мне. Берит усмехнулся, похотливо облизал нежные губы.

– Ты мне нравишься. Я хочу, чтобы ты пошла со мной. Он протянул ей руку, словно приглашая и ослепительно улыбаясь.

– Нет, – Марианна выпалила это слово и застыла, ожидая его реакции.

– Нет? Он смотрел на нее с нескрываемым любопытством. Не привык слышать отказы.

– Почему нет?

– Потому что вы мне никто. Теперь он нахмурился, глаза вновь потемнели.

– Я твой повелитель, а ты моя рабыня и я могу делать с тобой все что захочу. Его голос по-прежнему был спокойным, но Марианна видела, что он раздражен ее отказом и наглостью.

– Мой повелитель это мой муж. Наш брак никто не расторгал, и я собираюсь хранить ему верность. Берит приблизился к ней и заглянул в глаза.

– Муж остался в другой жизни. Теперь ты принадлежишь мне. А верность ничего не значит в моем мире.

– Значит для меня, прежде всего. Я не вещь. И никому принадлежать не собираюсь. Я с вами никуда не пойду, разве что если заставите. Теперь лицо Берита побледнело, а в глазах сверкнул гнев:

– Ты как говоришь с повелителем, рабыня? Я был терпелив ровно столько, сколько позволило мне любопытство, а теперь ты дерзишь? Марианна посмотрела на него с вызовом.

– Я говорю то, что думаю. Вы мне не нравитесь, а даже если бы и нравились, то я все равно бы

с вами не легла. Ведь именно этого вы хотите. Вы же не приглашаете меня попить с вами чаю? Он злился, и его лицо менялось, кожа серела, приобретая оттенок мертвенной бледности, по ней змейками скользили вены, глаза стали черными, а рот сжался в тонкую линию. Он уже не казался прежним красавцем. Он постепенно превращался в того, кем являлся на самом деле – в чудовище.

– Для меня не существует слова «нет». Забудь про него пока ты рядом со мной. Смотри мне в глаза Марианна, когда я с тобой говорю. Ты не только ляжешь в мою постель, ты позволишь мне делать с тобой все, что я захочу и очень скоро ты забудешь своего мужа, я тебе обещаю. Марианна поняла, что Берит ее гипнотизирует, именно поэтому заставляет смотреть себе в глаза, ведь когда она смотрит, демон снова начинает казаться ей красивым. Марианна отвела взгляд.

– Смотри мне в глаза! – отчетливо произнес Берит, но Марианна с ужасом видела, как изменилось его тело, превращаясь в тело зверя. Покрываясь шерстью, он источал зловонный трупный смрад.

– Нет! – сдавлено вскрикнула девушка.

– Да! – теперь его голос звучал у нее в голове – Смотри на меня, смотри, Марианна. Ее глаза уже не подчинялись, ей она перевела взгляд на его лицо и снова увидела юношу неземной красоты.

– Вот так, смотри мне в глаза. А теперь иди со мной. Дай мне руку. Я отведу тебя в рай…я подарю тебе блаженство…Дай мне руку, Марианна…покорись. Рука девушки непроизвольно потянулась к Бериту и еще чуть-чуть и их пальцы соприкоснутся. Но она силой отдернула руку назад и закричала:

– Нет! Нет! Нет!

Зажмурилась, но ничего не произошло. Марианна открыла глаза. Берит по-прежнему смотрел на нее. Все такой же юный и красивый, только лицо стало жестким, холодным.

– Ибрагим! – крикнул он – Ибрагим, можешь войти! Маленькие ворота распахнулись, и суккуб забежал в сад. Он выглядел испуганным подавленным. Упал перед Беритом на колени, целуя его руку. Тот холодно отнял ладонь.

– Она играет со мной в странные игры, Ибрагим. Мне эти игры не нравятся. Покажи-ка ей, что происходит с теми, кто не подчиняется. Я буду ждать, пока она сама ко мне не придет. Думаю, ты понимаешь, что должен убедить мою рабыню, как можно скорее. Мое терпение не безгранично Берит исчез, растворился, словно в воздухе. Ибрагим тут же обрушился на Марианну:

– Идиотка! Какого дьявола ты сюда пришла?! Зачем перечила ему, почему не покорилась? Ты понимаешь, что он может сделать с тобой и со мной за это? Марианна зло засмеялась.

– Скажи лучше, что тебя больше заботит, что он сделает с тобой. А почему твой грозный Берит не взял меня силой? Ведь это так просто. Рабыню можно заставить.

– Тебе не надобно этого знать, – проворчал Ибрагим, – идем. Он приказал отвести тебя в подвалы. Пришло время увидеть, что ожидает непокорных.

mir-knigi.org

– Я не пойду с тобой Ибрагим, пока ты не ответишь на мой вопрос, почему он не взял меня силой? Здесь есть какая-то тайна? Суккуб яростно посмотрел на Марианну, и она вдруг поняла, что ему запрещено применять к ней грубую силу. Он хочет ее ударить, заставить и не может.

– Ответь и я сама пойду с тобой. Ответь, Ибрагим.

– Берит не может овладеть женой князя или короля пока та сама к нему не придет и не захочет прелюбодействовать с ним. Только так он может взять себе рабыню королевской династии. Только когда она сама падет в грехе. А теперь идем, и не задавай мне больше таких вопросов. После того что ты увидишь, ты возможно изменишь свое мнение и поймешь как могут наказать за непослушание. Берит не отличается терпением, он может разозлиться.

Спустя несколько часов Марианну завели в ее спальню две служанки. Девушка молчала, только тело сотрясала крупная дрожь, а глаза остекленели от ужаса. Словно сомнамбула она село на краешек постели, продолжая трястись, по лицу стекал холодный пот, а зубы стучали как от сильно холода. Она вернулась из ада. То, что показал ей Ибрагим, повергло ее в состояние шока. Столько боли и страданий она не видела за всю свою жизнь. Крики предсмертной агонии рабов будут стоять в ее ушах вечно. Перед глазами все еще мелькали подвешенные на крюки тела, лишенные кожного покрова, живьем съедаемые тучей летучих мышей. Тела женщин насилуемых охранниками в самой извращенной форме, их кровавые слезы и мольбы о помощи. И черные катакомбы покрытые налетом золы и пепла. На полу кости и черепа вперемешку с грязью. Когда Ибрагим вывел ее на свет, Марианна поняла что пробыла там считанные минуты, но ей казалось, это длилось вечность. Ее тошнило, выкручивало внутренности наизнанку. Судорожно цепляясь за руку своего стража Марианна, шатаясь, шла за ним в свои покои. Он молчал, равнодушный, холодный, наверняка не раз побывавший в аду подземелья. В его глазах светился триумф. Он решил, что эту партию он выиграл. Напрасно. Марианна не испугалась, кроме гадливости, брезгливости и дикой жалости к несчастным она ничего не испытывала. Страх исчез. Марианна не боялась попасть в этот кромешный ад, она боялась другого. Не поддаться чарам Берита. Теперь, когда узнала, что силой демон ее взять не может Марианна воспряла духом. Несмотря на то, что увидела, она будет сопротивляться, до последнего, но добровольно в постель к демону не ляжет. Лучше висеть на крюке, обглоданной маленькими жадными хищниками, чем с осквернённым телом знать что предала, того кого любит.

Никто не плакал. Иногда слезы облегчают страдания, и каждый из них мечтал сбросить гнет тяжести. Они стояли уже несколько часов, не шевелясь как статуи, выкованные из гранита. На столе белела аккуратная белая коробка, украшенная праздничной лентой. Комнату освещал лишь блеклый свет от экрана компьютера. За последнюю неделю они слишком часто собирались все вместе. Только сейчас их было на одного меньше. Николас чувствовал, как все тело сдавливает стальным обручем с такой силой, что он не мог даже пошевелить пальцем. Болела каждая клеточка, в горле пересохло, губы потрескались. Он смотрел на коробку, немигающим взглядом его лицо стало бледным до синевы. Тишину нарушил Влад, чужим надтреснутым голосом он произнес:

– Я проклинаю ее, это дьявольское отродье, которое называлось моей дочерью. Я проклинаю все, что связано с ней ее имя, ее вещи. Она вне закона. И если мои ищейки когда-нибудь до нее доберутся – я позабочусь, чтобы ей вынесли самый безжалостный приговор. Лина всхлипнула и закрыла лицо руками. Она первая кто наконец-то смог заплакать. Влад посмотрел на брата, ожидая его слова.

– Нет. Ее найдут не ищейки, ее найду я. Она вернется домой, Влад. Глаза короля запылали

ненавистью.

– Никогда ее нога не ступит на мои земли, сюда ее внесут только мертвой.

– Она вернется домой, я сказал, – отчеканил каждое слово Ник, – она вернется, и я накажу ее сам. Я накажу ее так, что она будет мечтать побывать в зале суда. Она будет мечтать о смерти. Ни одна ищейка не будет ее искать, Влад. Никто не должен знать как погиб отец. Для всех он пал жертвой демона. Мы не доставим ей удовольствия видеть как низко пала наша семья, во что ей удалось нас превратить. Эту тайну мы похороним вместе с отцом. Голос Ника дрогнул, он крепко сжал челюсти и с вызовом посмотрел на брата.

– Нам не удастся долго скрывать. Совет узнает. Лучше отдать ее суду, – Влад не перечил, он обессилено прислонился к стене.

– Я буду ее судом. Какая бы тварь не скрывалась под лживой личиной – она моя жена и принадлежит мне по закону.

Лина слушала их с расширенными от страха глазами, она все еще не понимала, что они говорят о ее нежной девочке, о ее ребенке.

– Я в это не верю и не поверю никогда. Вы вот так просто приговорили ее?! Вы оба! Не дав ей сказать ни слова в свое оправдание? Мы не можем выносить приговор так просто это подло, это…

– Подло? Ты говоришь это подло? А то, что до самой смерти я не забуду, как она убила моего отца? Эта тварь смотрела в камеру и улыбалась, тварь которую я вырастил, которую носил на руках. Думаешь, мне не больно, что от моего отца осталась эта проклятая коробка? Что в фамильный склеп я отнесу лишь горстку пепла от его сердца? Николас закрыл глаза, не в силах видеть искаженное страданием лицо брата.

– Я бы принял его смерть если бы он погиб в бою, я бы оплакивал его, я бы похоронил его с почестями… Но так подло…так низко убить родного… Если бы это был я или ты, Лина?! Думаешь, это ее бы остановило? ОНО больше не наш ребенок, это отродье дьявола!

Ник рывком прижал Влада к себе, чувствуя, как содрогается его тело от рыданий. У него самого слез не было, глаза пекло от сухости. Ему казалось, что внутри он умер. Что вместо плоти в нем шевелятся черви и пожирают его душу. Его слепил гнев, ненависть ядом разъедала сердце как серная кислота.

– Я верну ее домой, – снова повторил он, поглаживая Влада по спине – верну домой, и она заплатит за смерть отца.

– Но как? К демону так просто не попасть, – тихо прошептала Лина.

– От той сделки, что я ему предложу, он не откажется. Ежегодно Собиратели Душ должны принести ему новых жертв из привилегированных кланов. Их должно быть семьдесят две, ровно столько, сколько в свите сатаны демонов. Чем выше число душ, тем больше почестей демону. Влад вцепился в воротник рубашки Николаса:

– Отдать ему в жертву наших собратьев? Обменять на эту тварь? Ты в своем уме?

– В своем и мы отдадим. Влад, все должно остаться в семье и никто не должен знать, что произошло на самом деле. Ты подкупишь ищеек. Информация не просочится в Совет, а кого

нужно заставишь замолчать навсегда. Ты сделаешь это ради отца. Так бы он поступил с одним из нас, если бы…

– Она не одна из нас! Она никто, найденыш, неизвестный ублюдок подкинутый нам самим адом. Она не одна из нас. Теперь уже Ник тряхнул Влада и посмотрел ему в глаза.

– Она одна из нас потому что – она моя жена. Разжав пальцы Влад осел на пол раскачиваясь из стороны в сторону.

– Делай как считаешь нужным. Мне все равно. Я сделаю все, о чем ты просишь, но для меня этой твари не существует. Будь она проклята. Будь проклята. Хлопнула дверь кабинета. Ник понял, что Лина не выдержала, он слышал затихающие шаги на лестнице, ведущей в ее спальню.

– Нужно сообщить Кристине и Витану, Фэй уже наверняка знает. Словно в ответ на его слова в кабинет вошел Криштоф, бледный как мел.

– Она уже знает. Я приехал к вам, она хочет, чтобы я был рядом с ним, когда вы похороните, то что от него осталось. Фэй справится сама. Я оставил с ней двух воинов. Ник, она передала тебе вот это. Криштоф протянул Нику флакон.

– Всего три капли, и падший ангел будет бессилен как любой смертный. Это жидкость проклятие Чанкра. Нейтрализовать практически невозможно. После нескольких месяцев употребления Падший беспомощней и чувствительней человека.

Николас кивнул и почувствовал, как лед сковал еще кусок его сердца. Фэй знает, кто убил ее брата. Фэй видела то же, что и они. Больше нет сомнений…Никаких.

Его жена – жуткий монстр, которого ненавидит даже такое доброе существо как Фэй. Все кончено. Это даже не жажда мести – это ненависть, ярая, жгучая ненависть и холодное желание поставить на колени, заставить пожалеть о каждой минуте ее жизни. Но кусочек сердца все еще пульсировал, принося невыносимую боль. Там в самом уголке, обливаясь черной кровью, все еще жила сука-любовь. И не разъесть ее ядом ненависти, не удушить, не выжечь без риска, убить само сердце. Пусть корчится от боли и будет проклят этот кусок. Пусть медленно подыхает в агонии, пока не покроется тем же льдом. Ведь когда-нибудь смерть наступит и в этом уголке сердца. Через время…через годы или столетия…но наступит. Он на это надеялся, он желал этого, он жаждал забыть.

Похороны в семейном склепе состоялись через несколько часов. Самуила провожали в последний путь его собратья, и все покрылось морем кровавых слез и лепестками алых роз. Так провожают в последний путь короля. Для многих он так и не стал бывшим. Его хоронили молча. Без ненужных тирад прощания и без музыки. Слезы и тихие стоны. Только Николас стоял отрешенный, без возможности заплакать, без возможности дать волю своему горю.

«Я поплачу, отец. Я поплачу, когда буду уверен, что та, кто убила тебя, испила чашу страданий до конца. Тогда я приду к тебе и буду плакать. Я люблю тебя, отец. Я никогда тебе об этом не говорил, а теперь поздно. Слишком поздно. Но я знаю, что сейчас ты меня слышишь. Я не должен был тебя отпускать, но любовь к этой стерве затмило мне разум и я не верил…до последнего не верил. Наверно я любил ее больше чем тебя, даже больше чем себя самого. Я стал слепцом и слабаком. Прости меня, отец. Прости, если сможешь». Раздался удар колоколов и крышку склепа задвинули сыновья, вытянулись по стойке смирно воины-вампиры, отдавая последние почести. Николас сжал руку Влада, чувствуя, что тот на грани, что еще немного и

сорвется.

– Терпи. Ты поплачешь дома. Не при них. Короли не плачут, брат.

6 ГЛАВА

– Как смел ты презренный суккуб прятать ее от меня так долго? Берит грозно посмотрел на Ибрагима.

– Мой господин, она вела себя возмутительно. Как я мог привести к вам непокорную рабыню? Ибрагим склонил голову, а Берит мечтательно закрыл глаза.

– Прекрасную рабыню… Никогда не встречал подобной красоты. Увидел, и опалило меня таким желанием, которого не испытывал веками. Я хочу ее, Ибрагим, хоть она и смела мне перечить. Но эту дурь мы из нее выбьем. Пару хороших плетей, психологического давления и приползет ко мне на коленях. Как прошла вчерашняя экскурсия? Ибрагим самодовольно усмехнулся.

– Чудесно мой Повелитель. Она была в шоке. Наверняка теперь будет бояться.

– Люблю когда они испытывают страх, когда плачут от боли, а потом от наслаждения. У этой будут особые слезы. Сладкие. Ароматные. Она придет ко мне сама. Как там посылочка нашей дорогой Лили? Ее получили родственники нашей гостьи? Лицо Ибрагима вытянулось, он никак не ожидал, что Берит все знает.

– Хотели скрыть? А?! Скрыть от меня? Я знал, что она из королевской семьи, но не думал, что дочь Влада и жена Мокану в моих руках. Кто это все затеял, Ибрагим? Лили? Ибрагим опустил глаза.

– Нет, мой повелитель.

– Тогда кто если не эта фурия, вцепившаяся в мою постель мертвой хваткой?

– Та, кто восстала из мертвых, и мечтает отомстить Черным Львам за убийство своей семьи. Берит нахмурился:

– Она жива эта ведьма? Тогда все ясно. Что ж услугу она мне, несомненно, оказала. Но мне Мари будет мешать. Я вообще не хочу, чтобы кто-то из этой семейки неудачников оставался в живых. Аонэс ее видно приберег для своих целей. Она свою миссию выполнила, прикажи убрать ее. По – тихому. Чтобы и следа от нее не осталось. Ее планы мести не совпадают с моими. Я не собираюсь уничтожать самый большой клан королей. Слишком много прибыли они приносят мне. А она сделает все, чтобы избавиться от короля и его брата. Убери ее.

– Слушаюсь мой повелитель.

– Падшую приведешь ко мне сегодня. Может ее спесь и поубавилась. Я так понимаю в ее семействе больше никто не захочет вернуть обратно?

– Они получили достаточно доказательств того что Падшая их предала. Думаю теперь она изгой для них. Берит удовлетворенно улыбнулся.

– А ведь чертовски умна эта Лили, не будь она из низшего сословия я бы подумал о том, чтобы женится на ней. Впрочем она как моя комнатная собачонка – всегда готова к спариванью и преклонению так что обойдется и ролью любовницы. Иди, Ибрагим. Займись нашей гостьей,

mir-knigi.org

пусть ее готовят к встрече со мной. Я буду ждать на заходе солнца. Ибрагим откланялся.

– Игрушка великолепна, Ибрагим. Когда получу ее в свою постель, чувствую, будет жарко. Она только с вида невинная овечка там внутри пожар уж я-то знаю этих недотрог. Чтобы стать женой Мокану нужно быть незаурядной личностью или очень горячей штучкой.

Марианна наблюдала, как служанки суетятся, наполняют ванну душистым мылом, готовят одежду и понимала, что сегодня ее ожидает бой. Если бы милая Фэй была здесь, она бы помогла ей избавиться от чар Берита. Когда приготовления были окончены, и служанки собирались уйти, Марианна заметила, что одна из них с жалостью посмотрела на свою госпожу. Это стало своеобразным толчком. Маринна схватила девушку за руку, но та быстро покачала головой, показала глазами на камеры. Марианна кивнула и долго-долго смотрела на девушку, словно пытаясь убедить ее взглядом о том, что им нужно поговорить. Служанка попятилась назад. Марианна, недолго думая, схватила бумагу и ручку, незаметно сунула за пазуху.

Она села за стол, лениво оторвала виноградину, потом откусила кусочек сыра. Всем своим видом показывая, что она расслаблена и спокойна. Напиток пить не стала. Она вообще последнее время пила только воду из-под крана. В голове пульсировала одна мысль – лишь бы служанка не испугалась и не сбежала. Выждав некоторое время, Марианна вышла в сад. Как всегда тишина и спокойствие, от которого за несколько дней Марианну уже начинало тошнить. Вздох разочарования вырвался из ее груди – служанка сбежала. Пленница подошла к фонтану присела на корточки наблюдая за водой. Призрачная иллюзия течет безгранично и бесконечно, как и ее жизнь, здесь, в заточении, в этом аду. Внезапно она заметила движение за бортиком фонтана и увидела служанку. С трудом сдержала радостный возглас. Наклонилась к воде достала бумагу и быстро набросала: «Помоги мне». Опустила записку и ручку вниз, не глядя на девушку. Через несколько минут ей вернули ответ.

– «Как?»

– «Ключи от второй половины и от всех дверей есть?»

– «Нет. Только у Ибрагима»

– «А нож или что-то острое?»

– «Я достану. Положу здесь»

– «Я так тебе благодарна. Как тебя зовут?»

– «У меня нет имени, я тут с рождения».

Служанка юркнула в кусты и быстро поползла в сторону второй половины дворца. А Марианна еще долго стояла, делая вил, что наблюдает за водой, пытаясь заслонить девушку от камер. Ужас всего происходящего в этом аду вдруг начал доходить до ее сознания. Служанки…Так вот зачем нужны смертные женщины – рожать рабов, которые с детства знают только преклонение перед Повелителем и раболепное подчинение. Девочке отрезали язык. Все служанки немые и не имеют имен. Как предметы обихода – можно разбить, сломать, выкинуть. Но почему та решила ей помочь? Ведь за это могут покарать, жестоко наказать и девушка наверняка об этом знала. Пленница вернулась в спальню. Она бросила взгляд на новый наряд и содрогнулась. Сегодня ее поведут к Бериту, и если девушке-служанке не удастся передать Марианне оружие, то она пропала. Марианна уже знала, как можно защитить себя от Берита. Демона убить она

точно не сможет, а вот себя – да. После слов Ибрагима Марианна знала, что сейчас она беспомощна словно человек. Настолько же хрупкая и ранимая физически. Но это нужно проверить, суккубу доверять нельзя. Марианна поискала глазами какой-нибудь острый предмет, но кроме шариковой ручки которую стискивала холодными пальцами, ничего не нашла. Пленница прикрыла глаза и сильно надавила острым концом пера на палец и почувствовала легкую боль, с облегчением увидела кровь, капающую на пол. В обычном ее состоянии любые повреждения кожного покрова исчезали мгновенно, но сейчас рана не закрывалась. Значит, она смертна, или более слаба чем вампиры. Возможно, это остановит демона, хотя бы на сегодняшнюю ночь. Если вообще для него имеет значение ее жизнь, а если нет, то она умрет, но Бериту не покориться.

Служанки вернулись через несколько часов, когда солнце уже медленно пряталось за горизонт. Время неумолимый палач, гораздо неумолимей всего, что есть в этом мире. С ужасом Марианна поняла, что среди прислужниц ТОЙ девушки нет. Она не пришла. Холод сковал все тело пленницы. Неужели камеры засекли и девочку наказали? А может ее даже убили… От ужаса у Марианны затряслись руки. Она почувствовала как силы, и надежда покидают ее. Княгиня покорилась заботливым рукам прислуги, позволяя причесывать себя, натирать кремами, одевать в шикарные одежды. Она смотрела в зеркало на ту, в кого превратилась, благодаря их стараниям и от отвращения ей захотелось плюнуть в свое отражение. На нее не надели нижнего белья. Только платье, которое и платьем назвать было трудно. Темно-сиреневая блестящая ткань едва прикрывала ягодицы, на груди закреплена серебряными кольцами, спина полностью открыта. Ее волосы расчесали до блеска и завили на крупные щипцы, теперь каштановые локоны роскошным водопадом падали ей на плечи. Лицо накрасили так ярко и вульгарно, что Марианну непреодолимо потянуло умыться, хотя, несомненно, этим скромным служанкам позавидовал бы самый маститый визажист. Все достоинства подчеркнуты настолько умело, что она походила на фарфоровую куколку. Огромные глаза ярко выделялись на бледной коже, губы стали казаться полнее и чувственней. «Кукла. Чертова кукла. Ненавижу. Лучше умереть. Но даже этого я не смогу сделать» Ее оставили одну в полном смятении. Марианна снова вышла в сад и в тайной надежде на чудо склонилась к фонтану. И чудо произошло, там под изумрудными листьями декоративного папоротника, лежал десертный нож, маленький, но очень острый, с тонким блестящим лезвием. Марианна незаметно сунула его в рукав платья. Манжет надежно обхватил рукоятку и запястье. В тот же миг появился Ибрагим. Довольный, как всегда холенный в шикарном шелковом балахоне. За ним вошли трое невольников с носилками, украшенными золотом и парчой.

– А вот и птичка моя, – радостно пропел Ибрагим, и Марианне захотелось воспользоваться оружием прямо сейчас, вонзить его в сердце суккуба, если оно там есть.

– А мы за тобой пришли, ты готова моя красавица?! Вижу что да. Сегодня ты удостоишься великой чести познать любовь самого великого из демонов. Марианна улыбнулась Ибрагиму одной из самых очаровательных улыбок и он застыл немного пораженный перемене в ней. Марианна поняла, что улыбается она в этом жутком месте впервые.

– Вижу ты одумалась, это очень хорошо, это очень правильно. Скоро ты достигнешь невиданных высот. Ты можешь стать любимой наложницей, а возможно и любимой женой. Тебя ждут несметные богатства, власть, слава. Умница девочка. Ты начинаешь меня радовать.

«Если мне удастся то, что я задумала, то тебя ждет наказание, если и не что-то похуже, а потому мне радостно и я улыбаюсь, продажный сводник». Ибрагим помог Марианне сесть на носилки и рабы, молча, понесли ее в покои Берита. Суккуб шел впереди, всем видом излучая

триумф.

Покои Берита отличались от комнаты Марианны, точнее, они казались необъятными. Спальня почти не имела мебели кроме огромной круглой постели, застеленной алым шелковым покрывалом, ковра на полу и столика с яствами и графином с вином. Ни шкафов, ни тумбочек, только постель. Стены темно-бордовые без украшений и картин, но зато полностью завешаны зеркалами, так же как и потолок. За постелью огромное окно с плотными занавесками. Берит развалился на кровати и ел яблоко, запивая вином, хотя может быть ярко-алая жидкость была чем-то иным, уж очень напоминала кровь. На нем был надет просторный халат из серебристого шелка, распахнутый на груди, открывающий сильную шею и мускулистую грудь. Одну ногу он согнул в колене, другая утопала в мягком ковре. Увидев гостей, демон даже не потрудился встать, лишь небрежно повернул голову и улыбнулся уголком капризных губ. Ибрагим оставил Марианну откланялся и запер дверь снаружи.

– Вот ты и пришла ко мне, – заявил Берит – иди, присядь рядышком. Марианна, неслышно ступая по мягкому ковру, босыми ногами подошла к постели. Садится рядом с ним она не решалась. Слишком боялась, что он обнаружит кинжал у нее за манжетом.

Демон посмотрел на нее тигриными глазами и снова медленно пригубил свой напиток.

– Как тебе экскурсия в подземелье? Начинаешь реально понимать где находишься? Марианна посмотрела Бериту в глаза, и смело ответила:

– Я и раньше понимала, что попала далеко не в дом отдыха. Демон усмехнулся и встал с постели. Марианна напряглась.

– А ты по-прежнему упрямая. Не испугалась?

– Мне терять нечего. Внезапно Берит схватил ее за руку и повел за собой, в тот же миг окрылись двери в стене и наружу выплыл красивый комод из красного дерева.

– Ты и правда думаешь что нечего? Берит окрыл первый ящик и Марианна увидела, как засверкали в нем драгоценные украшения и камни. Берит достал ожерелье из белого золота с огромными нефритовыми цветами и показал Марианне.

– Прекрасно подошло бы к твоей нежной коже. Это все может быть твоим дорогая. Марианне захотелось рассмеяться. Поистине искушение дьявола. Сколько смертных грехов он на ней проверит? Начал с жадности?

– Я равнодушна к бижутерии, – отрезала Марианна и с наслаждением увидела, как сузились его зрачки. – а власть, Марианна? Ты не жаждешь власти? Ты не мечтаешь стать всесильной? Марианна почувствовала, как он стал позади нее и нервная дрожь пошла по телу.

– Нет, я не мечтаю об этом. Он резко повернул ее к себе:

– А о чем ты мечтаешь, Марианна? Здесь место, где сбываются все мечты. Скажи и ты это получишь, – прошептал демон и его голос очаровывал как музыка.

– Я мечтаю о том, что вы не можете мне дать, Повелитель. Ответила Марианна, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Только попроси.

mir-knigi.org

– Я хочу, чтобы это были сейчас не вы, а Николас. Выпалила Марианна, надеясь его разозлить, но демон лишь рассмеялся.

– Почему? Тебе нравятся брюнеты, Марианна? Так я могу измениться для тебя. Его волосы тут же стали цвета воронова крыла и Марианна не могла не заметить, что он очень красив. Соблазнителен, порочен.

– Вы можете превратиться в кого угодно, но я люблю другого и мне не важна его внешность.

– Ложь. Женская ложь. Если бы твой муж был уродлив и стар и не имел силу вампира, то он бы тебе не понравился никогда.

– Возможно, – Марианна почувствовала нарастающую панику, когда его руки легли ей на плечи, – но вы не он.

– Я лучше, детка…Я намного лучше…дай мне показать тебе звезды…дай мне подарить тебе наслаждение…Я буду вылизывать каждый кусочек твоего тела, повергая тебя в пучину экстаза.

Голос демона проникал ей в мозги, а руки ласкала плечи, зарылись в волосы, еще немного и ее потянет к нему, она не сможет сопротивляться.

– Но это не любовь, – прошептала Марианна стараясь отвести взгляд.

– Верно, не любовь…Но что есть любовь, детка? Химера! Она проходит, исчезает…растворяется…А вот страсть…естественное желание наслаждения…тяга…влечение его можно испытывать всегда и не важно с кем… Ты хочешь любви? Я подарю ее тебе… Он склонился к ее губам, а пальцы уже развязывали тесемки платья на груди.

Марианну обволакивал туман, грудь налилась, внизу живота разливалось тепло. Тело начинало отвечать на призыв. При том от него так головокружительно пахло порочностью. Она вздохнула, чувствуя, как его ладонь легла ей на грудь и тихо застонала. Но это и был тот холодный душ, которого жаждал разум, собственный стон вернул ее из морока из тумана. Марианна резко достала нож и приставила его к своему горлу.

– Еще дотронешься – убью себя! – прошипела она, сверля его глазами, полными безумия. Демон отстранился, теперь по его губам скользнула ледяная ухмылка.

– Довольно необычный поворот, – сказал он спокойно, – отчаянно. Мне будет интересно на это посмотреть. Он сложил руки на груди.

– Мне нечего терять! – Упрямо сказала Марианна побелевшими губами.

– Нечего значит – режь. Я ведь все равно получу тебя. Не сегодня так завтра или через месяц. Так что режь, а я посмотрю. И она полоснула себя по горлу, в тот же миг демон оглушил ее как взрывной волной, мозг Марианны словно взорвался от безумной боли, и она потеряла сознание. Она не видела, как демон склонился к ней, облизал раздвоенным, как у змеи, языком рану на горле и та немедленно затянулась.

– Вкусная как нектар. Упрямая. Ты хочешь поиграть в эту игру, Марианна? Ты меня испытываешь? Так мы поиграем. Ибрагиииииим, мать твою, где ты?! Суккуб появился через считанные секунды, бросил взгляд на девушку, лежащую на полу в луже крови, а потом на

хозяина.

– Унеси. Прийдет в себя – тридцать плетей на глазах у всех. Раны залечивай после каждых десяти и начинай снова! Посмотрим, что она скажет после этого. Она хочет боли – она ее получит. После наказания – в карцер. Демон в ярости посмотрел на Ибрагима:

– Хотела перерезать себе горло, дрянь. Так вот скажешь ей, что она умрет, только когда я этого захочу. А теперь забери ее отсюда. Позови ко мне девок. Эта дрянь меня разозлила. Садистская оргия мне сейчас не помешает.

Марианна проснулась, когда на нее вылили ледяную воду. Открыла глаза и тут же схватилась за горло – ни царапины. Но она помнила это мерзкое чувство, когда сталь проникает в плоть как в масло. Перед ней стояли существа, иначе она не могла их назвать, в черных масках и черных одеяниях. Каждый из них держал в руках пустое ведро. Марианна осмотрелась по сторонам. Она находилась в подвальном помещении с мокрыми каменными стенами, пахнущими плесенью. Помещение освещено лишь несколькими факелами. Это даже не тюрьма. Странное место без окон, дверей и даже мебели. Марианна вскочила на ноги и отшатнулась к стене. Похотливые глаза стражников или палачей сверкнули при взгляде на ее тело, обрисовавшееся под мокрым платьем. Железная дверь с лязгом отворилась, и вошел Ибрагим. Он кивнул охранникам и те немедленно удалились.

– Ты довольна?! Ты что наделала, безумная? У Марианны зуб на зуб не попадал от холода. Неужели она все больше превращается в обычную смертную в этом жутком месте. Или это от ужаса, от осознания своей беспомощности? Но там не менее она ответила суккубу:

– Я защищалась, как могла. Это был единственный способ усмирить похоть Берита…

– Повелителя, – рявкнул Ибрагим.

– Нет, Берита. У меня уже есть повелитель.

– Неугомонная дура! Ты хоть представляешь, что он с тобой сделает? Тридцать плетей адским кнутом! Не возможность лишиться чувств, так как рядом будет лекарь. Ты понимаешь, что не выдержишь этого. Марианна захохотала ему в лицо:

– Выдержу! Ты меня плохо знаешь Ибрагим. Когда-то я уже побывала в таких подвалах. Меня уже ни чем не испугать. Боль? Я знаю, что это такое. Больно не когда плети рвут кожу, больно, когда умирают те, кого ты любишь, больно видеть страдания других, больно, когда бродячую кошку равнодушно давит водитель. Больно, когда родители теряют детей. А это не боль, это так цветочки. Бровь Ибрагима удивленно поползла вверх. Он долго смотрел на девушку, потом сунул руку за пазуху и подал ей флакон.

– Выпей. Это притупит твое сознание и облегчит боль. Марианна с недоверием посмотрела на Ибрагима.

– Выпей. Ты сама сказала, что не боишься – пей. Она решительно открыла крышку и проглотила жидкость.

– Я уже неуверен, что поступил правильно выкупив тебя на торгах. Он просто тебя убьет.

Ибрагим сказал это задумчиво, серьезно. Марианна промолчала, она была поражена тем что этот прислужник дьявола сжалился над ней.

Марианну вывели во двор полный прислуги и гостей. Видимо для подобного зрелища Берит пригласил друзей. Сам демон восседал на кожаном кресле как на троне. С обеих сторон возле него ластились наложницы, полуобнаженные грациозные нимфы. Они отвратительно извивались и периодически целовали Берита в шею. Марианна видела их языки и затуманенные похотью глаза. Демон смотрел на Марианну с триумфом, взглядом покорителя и повелителя. Марианна гордо прошла мимо него и позволила привязать себя к столбу без малейшего сопротивления.

– Разденьте ее, – приказал Берит и с девушки содрали мокрое платье. При виде шрамов на ее спине многие подались вперед, чтобы рассмотреть получше. Нездоровое любопытство и жажда крови написана на этих холенных лицах. Жажда зрелища. Берит встал с кресла и посмотрел на Марианну. Он был горд собой. Он всесилен.

– Ты можешь это прекратить прямо сейчас. Кивни своей очаровательной головкой и дай мне знак, что отныне я твой хозяин. Глядя демону прямо в глаза, Марианна беззвучно прошептала:

– Никогда.

Он понял. Она увидела это по его взгляду – глаза стали черными как ониксы. Рот сжался в тоненькую ниточку, и он грубо отшвырнул от себя одну из наложниц. Махнул рукой палачу. Марианна слышала свист кнута и спину обожгла резкая боль. Если Ибрагим и пытался ей помочь, то его зелье не подействовало или же просто боль могла бы быть сильнее, если такое вообще бывает. Палач знал свое дело он делал перерыв между каждым ударом ломая ее психологически, ожидая что она закричит, заплачет, взмолиться о пощаде. Но она не плакала, не кричала только тихо шептала:

– Ник, где же ты? Не дай мне сломаться дай мне силы выдержать… После девятого удара она почувствовала, как все плывет перед глазами, она близка к обмороку. Она подняла затуманенный взгляд на Берита и увидела, как он подался вперед, жадно пожирая ее лицо возбужденным взглядом, он поглаживал себя чуть ниже пояса. Это зрелище его заводило. «О нет, сволочь, я не доставлю тебе такого удовольствия, я не потеряю сознание» Она начала думать о чем-то другом, о своем счастливом детстве полном любви родителей, о встрече с Ником, об их самой первой встрече, когда волки чуть не сожрали ее в лесу, о своих мечтах. Десятый удар она уже не почувствовала, точнее он показался ей комариным укусом. Мысли о Николасе давали ей силы, и она упрямо смотрела на демона. «Не сдаваться. Ник меня ищет, я уверенна в этом. Он придет за мной и заберет меня».

– Продолжать! – рявкнул Берит и вскочил с кресла, – он был в бешенстве. Обычного развлечения с мольбами и слезами жертвы не получалось.

Теперь палач бил сильнее, но боль перестала ее обжигать, она взвивала ее тело, она рвала ее кожу, но уже не причиняла страданий. Марианна почувствовала как гнев, и ярость поднимаются внутри как цунами. Гнев и триумф. Она перестала считать удары, но их уже было, несомненно, больше чем тридцать. Все повставали, рассматривая упрямую рабыню. Берит отшвырнул наложниц. Кое-кто из гостей уже ухмылялся, поглядывая на демона. На Марианну показывали пальцами, шептались.

– Прекратить. В карцер. Сейчас. К черту! Представление окончено! Всем вон! ВОН Я СКАЗАЛ! Сучку служанку пытать. Содрать кожу живьем и подвесить здесь, во дворе на всеобщее обозрение. Когда сдохнет – труп бросить к этой в карцер. Пусть любуется. Все.

Марианну сняли со столба и хотели понести, но она не дала к себе прикоснуться. Пошла сама,

с гордо поднятой головой, чувствуя, как кровь стекает по спине. Ибрагим набросил на ее обнаженное тело покрывало. Берит рычал от злости. Марианна слышала крики несчастных наложниц и беспрерывные удары. Он сгонял зло на них.

Пленницу толкнули в кромешную тьму, на пол, и она с блаженством почувствовала холодные камни разгоряченным, воспаленным телом, и беззвучно зарыдала, чтобы ее палачи не услышали. «Я выдержала…на сегодня…я выдержала. Но выдержу ли завтра?»

7 ГЛАВА

– Вы звали меня, повелитель?

Лилия вошла в покои Берит и покорно опустила глаза. Она не отважилась смотреть на демона в его нынешнем состоянии. Таким разъяренным она не видела его уже давно. Вокруг него словно воздух накалился.

– Да, звал! Он бросил взгляд на дверь и та с грохотом захлопнулась.

– Что угодно моему господину? – не поднимая глаз, спросила Лилия Он, молча, обошел ее со всех сторон.

– Хочу, чтобы ты сменила облик. Стань похожей на нее. Лилия посмотрела на демона и ее глаза блеснули гневом.

– На Падшую? Это самый омерзительный образ и всех что я принимала в угоду тебе мой Повелитель. Берит ударил Лилит резко, наотмашь по лицу и та пошатнулась, но не упала.

– Ты мне перечишь? Ты грязное отродье? Да ты никто! Шлюха! Моя подстилка, захочу ноги вытру, захочу – убью, а захочу – отдам кому-то другому и буду смотреть как тебя имеют. Лилия не поднимала глаза, она держалась за пылающую щеку, а когда все же отважилась посмотреть на демона, то в ее взгляде горела страсть, вожделение. Она упала на колени и потянулась к нему руками:

– Да! Бей меня, мой господин! Делай со мной все что хочешь! Берит усмехнулся:

– Возбудилась? Любишь когда я тебя бью…Нужно было помнить, что ты мазохистка и не доставлять тебе такого удовольствия. Толку от тебя никакого, только бесишь последнее время. Не хочешь обращаться – пошла вон! Он отвернулся, а девушка в тот же миг приняла другой облик, бросилась за ним:

– Для тебя все что угодно, господин…Только не гони! – это уже был другой голос и демон даже вздрогнул. Обернулся к ней и его глаза засияли. Лилия подползла к нему на коленях. Она вживалась в образ, подыгрывала хозяину. Они часто играли в подобные игры. Берит поднял ее за плечи.

– Проси…проси и сжалюсь над тобой. Скажи что готова покориться…Скажи что будешь делать все что я захочу. Лилия привлекла демона к себе.

– Нет… я не покорюсь. Никогда! Берит снова ударил, а Лилия только смеялась ему в лицо. Тогда он связал ее и потянул за волосы к постели.

– Покоришься. Ты будешь молить о пощаде Марианна, будешь молить, чтобы я взял тебя, чтобы

я погрузился во все дырочки на твоем прекрасном теле, чтобы я исполосовал тебя своими когтями. Глаза Лилия горели от страсти, когда демон швырнул ее на шелковое покрывало и разорвал на ней платье.

– Сегодня я заклеймлю тебя, Марианна, в знак того, что ты моя женщина. Пусть все знают, кому ты принадлежишь. Раздвоенный язык демона заскользил по обнаженному телу, затрепетал на возбужденных сосках. Он резко раздвинул ноги Лилии и склонил белокурую голову между ними. Уже через секунду девушка кричала от наслаждения. Когти демона оставляли кровавые полосы на нежных бедрах, но ей это нравилось, она выкрикивала его имя, она бесстыдно подставляла ему пылающее лоно, а демон заводился все сильнее, пока совсем не обезумел.

– Марианна ты моояяя, моояяя….Вся моояяяя. Я подарю тебе наслаждение ты увидишь, что умеет демон.

Николас остановился возле красивого белого здания, еще раз сверил адрес с тем, что был указан на визитке. Огромная каменная ограда заслоняла великолепный особняк от взглядов любопытных. У ворот вооруженная охрана. Не люди – определил князь по запаху. Значит дипломат. Посол. Неприкосновенный. Ник бросил взгляд на визитку «Виноградов Берит Александрович» Возможно, он не выйдет отсюда живым так же, как и его отец. Или же выйдет один. Охранники уже смотрели в его сторону пылающими взглядами. Учуяли вампира. Приготовились. Ник решительно вышел из автомобиля и направился к пропускному пункту.

– Сегодня приема не будет, господин Виноградов отдыхает. «Маскарад. Каков подонок, все стерильно, цивилизованно. В этом государстве он словно бог и царь».

– У меня срочное дело. Охранник усмехнулся:

– У нас каждый день таких срочных не пересчитаешь. Только по записи. На сегодня приглашенных нет. Ник посмотрел на охранников, прикидывая, сможет ли управиться со всеми ними или брать их хитростью. Решил, что нужно попробовать не ввязываться в переделку.

За углом его ждал Криштоф, Иван и еще несколько сильных воинов, но сейчас Ник не хотел их вмешивать. Неизвестно сколько таких же вооруженных демонов ждут его за оградой. Тогда никто не уйдет живым.

– Передайте господину Виноградову, что у меня есть семьдесят две единицы товара, который он так искал. Охранники насторожились. Один из них куда-то позвонил. Потом бросил взгляд на Николаса.

– Имя.

– Николас Мокану.

– Ждите. Я дам вам ответ. Один из охранников удалился, а другие выстроились, преграждая Нику путь. «Это должно сработать. У него нет нужного числа. Просто не может быть» Ник нервничал. Он осматривал ограду и понимал, что шансов попасть во внутрь просто нет. Наверняка все под током и с лазерным ограждением. Насколько охраняемы хоромы Берита можно только предполагать. Три дня заняло у него готовить нужное число жертв. Он не хотел знать имен, дал указание Ивану отбирать тех, кто преступил закон братства. Совет дал добро после того как некоторые из членов получили чеки с большим количеством нолей. Но больше

всего Ник хотел ее увидеть. Посмотреть ей в глаза, понять за что его так предали…Не только понять, постараться почувствовать. Все эти дни он жил только одной мыслью – найти, вернуть домой любыми правдами и неправдами. Охранник вернулся и посмотрел на Николаса.

– Ваши документы. Оружие есть?

– Нет.

– Пройдите к этому столу – вас обыщут. Берит Александрович примет вас. Николас почувствовал, как напряжение от неизвестности понемногу отпускало. «Значит заинтересован. Тогда еще не все потеряно» После тщательного досмотра, который Ник вытерпел, стиснув зубы, его провели вовнутрь, за ограду. Железные ворота закрылись у него за спиной. Перед ним появился управляющий в строгом элегантном костюме, он предложил Николасу следовать за ним. Какая прекрасная маскировка. Мирный домик, зелень, деревья. Искусственное озеро. Красота и благодать. Ник знал, что есть и вторая половина дома, где все иначе, где существуют особые законы, отличные от человеческих. Это бутафория для людей. Там, на другой половине, Ник потеряет свою силу и станет беспомощен как ребенок. Это будет трудная партия, но Ник должен ее выиграть. Обязан. Это все что он может сделать для отца – наказать ту, которая подло лишила его жизни. Ника провели в кабинет, принесли кофе, предложили другие напитки, вежливо намекнув, что у них есть и то, что он привык употреблять в пищу. Ник не был голоден. От пакетиков с кровью он отказался, попросил принести виски и сигары. Осматривая кабинет, князь задерживал взгляд на каждой мелочи и вдруг содрогнулся, посмотрев на ковер с затейливым восточным узором. В этом самом кабинете убили Самуила. Никаких сомнений – это, то самое место. «Хочет сломить меня, специально привел именно сюда, знал, что я узнаю это место. Хороший психологический ход с намеком. Только мне уже нечего бояться и нечего терять – самое дорогое я уже потерял» Молчаливые слуги принесли поднос с бокалом виски и дорогой сигарой. Николас сел в кожаное кресло, забросил ногу на ногу и закурил. С недавнего времени эта человеческая привычка стала для него некоей отдушиной, он даже вспомнил покойного Вудворта с неизменной кубинской сигарой в зубах. Ник уже не нервничал, им начинало овладевать странное спокойствие. Привычный цинизм возвращался и Ник был ему рад.

Демон появился спустя полчаса в домашнем халате, небрежно завязанном поясом, босиком. Николас с трудом сдержался чтобы не поморщиться от брезгливости когда понял что под этим халатом на Берите больше ничего нет. Волосы демона в беспорядке, но лицо довольное, взгляд высокомерный.

– Какая честь! Сам князь пожаловал в гости. Без охраны, без церемоний. Прошу Берит указал на кресло и сел напротив Ника.

– Прости Мокану, оторвал ты меня от важных и очень приятных дел, но я здесь. Не мог отказать такому знатному гостю. Намек Ник понял и подавил неприятное ощущение, что Берит специально намекнул, чем он сейчас занимался. Вопрос в другом – с кем?

– Итак дорогой, Николас, приступим. У меня очень мало времени. Ник внутренне напрягся, но так же небрежно бросил.

– Приступим. Он достал из-за пазухи карту и положил на стол. Берит бросил взгляд на бумагу потом перевел глаза на Ника.

– Я весь во внимании.

– Здесь, – Ник указал пальцем на карту – семьдесят две единицы нужного тебе товара. На

военном корабле в нейтральных водах Средиземного моря. Брови Берита удивленно взметнулись вверх.

– Говори своими словами Ник, этот кабинет не прослушивается моей охраной.

– Хорошо. Здесь на корабле семьдесят два вампира из кланов Черных Львов и Северных. Они могут стать твоими. Все семьдесят две грешные души. Я отдам их тебе Берит. Демон откинулся в кресле.

– Отдашь? Или это сделка?

– Конечно же сделка.

– И чего ты хочешь взамен Мокану? Хотя они оба знали чего хочет князь, а точнее кого.

– Мою жену, Берит. Мне известно, что она находится у тебя, и я хочу получить то что принадлежит мне. Берит криво усмехнулся.

– Все женщины в этом доме мои рабыни и я не думаю, что хоть одна из них может принадлежать тебе.

Ник почувствовал, как начинает злиться, он огромным усилием воли заставил себя успокоиться.

– Возможно, она попала в твой дом по ошибке и теперь является твоей рабыней, но она по-прежнему моя жена и я хочу вернуть ее домой. Берит осушил свой бокал.

– Даже после того как она убила твоего отца? Она ведь сделала это умышленно. Зачем тебе убийца, Николас? Давай говорить в открытую. Ник до боли сжал кулаки. Демон злит его специально. Нарочно бьет по самому больному.

– Именно поэтому хочу вернуть ее в семью. Мы сами накажем преступницу по нашим законам. Берит снова наполнил свой бокал.

– Поверь, мой дорогой друг, я уже ее наказал. Она жестоко поплатилась за то, что совершила убийство в моем доме. На секунду Ником овладела паника, и он вскочил с кресла, а Берит захохотал.

– Она жива, сядь, не нужно так нервничать. О женщины мы можем их ненавидеть даже сходя по ним с ума. Так вот Николас – я не верну тебе Марианну. Эта сделка не состоится.

– Почему? – Ник чувствовал, как в нем закипает бешенство.

– Очень просто – она нравится мне самому и я не вижу причины отдавать то, что мне досталось за такие огромные деньги и доставляет мне радость. Николас мысленно успокаивал себя, но тело уже начинало мелко дрожать от напряжения и желания сцепиться с Беритом в смертельной схватке.

– Берит, ты можешь отказаться от сделки и оставить мою жену себе. Только тогда ты получишь бойкот от всех королевских кланов. Я перекрою доступ твоим судам тут и тут. Нефть для тебя станет недоступной. Здесь и здесь твои шахты, а точнее твоя доля в деле, так вот я хорошо подготовился к этой встрече и контрольный пакет акций теперь у меня. По мере того как он говорил глаза Берита чернели.

mir-knigi.org

– Кроме того Лючиан будет очень рад получить и семьдесят две души и выкупить твою долю и так же получить доступ к нефти. Он обещал помочь мне устроить тебе немую войну на всех континентах. На твоих торговцев оружием и дурью набросятся власти, которым я дам добро и которых я уже хорошо прикормил. Твой флот пойдет ко дну по невыясненным обстоятельствам, а на следующих выборах я организую тебе провал, полный провал и как ты думаешь, за кого будут голосовать, а Берит? Верно – за Лючиана, твоего младшего братца, который мечтает занять твое место. Я не могу противостоять тебе в темном мире, но я могу объявить тебе войну в мире людей, где нас, вампиров, гораздо больше чем демонов во всех сферах включая правительство, а ты знаешь что все они пойдут за Владом как преданные собачки.

Все козырь брошен, захватит ли зверь кость, больше карт у Ника нет, он выложил все. Если разведка Берита уже успела доложить ему о кознях вампиров, то он должен был знать и хорошо подготовится к этому удару. Лицо демона посерело, изменилось. Появился звериный оскал и на руках выросли длинные когти. «А он похож с Аонэсом» – насмешливо подумал Ник и даже улыбнулся.

– Как ты смеешь?! Ты! Мой слуга, мой плебей! Против меня?! Берит затрясся от злости. И Ник понимал, что если демон захочет его убить, то сделает это немедленно.

– Если я не выйду отсюда живым, война начнется без меня и немедленно. Мой брат ожидает звонка в отличии от вас, демонов, у нас дружная семейка. Берит нервно передернулся, а потом вышел из кабинета, хлопнув дверью. Николас озадаченно посмотрел ему вслед. И чтобы это значило? Отказ? В тот же миг заглянул дрожащий управляющий.

– Господин Макану вам велено ожидать.

Ник понимал, что сейчас он или уйдет отсюда с Марианной или Берит его похоронит. Угроза слишком дерзкая и наглая. Стоит демону собрать все сведения, всех своих подчиненных в мире людей и он поймет, что половина сказанного князем – блеф. Оставалась только надежда на то, что тщеславие, жадность и желание во всем быть первым сыграют с демоном злую шутку. Хотя, ситуация в чем-то даже ироничная соблазнить демона, играя на самых известных пороках людей. Вампир, которому удалось одолеть самого Берита…Таких история еще не знала. Или же дурак, который недооценил силу противника. Ник залпом осушил бокал и снова сел в кресло.

* * *

– Вы должны отдать ее, мой повелитель. Отдать и воспользоваться возможностью навсегда загнать Лючиана на свое место. Ибрагим смотрел, как Берит яростно вращает глазами. Он на грани. Он готов разорвать наглого вампира, посмевшего угрожать самому верховному демону.

– Это будет моей слабостью, Ибрагим. Тут идет хитрая игра и возможно Мокану блефует. Конечно, можно его пытать и выведать все тайны сговора.

– А если не блеф? Тогда несчастная горстка бессмертных кровопийц победит и загонит в угол самого Берита? Демон принял свой истинный облик, он метался по своей спальне как загнанный зверь. Лилия забилась в дальний угол и тихо наблюдала за ними, стараясь, чтобы ее не заметили. Сейчас под руку повелителю лучше не попадаться.

– Я не отдам ее. Я ее хочу. Хочу больше чем всех других.

– Из-за женщины вы готовы рискнуть? Дать Лючиану возможность приблизится к вашему создателю ближе, чем вы? Верните Падшую. От нее одни неприятности. Зачем она вам нужна?

Ради секса? Так в доме полно наложниц готовых ради вас на все. Ради тщеславия? Но победа над Лючианом ценнее. Берит вперил красные дьявольские глаза в Ибрагима.

– Получится, что она победила, эта сучка. Он пришел за ней и забрал, вот так, безнаказанно. Ибрагим пожал плечами:

– Пусть забирает. Они наверняка хотят ее наказать сами, иначе он бы за ней не пришел. Дело чести семьи, я его понимаю.

– Ни черта ты не понимаешь. ОНА ПОБЕДИЛА! Неважно, что он с ней сделает, но она победила!

– Для нас важнее всего выборы в парламент. Намного важнее очередной шлюхи и постельных утех, мой Повелитель. Вы должны успокоиться и думать как правитель, а не мужчина. Пусть идет. Отпустите ее. Берит нахмурился, замер и вдруг резко повернулся к Лилии. Несколько секунд он смеялся как безумный, а потом прорычал:

– Я отдам ее. Пусть забирает. Только я отравлю его душу таким ядом, что и смерть отца покажется ему сказкой. Падшую заклеймить. На левом плече выжечь знак любимой наложницы. Отличительный знак моей лучшей рабыни. И пусть катится ко всем чертям. Достань мне запись последних нескольких часов. Запись из этой спальни. Он хочет ее обратно – он ее получит. Только будет поджариваться на медленном огне вечно, пока не убьет ее сам. О, Лилия, моя детка, тебя сейчас оценят в полной мере. Никогда не показывал своих лучших любовниц, но сейчас оно того стоит.

* * *

Демон вернулся через час, переодетый в элегантный костюм, совершенно изменившийся и очень любезный. Нику эти перемены не нравились. Он чувствовал, что тот что-то задумал. Слишком быстро успокоился.

– Я подумал, Мокану, и решил, что ты прав. Не стоит рвать мои отношения с вашим братством ведь мы столько лет были напарниками, во многих грязных делишках. Женщина не может помешать тысячелетней дружбе. Я найду себе другую шлюху, не менее искусную и красивую. Ник сжал челюсти, проглатывая грубые намеки Берита. Нужно оставаться холодным и спокойным, только так Ник получит то, зачем рисковал своей жизнью.

– Просто я думаю, зачем тебе такая жена, Мокану? Я хочу тебе кое-что показать, и возможно ты передумаешь забирать это…хм…женщину. Заключим другую сделку, более выгодную. У меня есть очень много заманчивых предложений. Берит говорил вкрадчиво, тихо, оплетая собеседника своим очарованием. Но Ник знал, что сейчас его ждет удар под дых. Удар такой силы, что он еще долго не сможет прийти в себя. Берит сделает все, чтобы Ник испытал муки ада за то, что посмел ему угрожать.

– Посмотри, разве ты хочешь, чтобы это развратное существо вернулось к тебе домой? Когда Ник подумал, что его ждут адские муки, он ошибался – это смерть, медленная мучительная смерть его последних осколков надежды. Он стойко досмотрел пленку до конца. Ни один мускул не дрогнул на его бледном лице. Только сердце еще раз содрогнулось в дикой агонии парализующей все тело. Более отвратительной сцены совокупления он не видел еще никогда. Даже он, считавший себя искушенным и развращенным до мозга костей, не предполагал, что с женщиной можно вытворять такое, и при этом она будет корчиться от наслаждения. С его женщиной. С его Марианной. Там, на экране, он видел развращенное существо, омерзительное в своей похоти, отвратительное в своей жадности к разврату. Это существо не могло быть его

женой. Он отказывался это принять, но принял. Это еще один пазл в той картинке, что заставила все семью содрогнуться от ужаса.

– Все еще хочешь забрать ее домой, Николас? Ехидно спросил Берит, испытывая истинное наслаждение от просмотра кадров. Ник задохнулся от желания убить, первобытного желания вопреки риску рвать соперника зубами. Но он сдержался. Собрал всю волю в кулак и сдержался.

– Самая лучшая шлюха всех времен и народов. Ты, оказывается, оставил для меня и девственные кусочки ее тела. Не опробовал все сладкие отверстия и всю ее порочность. Я открыл ее для тебя, Ник. Теперь твоя жена лучше самой изысканной куртизанки. Роскошная и умелая. Скажи мне спасибо, может она научит тебя чему-то новенькому. К слову, я не один пользовался ее телом, но пощажу твои слабые нервы. Хотя могу сказать сразу – групповой и лесбийский секс ей тоже по душе. Милая лапушка, твоя жена. За невинностью прятался истинный порок.

– Хватит. Я у тебя ее не покупаю, можешь не набивать цену. Когда я могу забрать мою… ее. Сказать слово «жену» язык уже не повернулся. Ник впервые за много столетий чувствовал тошноту. Если бы он был человеком, его бы вывернуло на изнанку, и Берит прекрасно об этом знал. Он наслаждался. Это был его ответный удар. Шах и мат.

– Через полчаса сможешь ее забрать. Ее выведут к тебе. Ты уж пожалей красавицу, не убей, а то ох как обидно будет.

– А это уже не твоего ума дело. Я же не спрашиваю тебя, как ты наказываешь своих рабынь? Берит проглотил дерзость, уж слишком он был доволен, даже былая ярость испарилась.

– Я бы не прочь показать тебе пару приемов. Только не плачь, Мокану. Ей было хорошо, ты не должен так расстраиваться. Ник посмотрел на Берита тяжелым, ледяным взглядом:

– Я кажусь тебе тем, кто может плакать? Пленку отдай.

– Хочешь рассмотреть в подробностях? Кстати со звуком гораздо эффектней.

– Просто дай мне пленку. Отчеканил Николас, борясь с приступом тошноты, подобного напряжения он не чувствовал еще никогда. Держать себя в руках оказалось архитрудно. Через минуту Берит вручил ему маленький диск и похлопал по плечу.

– Приятного совместного просмотра. Ник стиснул зубы и сжал кулаки. Ногти порвали кожу, но он даже не почувствовал. Единственное, что он понял сейчас – смерть еще не самое страшное. Есть вещи страшнее смерти – предательство и измена. Этот яд жгет душу вечно, медленно, испепеляя все живое внутри. Большей боли испытать уже не может даже бессмертный. Только что Берит уничтожил своего соперника, но даже сам не понял насколько победил. Теперь Ник мертв. Ник, который умел любить. Вернулся прежний.

Скоро этот прежний расположится, поведет плечами и заживет заново, сея боль той, которая его возродила.

8 ГЛАВА

Марианне казалось, что прошла целая вечность с тех пор как ее бросили в каменный мешок. За все долгие часы, только лекарь Берита приходил, чтобы смазать бальзамом ее раны. Но она

даже не пошевелилась. Устала. Ей очень хотелось спать. И безумно нравилось это чувство, давно забытое человеческое желание просто поспать. Или это зелье Ибрагима запоздало подействовало на нее. Бальзам лекаря облегчил боль, и Марианна закрыла глаза. Ее встревожил лязг замков и топот ног. Без предупреждения, стражи в черных одеждах вошли в помещение и подхватили ее под руки, поставили на колени. Пленница с ужасом понимала, что сейчас ее ожидает новая волна боли. В руке одного из стражей оказался небольшой котелок с красными углями, а у другого длинный железный прут с круглым наконечником. Он погрузил прут в котелок подержал его несколько минут, а потом…потом Марианна просто погрузилась в пропасть. Резкая боль вырвала ее из реальности. Она не видела, как в подвал вошел Ибрагим, склонился над ней, осторожно убрал слипшиеся пряди волос с ее лба. Он смазал свежий ожог, в форме пиктограммы обвитой змеей, мазью и тяжело вздохнул.

– Я, конечно, и спас тебя от Берита, только не уверен где тебе будет хуже, строптивая птичка. Эх, будь моя воля, увез бы я тебя подальше от них обоих. Ну, да не мне решать. Надеюсь это то, чего ты хотела. Ибрагим поднял Марианну на руки и вынес из карцера. Княгиня пришла в себя и тихо застонала. Немного болела голова, и резкий неприятный запах проникал в ее сознание. Над ней склонились служанки и растирали ей виски своими мягкими, нежными руками. Марианна поняла, что уже не находится в жутком подвале. Левое плечо неприятно покалывало, и когда она бросила взгляд на ожог, то увидела красивый узор, уже не похожий на открытую рану. Даже наоборот, он был чуть темнее ее кожи и блестел на свету словно отражая лучи. Ее заклеймили. Но зачем? Впрочем, Бериту доставляло удовольствие причинять ей боль. Он захотел ее пометить.

Тем временем служанки переодели ее в очень красивый наряд, совершенно обычный, не похожий на предыдущие. Белое легкое платье, с шнуровкой впереди, довольно открытое, но гораздо целомудренней ее былых нарядов в этом месте. Красивое нижнее белье приятно щекотало кожу. Ее расчесали, нанесли макияж. «Опять к чему-то готовят», – обреченно подумала Марианна. Служанки закончили и уже собирались уходить, но Марианна схватила одну из них за руку:

– Где твоя подруга? Где другая девушка, которая приходила раньше? Та вырвала руку, отшатнулась от Маринны как от прокаженной, и показала на окно, а потом выбежала из комнаты. Когда Марианна посмотрела наружу, то с ужасом зажмурилась. Тело несчастной девушки болталось на столбе во дворе и уже превратилось в нечто бесформенное, отдаленно напоминающее человека. «Это я виновата. Я ее подставила», – Марианна стиснула зубы, стараясь не закричать, не забиться в истерике. Дверь отворилась, вошли стражи и приказали ей следовать за ними. Ее не связали, никуда не потащили, а просто пригласили идти? Что здесь происходит? В какую игру Берит играет на этот раз? Но ее повели не в покои Берита. Ее вели совсем в другую сторону. И по мере того как они приближались к воротам она чувствовала как сердце пропускает удары. Она боялась, не смела надеяться. Ее выпускают? Это значило только одно, и в это нельзя было поверить. Это значило, что ОН здесь, а иначе просто и быть не могло. Марианну провели через пропускной пункт, взгляды охранников похотливо скользили по стройной фигурке, длинным ногам, красивому личику. Но все они были удивлены, и Марианна знала почему – еще ни одна женщина не выходила обратно из этого жуткого места. За ней захлопнулись ворота. Она задохнулась, почувствовала непреодолимое желание закричать и не смогла. Как во сне, когда открываешь рот и не издаешь ни звука. Марианна увидела Николаса. Он стоял возле своей машины и смотрел на нее. Ей захотелось побежать, но она словно вросла в землю. Безумная радость парализовала девушку. «Ник, ты приехал, ты не мог не приехать, ты не мог… о как же я люблю тебя…»

Это счастье длилось ровно несколько секунд, а потом Ник махнул рукой кому-то и сел в свой автомобиль. Марианна еще не понимала, что происходит, как ее подхватили под руки. С

облегчением она увидела давних знакомых и радостно вздохнула полной грудью. Запах свободы, он пьянит, он сводит с ума.

– Иван! Криштоф! Вы?!

– Вам лучше помолчать, – спокойно заметил Криштоф, – помолчать и следовать с нами. Садитесь в машину, Марианна.

– Что происходит? Ник он… почему он? Но ей никто не ответил. Вампиры сели так, что Марианна оказалась посередине. Словно под строгой охраной. «Наверное, тут слишком опасно. Наверное, нас могут преследовать, Ник что-то натворил, чтобы вытащить меня отсюда. Воздух! Свежий воздух! Свобода!» Она радостно улыбнулась и села в машину. «Домой. Я знала, что он заберет меня, знала. Но что у них за лица как на похоронах? Почему никто не рад меня видеть?»

– Криштоф, когда ты успел вернуться? Как Фэй? Где она? А малыш? Криштоф молчал и упрямо смотрел вперед.

– Криштоф, черт подери, почему ты мочишь? Эй! Остановите машину, мы уже достаточно проехали, я хочу пересесть к мужу. Криштоф, скажи водителю – пусть остановит. Он продолжал, молча, смотреть вперед и Иван, сидящий с другой стороны от нее, тоже.

– Я сказала, остановите не то я сама выйду отсюда. Марианна попыталась дернуть за ручку двери, но Криштоф уверенно отбросил ее руку. Она заметила, что из кармана его пиджака выглядывают наручники.

– Куда мы едем?! Мне все это не нравится. Куда мы едем? Ей казалось, у нее начинается истерика.

– Успокойтесь, у нас указание не разговаривать с вами и не отвечать на ваши вопросы. Нам вообще дан приказ надеть на вас наручники. Так что не вынуждайте нас, Марианна. Мы бы не хотели..

– Дан приказ! Наручники! Кто дал вам такой приказ?! Это бред! Что за чушь вы несете! Кто дал приказ?

– Ваш муж. Марианна истерически засмеялась, она смеялась долго и так громко, что даже водитель обернулся. Криштоф протянул ей бутылку с водой. Молча, уставился вперед, и вдруг Марианна поняла, что все это не шутка. Слишком серьезны ее стражи. Что тогда происходит? Какого черта ее везут куда-то и обращаются как с пленницей? Она дождется, когда они приедут на место и устроит Николасу истерику, самую настоящую, а потом она расскажет ему все. Скорей бы уже. Марианна смотрела в окно и видела экзотические пейзажи, совершенно потрясающие своей красотой.

Нет. Ей все это не нравилось. Она любила зиму, как и мама. Родители! Очень скоро она всех их увидит. Эйфория от того что все ужасы позади, казалось, сведет ее с ума. Ее перестали волновать кислые рожи Криштофа и Ивана. Скоро она будет дома, где ее ждут. Сколько времени она пробыла в этом жутком месте? Неделю или больше. Она сбилась со счета.

Николас сидел рядом с водителем, стиснув зубы. Он чувствовал к себе непреодолимое презрение, он просто себя ненавидел, наверное, больше чем предательницу жену. Увидел ее, и

глаз не мог оторвать, как загипнотизированный, как больной или безумный. Первым чувством была радость. Бешеная радость видеть ее снова. Чувствовать ее запах. Смотреть как ветер треплет ее роскошные волосы, а потом как резкий удар в сердце и осознание того что перед ним лицемерная лживая тварь, которая убила его отца и трахалась с Беритом как похотливая самка. Но как же она хороша, словно расцвела, изменилась, похорошела. Удивительное белоснежное платье делала ее похожей на юную девушку, на ту Марианну, которую он увидел впервые много лет назад. Но это как пощечина, как удар ниже пояса. Невинная? Да он по сравнению с ней младенец. Сможет ли он находиться с ней в одном доме и не сойти с ума? Сможет ли удержаться и не убить ее или просто не поддаться ее чарам снова. Им нужно поговорить. Непременно нужно поговорить, он хотел услышать, что она скажет в свое оправдание, и боялся этого разговора. Да, он ее боялся. Впервые в жизни боялся женщину и не потому что она сильнее, нет, а потому что он все еще любил ее. А эта любовь – еще худшее предательство. Любить убийцу собственного отца. Наверно это его проклятье за все, что он натворил за свою слишком долгую и далеко не безгрешную жизнь… Сейчас они сядут в самолет и очень скоро будут дома. Он так опасался увидеть ее снова, что заказал им билеты в разные классы. Он еще не готов к встрече. Не сегодня, не сейчас.

Лина ходила кругами по библиотеке. В последние дни ей казалось, что она сходит с ума. Медленно погружается в пучину дикого отчаянья. С Владом они не разговаривали ровно столько же времени, сколько прошло с похорон Самуила. Ее муж превратился в тень, в жалкое подобие того кем он был раньше. Лина понимала, что ему больно, что ему невыносимо тяжело, но он мужчина, он видит все своими глазами, а она мать. Не важно, что сделала ее девочка – она ее дочь, ее маленькое сокровище. Лина с ужасом думала о том, что с ней сделает Николас. Он – зверь. В отличии от Влада. Там не будет развода и хладнокровного отчуждения, там будет месть изощренная и жестокая. Она хорошо его знала. Николас не пожалеет Марианну. Хотя он и пообещал брату, что не убьет свою жену. Хотя зачем убивать – Ник похоронит ее заживо. Лина боялась ехать к нему, она знала, что еще утром Николас привез Марианну домой. Иван послал Лине сообщение. Как бы ни страшны были доказательства, Лина не верила, что Марианна способна на такое. Здесь есть подвох. Здесь есть что-то противоестественное и Лина нутром чуяла, но не могла понять что именно. Нужно начать искать. Нужно докопаться до истины или убедится, что это правда и успокоиться. В комнату тихо постучались, а потом вошла Кристина, заплаканная, усталая и измученная, как и все они за последнее время. Женщины обнялись, и долго стояли, прижавшись к друг другу, содрогаясь от беззвучных рыданий.

– Мама, но как? Как такое может быть? Маняшка не могла так с дедом. Я не верю ….мама, Ник ее…он ее уничтожит. Я не могу об этом думать, я с ума схожу. Лина погладила Кристину по нежной щеке.

– Ты не веришь?

– Нет. Не могу поверить. Она бросилась меня искать, она рисковала жизнью ради меня, ради нас, неужели это все было ложью, притворством? Я чувствую ее, мы выросли вместе, она моя вторая половинка, мое втрое «я». Я всегда называла ее «своей совестью», только она пробуждала во мне все доброе и светлое. Лина посадила Кристину на диван и обхватила ее личико ладонями.

– Нам нужно докопаться до истины. Мы должны узнать, почему она так поступила или найти тех, кто ее заставил. Мы будем действовать. Я найду все книги Самуила, все старые манускрипты, а ты…ты достанешь мне все пленки, которые есть у отца. Мы пересмотрим их снова. Кадр за кадром, я чувствую, что там что-то не так. Словно на пленке не Марианна, а

кто-то другой очень на нее похожий. Как будто у нее есть близнец, или зеркальное отражение. Только никому об этом не говори. Если удастся мы докажем ее невиновность прежде, чем Ник успеет ей сильно навредить. Кристина заплакала.

– Я соскучилась, я хочу ее увидеть, я хочу ее обнять…

– Знаю милая, знаю. Мы женщины чувствительней мужчин и еще у нас есть то, чего нет у них – интуиция и моя мне подсказывает, что Марианна не виновата. Кристина склонила голову Лине на плечо.

– Мама, но ведь Ник ее любит, может он пощадит. Лина тяжело вздохнула.

– Лучше бы не любил, тогда бы его ярость и боль не были так сильны.

ДАЛЬШЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ИДЕТ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА. ТО ЕСТЬ МАРИАННЫ. ПОТОМ ПОЙМЕТЕ ПОЧЕМУ.

Я вспоминаю, как переступила порог своего дома и радостно закричала. Меня переполняли дикие чувства восторга и счастья. Я еще по наивности и незнанию предполагала, что меня здесь ждали, что мне рады. Я даже не предполага какой кошмар меня здесь ждет, что я попала в свой личный, персональный ад. Я еще радовалась жизни и вопила как ребенок. В доме было поразительно тихо. Слуги избегали меня, а Криштоф шел по пятам как пес. Он даже начал меня раздражать. Когда я захотела пойти к себе в комнату, он преградил мне путь и сказал, что отныне я буду жить в левом крыле дома. Я рассмеялась ему в лицо. Мне не нравилось, что шутка затянулась слишком на долго и черт возьми хотела найти Ника. Я знала, что он дома. Я чувствовала его запах, его присутствие как жаждущий чувствует приближение к живительной влаге. Я попыталась воспротивиться и даже накричать на Криштофа, но неожиданно он взял меня под руку и насильно потащил по коридору. Я упиралась, вырывалась, я звала Ника, но все бесполезно. Я даже не понимала, куда меня тащит этот безмолвный слуга николаса, его преданная собака. Криштоф завел меня в каморку, которая раньше была чуланом, но видимо совсем нелавно ее оборудовали как жилое помещение. Я содрогнулась от мысли, которая пришла мне в голову. Это для меня. Эту комнатушку, в которой с трудом умещалась старая кровать стул и маленький стол с потрескавшейся столешницей. Узенькое окошко под самым потолком оказалось единственным источником света в этой каморке.

– Что это значит, Криштоф. Я ничего не понимаю. Что все это значит. Я начинала злиться.

– Марианна, вы…ты теперь будешь жить здесь.

– Жить здесь? Ты с ума сошел? Это насмешка, это издевательство? Криштоф посмотрел на меня и я увидела в его глазах сожаление. Это меня он сейчас жалеет? Меня?

– Где мой муж? Где он? Почему он меня избегает. Ты можешь мне объяснить? Где мои родители? Почему меня никто не встречает? Они приедут? Криштоф отвел взгляд.

– Нет, не приедут. Сюда никто не приедет, Марианна. Отныне это твоя комната, а Николас поговорит с тобой когда сочтет нужным. Ты должна молиться не знаю кому за то что ты здесь, а не в вонючем тюремном колодце. Я ничего не понимала, только хлопала глазами и чувствовала как внутри поднимается паника, такое мерзкое чувство, когда ты еще не понимаешь что именно происходит, но точно знаешь, что случилось что-то ужасное. Что-то что тебя сломает.

– Тюремном колодце? Ну за что? Криштоф похоже потерял терпение.

– Тебе ли не знать. Нам все известно, Марианна. Ни к чему притворяться. Хозяин поступил с тобой более чем гуманно после всего что ты сделала. А что я сделала? Томилась в аду? Терпела пытки Берита? Что я сделала? Криштоф ушел и запер дверь с наружи, а я села на узенькую кровать и прислонилась к стене. Мне еще не было страшно, но я понимала, что скоро станет. Ник в чем-то меня подозревает и это единственное, что приходило мне на ум. Ничего я подожду. Я умею ждать. Он придет. Обязательно придет и поговорит со мной, иначе и быть не может и все расскажу ему, я буду рыдать у него на груди, а он станет баюкать меня как когда-то. Носить на руках и тихо шептать на ушко, что я его малышка.

Но я горбко ошибалась. Николас не пришел ко мне ни в этот вечер, ни на утро. Лишь Криштоф принес мне поесть и молча удалился. Есть мне не хотелось. Я нервничала и с каждым часом все больше и больше. Утром я уже была близка к истерике. Когда пришел Криштоф я бросилась к нему и начала умолять чтобы он дал мне поговорить с мужем. Просто увидеть его, посмотреть ему в глаза. Но Криштоф сказал, что Ник не желает меня видеть. Я швырнула тарелку о стену и отказалась завтракать, а к вечеру и ужинать. Но ко мне все равно никто не приходил. Я бродила по коморке, словно зверь в клетке. Наконец к вечеру следующего дня Криштоф проводил меня в ванную комнату и я приняла душ. Только сейчас я понимаю, что то были самые лучшие дни в этом доме, дни когда я ничего не знала. Дни когда я только, молча, ждала когда мне дадут увидеть Ника. Моего Ника, моего любимого, моего нежного. И я его увидела, но лишь спустя неделю. За это время мне казалось, что я уже сошла с ума. О нет, это были лишь зачатки безумия, которые меня ожидали.

Я никогда не забуду этот день, а точнее поздний вечер когда за мной пришел Иван и приказал идти за ним. Хозяин хочет поговорить со мной. Он не назвал Ника моим мужем, а назвал именно хозяином. Я тогда радовалась как ненормальная. Как дурра, даже призорашивалась с маленьким зеркальцем в руках, кусала губы, чтобы они казались сочнее и ярче, поправляла платье, которое накануне принес Иван. Кое как расчесала непокорную шевелюру. Иван вел меня под руку, видимо в отличии от Криштофа он опасался что я сбегу или выкину какой-нибудь фокус, но тогда я была далека от подобных мыслей. Я мечтала увидеть Ника. У меня и в мыслях не было бежать. Тогда не было.

Николас был пьян. Точнее я никогда не могла определить насколько, он всегда мог выглядеть лишь слегка выпившим. Я лишь определяла по запаху виски, сегодня от него разило наверное за версту. Муж стоял посреди кабинета, широко расставив ноги и смотрел на меня изпод лобья. Его всклокоченные волосы и тяжелый взгляд еще не насторожили меня. Но я все же не решилась броситься к нему как мечтала когда-то…Нет не когда-то а всего лишь день назад. Я остановилась в нерешительности и просто жадно его рассматривала. Он изменился. Неуловимо, но я все же видела эти перемены. Он был бледен, его щеки впали и покрылись щетиной. Рубашка небрежно застегнута не на все пуговицы, брюки заправлены в сапоги.

Но меня вновь ослепила его красота, я уже успела забыит насколько он красив. Я помнила его образ, но вживую он намного ослепительней, даже больно становилось. Ему шла и эта щетина и эта бледность, а его синие глаза походили на мрачное грозовое небо. Тогда я не знала, что там не гроза, а смерчь, торнадо ненависти. Он меня позвал, он наконец-то меня позвал и я смогу убедить его, рассказать. Я конечно не знала в чем он меня подозревает, но понимала, что Ник не мог просто так меня наказывать, это же мой Ник. Я все ему расскажу и он поймет как он был не прав. Но не права ьыла я. Не права. О нет я совсем его не знала.

– Какой нежный и невинный взгляд. Овечка, просто юная дева. Самый удачный из твоих образов и удется тебе на славу. Признаюсь, раньше меня это подкупало. Он начал без

предисловий, сразу выбив у меня почву из под ног. Через секунду Ник уже стоял возле меня и осматривал с ног до головы.

– Слегка бледная, слегка взволнованная, а еще разгневанна несправедливым обращением. Я не понимала к чему он клонит, но его тон мне не нравился, он был фальшивым, издевательским.

– Что происходит, Ник? – я постаралась чтобы мой голос звучал как можно спокойней, но это его взбесило еще больше чем если бы я на него накричала, он приблизил свое лицо к моему и прошипел? – что происходит? Это я хочу узнать у тебя что происзодит и как давно это начало происходить. Как давно ты решила меня предать? Год назад? Два? Тогда когда убила своего первого мужа или раньше?

– Предать? Ошарашенно переспросила я – предать тебя?

– Модчать! Твою мать, я не разрешал тебе разговаривать! Я дернулась как от удара, но его взгляд полный ненависти заставил меня все таки проглотить слова рвавшиеся из груди. Он не предвещал ничего хорошего. Ник похожил на взбесившееся животное. Его глаза горели красным фосфором. Вот-вот появятся клыки. Он кружил вокруг меня как коршун.

– Значит наложница Берита? Самая любимая наложница? Вот кем стала моя жена подстилкой демона? Я даже почувствовала облегчение от его слов, мне захотелось засмеяться ему в лицо, разуверить его. Ревность, мой темный князь просто ревнует. Я расскажу ему как все было на самом деле и это нелепое недоразумение канет в прошлое.

– Это неправда, что за нелепые подозрения…Ты что с ума сошел, Ник? Я не буду ждать твоего разрешения. Я не твоя вещь! Я не успела договорить – он меня ударил. Впервые…Я помнила тот первый раз это потом я сбилась со счета, но тот первый не забуду никогда. Моя голова дернулась назад, а во рту появился солоноватый привкус крови. Моей крови. Я машинально поднесла руку ко рту, а потом посмотрела на пальцы – он разбил мне губу. Слезы подступали издалека, но я уже чувствовала изх приближение, посмотрела на него с болью упреком, я ждала, что он испугается начнет просить прощения. Наивная, тогда я еще этого ждала. Он смотрел на меня ледяным взглядом, без капли сочувствия. Словно наслаждаясь тем, что мне больно. Плевать на боль он ударил мою душу, ее он разбил.

– Ты моя вещь пока я не решу что ты мне больше не нужна, – он смаковал каждое слово, выплевывая их мне в лицо.

– Что с тобой? Наверное лучше я бы тебе надоела, может ты отпустил бы меня к родителям на время, – сказала я все еще чувствуя зуд во рту. Потрогала ранку языком – она уже затягивалась. Не так быстро как раньше, но затягивалась.

– Отпустить? Даже если ты станешь уродливой как жаба, насточертеешь мне до тошноты – я не отпущу тебя. Ты будешь здесь, вечно рядом со мной. Ты сдохнешь в этом доме, но не уйдешь отсюда никогда. Ты единственная женщина, кроме моей покойной матери, которая носит одну и ту же со мной фамилию. Ты – моя жена. Пусть сука и шлюха, но жена, и останешься ею до самой смерти. Твоей смерти. Я не верила, что говорит мне он. Мне казалось что я в кошмарном сне и скоро проснусь. Что наверное я все еще в жутком аду Берита и брежу после очередных побоев. Но я уже была в собственном аду, персональном и костер вокруг меня только возгорался. Взгляд Ника полыхал ненавистью, обжигающей, почти ощутимой на физическом уровне.

– Каков демон в любви? А жена? Каков он? Говорят, демоны умеют то чего не умеет никто. Их языки и члены длинны и искусны. Тебе понравилось с ним трахаться? Тебе понравилось

изменять мне, дрянь? Эта слова обожгли сильнее пощечины. Он думает, что я покорилась Бериту вот за что он карает меня, вот почему он в такой ярости.

– Я не стала его любовницей, Ник. Как ты мог в это поверить? Я вложила в свой голос мольбу, уверенность в свое правоте, даже упрек. Но он вдруг резко сгреб меня за шиворот и посмотрел с таким презрением, что у меня дух захватило.

– Ложь! Ты еще и нагло лжешь! Как ты могла так задурманить мне мозги, что я считал тебя, чуть ли не святой? Я, да и вся твоя семья. Гадюка. Сука. Ты ведь одна из них. Ты убила Самуила тварь. Ты убила моего отца, когда он поехал спасать тебя! Ты всех подставила. Я слышал твой голос. Я видел тебя и демона своими собственными глазами. А это? Что это тоже неправда, это мои галлюцинации?

Он резко сдернул с моего плеча платье и ткнул пальцем в клеймо.

– Все наложницы демона имеют такое клеймо как у тебя на плече. Они ставят его добровольно, как знак преданности хозяину. На твоем клейме есть отличительные знаки. Привелегия. Женщина самого Берита. Тварь! Продажная тварь! И он снова ударил. Только теперь насколько сильно, что у меня потемнело в глазах, и я почувствовала как из носа потекла кровь. Он схватил меня за горло, протащил по комнате и пригвоздил к стене. Вот теперь мне уже стало страшно, я начала понимать, что все, что я скажу он истолкует по своему. Каждое мое слово спровоцирует его еще сильнее, чем мое молчание. Это не мой Ник, это зверь, обезумевший зверь.

– Не оправдывайся. Ни слова, иначе я убью тебя. Ты поняла? Просто убью. От тебя отвернулись все. Даже твой отец опустил руки. Совет приговорил тебя к смертной казни. Мне дорогого стоило получить тебя обратно. Но я получил, и теперь я сам накажу тебя. Он говорил ужасные вещи, но еще хуже, что он смотрел на меня как на нечто презренное, как на ничтожество, мерзкую тварь. Мною овладевала паника, она поднималась мурашками по коже и накатывала ледяной волной ужаса. Я никогда не боялась Ника. Всегда не понимала, почему все его так страшатся, почему про него рассказывают леденящие кровь истории из прошлого. Хотя, я прекрасно помнила, что он сделал с Вудвортами. Никогда не хотела об этом вспоминать, для меня это был не он, а кто-то другой, кто-то, кого я не знаю и никогда не узнаю. Ник говорил страшные вещи, до меня еще не доходил их смысл. Я понимала, что он обвиняет меня не только в измене, но и в убийствах, он говорил о том, что мои родители ненавидят меня. Но мое воспаленное сознание отказывалось воспринимать его слова.

Я потом пойму, гораздо позже. Сейчас, стараясь не смотреть в глаза моего палача, я прошептала:

– Предательство? О чем ты? Я никого не предавала, и это клеймо… Меня заклеймили против моей воли, я потеряла от боли сознание. Ник…умоляю…дай мне рассказать…прошу… В память о той любви…

Муж не дал мне договорить. В этот момент он обезумел, схватил меня за шкирку и потащил за собой. Я лишь тихо вскрикнула, упала, но Ник уже не обращал внимания на мои всхлипыванья, он тянул меня по полу, как вещь, за волосы. Вытащил в коридор и протащил по ступеням вниз, я билась телом о каждую из них, чувствовала, что сейчас он вырвет мне волосы с корнями, я сломаю ребра. Я мечтала потерять сознание снова, потерять и проснуться. Очнуться от этого кошмара. Николас затолкал меня в библиотеку и отшвырнул к стене. Я так и осталась сидеть на полу, глотая слезы боли и обиды. Наверное, я была близка к шоку. Муж не включил свет, он

подошел к плазменному экрану компьютера, включил монитор и повернулся ко мне. Он изменился, теперь я видела, что он совсем другой. Такой же красивый, такой же ослепительный, но чужой.

– Смотри, в каком бессознательном состоянии ты была.

Я с трудом приподнялась на колени. Чувствуя, как болезненно срастаются кости и затягиваются раны. Но вскоре я забыла о боли. Забыла обо всем, когда увидела то, что происходило на экране.

Мужчина и женщина. Они сплелись в страстных объятиях. В женщине я узнала себя. Не просто узнала – это была я. Именно я. И на моем лице, точнее на лице той Марианны, застыла гримаса дикого удовольствия. Мужчина, конечно же Берит. Сценой банального секса это нельзя было назвать. Это было нечто невообразимо развратное, настолько, что у меня перехватило дыхание от гадливости. То, что делал с той Марианной на экране демон, нельзя было назвать любовью. Он ее имел в полном смысле этого слова, во все отверстия на теле, и хуже всего то что там я выла от наслаждения. А потом он заклеймил ее. Та Марианна закричала и в тот же миг испытала оргазм. Ее лицо исказилось от наслаждения, губы подрагивали. Это отвратительно. Я не верила своим глазам. Но ведь это не я! Я прекрасно помнила, при каких обстоятельствах меня заклеймили, и пусть та похотливая самка и похожа на меня как две капли воды, но это все равно не я. Николас замедлил пленку, и я увидела собственные пересохшие губы, которые шептали: «Я люблю тебя, мой повелитель». Это был приговор. Теперь Ник никогда мне не поверит. Никогда. После того что видела даже я сама. Только я знаю, что это обман, подделка, монтаж или еще нечто более дьявольское. О, если бы мое тело было телом человека, то Ник бы увидел на моей спине следы от плети «любимого» повелителя за непокорность. Но сейчас на моем теле остались лишь следы побоев Николаса, и те пропадут очень скоро. Я посмотрела на мужа и увидела вместо лица маску. Руки сжаты в кулаки. На скулах играют желваки. Он перевел взгляд с экрана на меня и его глаза загорелись дьявольским огнем. И я испугалась, впервые испугалась его по-настоящему. Он двинулся ко мне тяжелой поступью, и я уже поняла, что это означает. Безумный блеск в его глазах. Сцена на экране разбудила в нем дикую ревность и желание. Сейчас он будет мне показывать, кому я принадлежит на самом деле. Ник приблизился ко мне настолько близко, что сейчас я видела, как заострилось его лицо, в его глазах безумие. Он возбужден. Несмотря на дикость ситуации, он хотел меня. Я тоже хотела, я безумно его хотела. Всегда. Но не так. Только не так.

– Нет, – прошептала я хрипло и дернулась назад. Только не насилие, не от него, – пожалуйста, я прошу тебя, не надо. Но мой отказ завел Ника еще больше, его взгляд стал тяжелым, я ощущала физически как закипает в нем ярость.

– Не надо? А ему ты тоже говорила не надо? Нет не говорила. Перед ним ты ползала на коленях и умоляла трахнуть тебя. В начале пленки это так хорошо видно. Меня не нужно умолять. Сними одежду.

– Нет…я прошу тебя, Ник! Нет!

– Нет?! – его челюсти сжались – Теперь я твой хозяин, а ты моя вещь которую я буду использовать когда захочу и как захочу. О боже. Это я уже слышала…Но тогда, там, в аду Берита это не было так унизительно и больно.

– Я не хочу, и я не твоя вещь. Не смей мне приказывать, – я уже не понимала, что злю его, что распаляю еще больше, но не могла остановиться. Я пожалела о своих словах уже через секунду. Потому что в его руке блеснул нож. Неужели он хочет меня убить. Я зажмурилась а

он разрезал корсаж платья от горла до пояса слегка оцарапав кожу. Одежда с шуршанием упала на пол.

Лезвие поддело лямки бюсгальтера. Я все еще боялась открыть глаза, я начинала дрожать от ледяных прикосновений металла. Но я чувствовала его взгляд кожей, словно он обжигал меня невидимыми лучами. Предательски затвердели соски под этим взглядом, несмотря на весь ужас происходящего тело отреагировало на него как всегда – безжалостной вспышкой желания.

– На колени, – услышала я его хриплый голос.

– Пожалуйста, Ник, – я все еще надеялась, что он смягчится, что произойдет чудо.

– На колени! – рявкнул он и силой надавил мне на плечи. Я рухнула на пол. С ужасом увидела, как он расстегивает ширинку. Таким сексом с ним она не занималась никогда. Он не позволял. А сейчас…что изменилось сейчас? Сейчас я для него то мерзкое существо на пленке, с которым можно делать все что угодно. Не дав мне опомнится Ник схватил меня за волосы и подтянул к своему паху.

– Ублажи меня, Марианна. Давай. Судя по кадрам – ты чудесно умеешь это делать. Давай, возьми его в рот. В свой маленький и грязный ротик, который я так боялся замарать подобной лаской, а теперь, похоже, мне стоит опасаться, как бы не замараться об него самому. Твердая головка возбужденного члена уперлась мне в губы, он надавил сильнее, проталкиваясь сквозь мое сопротивление. Я охнула когда его рука толкнула меня вперед, в тот же момент твердый член поршнем проник ко мне в рот до самого горла. От неожиданности я поперхнулась, но опомниться не успела, теперь он двигался во рту неумолимо, грубо, заставляя меня давиться, захлебываться. На глазах у меня выступили слезы. Я не знала, что нужно делать, я просто дико боялась.

– Дьявол! – Ник оторвал меня от себя – можно подумать у тебя это впервые. Делай что-то, шевели языком. И я подчинилась. Несмотря на его грубость, на насилие, внутри поднималась до боли знакомая дрожь, от кончиков пальцев и до низа живота. Ведь это мой Николас.

Он проникает в мой рот. Я ведь мечтала ласкать его таким образом. Мечтала дарить ему наслаждение. Сейчас я могу коснуться его языком. Заставить его стонать. От одной мысли, что он в моей власти, что сейчас он принадлежит мне, несмотря на то, что думает иначе, я возбудилась. Даже больше, я просто забыла обо всем.

Обхватила руками его бедра и осторожно облизала головку члена языком, приникла к нему ртом, вбирая в себя, ощущая его силу. Ник почувствовал перемену. Уже через несколько секунд его пальцы ослабили хватку, теперь он поглаживал мои локоны, совершенно инстинктивно. И я увлеклась, это оказалось восхитительным удовольствием дарить ему то, что раньше в другой жизни, где мы были счастливы, он дарил мне. Теперь я уже слышала его стоны. Низкие хриплые. Ник вдруг поднял меня с колен, посмотрел мне в глаза. Я чувствовала, что он хотел приникнуть к моим влажным губам и передумал. Между его бровей пролегла складка. Его рука легла мне на грудь, пальцы погладили сосок, приласкали, но нежно, а жестоко сжимая и я взвилась от острого наслаждения, от сумасшедшего желания показать ему как сильно я его хочу. Как тосковала и мечтала о нем. Я застонала, глядя ему в глаза, чувствуя, как схожу с ума, как увлажняется моя плоть, немедленно готовая принять его. Но он воспринял все иначе.

– Значит, тебя возбуждает грубость? Возбуждает, когда тебя бьют и трахают как шлюху? Он

подтолкнул меня к столу, развернул спиной к себе и низко наклонив меня, порвал на мне трусики. Он раздвинул мне ноги коленом, но я уже тряслась от страсти и нетерпения. На все стало наплевать, обо всем забыла. Его рука скользнула между моих бедер, он проник пальцами во влажное лоно, и я услышала его хриплый стон. Через секунду Ник безжалостно ворвался в мое тело. Больше он не произнес ни слова. Он двигался во мне, молча, с какой-то яростью, хладнокровием, надрывом, больше я не слышала от него ни стона, ни вздоха. Попыталась подыграть ему, пошевелиться, но он требовательно сжал мои ягодицы пальцами и пронзил меня еще сильнее, стараясь унизить, причинить боль. Где-то в глубине моего тела нарастал ураган. Сумасшедшее цунами. Взрыв страдания и наслаждения. Я изголодалась по нему. Я желала и любила его все так же безумно, как и раньше, и даже эта грубая схватка не могла охладить мою страсть. Оргазм обрушился на меня внезапно, захлестнул, выбивая крик удовольствия, заставляя содрогаться всем телом, мышцы моего лона крепко сжали возбужденный, раскаленный член мужа и я услышала как он грязно выругался, почувствовала как семя изливается в мое дрожащее тело. Он замер ровно настолько, сколько ему потребовалось, чтобы прийти в себя. Потом резко вышел из меня натянул брюки, застегнул ширинку. Я слышала скрип змейки. Мое тело все еще содрогалось, я повернулась, чувствуя, как предательски подгибаются колени. Наклонилась за платьем и накинула на себя разрезанную ткань, прикрывая наготу. Николас закурил сигару, налил себе виски и сел в кресло. Я тоже хотела сесть, приблизилась к стулу, но он приказал мне стоять. Ничего не изменилось даже после этой дикой вспышки. А потом он заговорил, все так же жестко и безжалостно. Каждое слово резало меня как лезвием.

– Для тебя в этом доме теперь иные законы. Ты – рабыня, хуже, чем слуги, ниже, чем проститутки. У тебя нет права голоса. Жить ты будешь в каморке для сторожа на том крыле дома. Впрочем, ты уже и так там освоилась. Запоминай чего тебе делать нельзя: тебе нельзя появляться в моих покоях без моего разрешения, тебе нельзя никому звонить и пользоваться интернетом, тебе нельзя выходить на улицу. Теперь то, что можно – ты можешь обедать вместе со слугами, ты будешь готовить, стирать, убирать вместе с ними. Когда в этот дом придут гости, ты будешь исполнять свою роль любящей жены. Ты будешь им улыбаться и развлекать их, словно ничего не случилось. Для них всех ты невиновна. Но не для меня и не для нашей семьи. Отныне, этот дом – твоя тюрьма. И еще – ты не будешь мне мешать и лезть в мою жизнь. Иногда я буду приходить к тебе, чтобы попользоваться твоим телом. А может и не буду. Ты мне отвратительна и былого удовольствия я с тобой больше не испытываю. Тебя вполне может заменить любая шлюха. Я закусила губу. Сейчас он ударил меня еще раз. Словами, оскорблением.

– Ослушаешься – тебе будут пороть и запрут в подвале, ясно? На голодный паек, но не надейся, ты не умрешь. Хоть Влад и отказался от тебя, но я дал ему слово, что не убью его проклятую дочь. Я слышала все сквозь туман, не верила, что это происходит на самом деле. Что тот кого я люблю так безумно стал моим палачом, моим личным мучителем, моим персональным адом. Почему от меня отказалась семья? Что произошло с Самуилом? В чем они все меня обвиняют, кроме измены, которой не было? Что вообще произошло, пока я томилась в темницах Берита?

– Самуил…ты сказал… Николас вновь побледнел от ярости.

– Не произноси его имя вслух, стерва. Не смей. После того как ты вырвала ему сердце. Я убила Самуила? Я? Но это же ложь, это ложь. Самуил мертв? Его больше нет? Но почему в этом обвиняют меня.

– Я не делала этого, – мой голос звучал едва слышно. Осознание того, что меня обвиняют в смерти любимого деда все еще не пришло ко мне. Удар кулаком по столу и я зажмурилась от страха, что Ник снова меня ударит.

– Я этого не делала, – упрямо повторила и уже смело посмотрела ему в глаза. Муж подошел ко мне и грубо схватил за лицо:

– Тогда есть кто-то, кто очень сильно похож на тебя, солнышко. Настолько похож, как две капли воды. У тебя есть близнец?

– Нет! – прорыдала я – но я не убивала Самуила, я не спала с Беритом, и я не предавала тебя. Господи, почему ты мне не веришь?!

– Сука! – И он ударил снова, щека зарделась, но слезы не брызнули, застряли в горле.

– Ты можешь меня бить, ты можешь меня душить и рвать на части. Но я никогда не признаю себя виновной. Слышишь? Никогда не признаю. Когда-нибудь ты узнаешь правду, только возможно я уже не смогу тебя простить, как это бывало раньше. Я выплюнула ему в лицо эти слова и тут же перестала бояться. Я не виновата. Плевать, что меня приговорили, но я не виновата.

– Простить? Меня? Да ты знаешь, что я для тебя сделал, тварь? На какие уступки пошел Бериту, чтобы он отдал тебя мне? Ты это знаешь? Я купил тебя. Очень дорого купил, ценой жизней моих собратьев, которых обменял на тебя. На тебя – продажную тварь. На тебя дьявольское отродье. Они сейчас расплачиваются за то чтобы ты не сдохла. Ты поняла? И каждый из них лучше тебя. Ты понимаешь, какое преступление совершили мы с твоим отцом? А Совет? Весь Совет был куплен. Каждый из этих проклятых судей получил жирный кусок за то, чтобы ты стала свободной.

Миллиарды. Они стали богачами. Я должен просить прощения? У тебя? Да ты должна ползать передо мной на коленях.

– А ты не думал что все это подстроено? Что меня оболгали. Что это все кто-то хорошо спланировал. В ответ он грубо оттолкнул меня от себя. Ухмыльнулся, оскалился.

– Не работает. Ничего не работает, Марианна. На меня больше не действуют твои уговоры. Я бы вырвал тебе язык, но, увы, он появится снова. Как жало гремучей змеи. Единственное что я могу делать, так это заставлять тебя пить то зелье, что приготовила Фэй, чтобы уменьшить твои силы и превратить тебя в почти человека. Это добило меня окончательно. Выбило почву из-под ног. Я прохрипела, хватаясь за горло:

– Фэй? Фэй с вами заодно?

– С нами заодно? Заодно в чем? Марианна, тебе ничего не поможет. Никто и ничто не спасет тебя от наказания. Фэй видела, как ты убила моего отца и своего деда, она видела и многое другое, всю ту грязь и разврат что ты творила в замке Берита. Все мы желали тебе смерти, все за то, что ты с нами сделала. За то, что ты сделала с Самуилом. В глазах Николаса блеснули слезы. Слезы моего палача. Но заплакала я. Впервые. Не потому что он меня ненавидел, а потому что поняла – это конец. Меня приговорили. Все, кого я любила, отвернулись и даже Фэй. Тогда меня уже ничто не спасет. Николас меня раздавит, он растерзает, он меня сломает.

В этот момент муж неожиданно обхватил мое лицо руками и посмотрел мне в глаза:

– Что ты натворила, малыш? Что ты наделала? Ты превратила меня в зверя. А ведь я любил тебя. Дьявол, я так сильно тебе любил. Я был как безумец. Теперь я так же сильно тебя ненавижу. О, если бы ты знала, как я тебя презираю. Наверное, это была последняя его

слабость, которую я помнила. Он резко оттолкнул меня от себя. Перед тем как уйти, Ник поставил мне другую пленку и велел досмотреть до конца. После меня вынес из библиотеки Криштоф. Я сошла с ума, остекленевшим взглядом, я смотрела в потолок, а перед глазами видела смерть Самуила. С тех пор я больше не могла смотреть в зеркало. Никогда.

* * *

Ник, пошатываясь, зашел в свою спальню и прислонился к стене. Руки тряслись, тело отказывалось подчиняться. Он смотрел на ладони, и не верил, что они смогли ударить. Ударить ту, к которой иначе чем, лаская, никогда не прикасались. Он не просто бил, он наносил удары самому себе и чем сильнее причинял боль ей, тем больнее и невыносимей становилось ему самому. Он ожидал, что она начнет оправдываться, он ожидал истерику, сопротивление, ярость, ожидал увидеть ту тварь с пленки и не дождался. Марианна осталась прежней, точнее она умело притворялась прежней. Ее глаза кристально чистые, невинные полные любви и печали, он старался в них не смотреть, потому что боялся ей поверить. Именно поэтому он ударил, чтобы спровоцировать, чтобы та дрянь вылезла наружу. Но сколько он не унижал и не бил, существо, убившее его отца, не появлялось. Тогда он решил, что раздавит этот образ, растопчет, возьмет ее грубо, изнасилует и сможет наконец-то презирать. Но ничего не вышло. Даже тогда, когда погрузил свою плоть в ее рот, чувство брезгливости и отвращения не появилось. Он даже немного удивился – она, словно делала это впервые. Даже потом, когда очень старалась, у нее довольно неумело получалось его ласкать. Неумело, но так нежно так страстно…

«Притворство. Она прекрасная актриса. Она может сыграть любую роль. Сейчас она опутывает меня чарами, бьет по самому чувствительному месту, она хочет, чтобы я сжалился. Пощады не будет!» «Я ее бил» – эта мысль пульсировала у него в голове, ковыряла мозг занозой, душила его. Нет, он не чувствовал сожаления, он просто понимал, что его гнев слишком силен. Обещание, данное Владу, будет не так-то просто сдержать. С каждым днем ревность ослепляла его сильнее, чем боль от смерти отца. Он сходил с ума и ему хотелось ее убить, растоптать, раздавить. Им нельзя общаться какое-то время. Им нельзя видится. Нужно держаться от нее подальше. Пусть находится в другой части дома, пусть живет с прислугой, но не попадается ему на глаза. Может, пройдет время и Ник сможет смотреть на нее более спокойно. Утром он уехал в фамильный склеп. Впервые после гибели отца. Он сидел на холодной плите, обхватив голову руками, и тихо разговаривал с Самуилом. В этом месте они могли остаться наедине, в этих молчаливых стенах можно говорить правду.

– Вот я и пришел отец. Все как обещал. Ее я привез домой. Пока еще, не знаю, достаточно ли наказываю твою убийцу. Испытывает ли она муки совести или раскаянье. Но самое страшное, отец, что я все еще люблю ее. Не просто люблю, а схожу с ума. Я хочу ее ненавидеть, я все время вспоминаю, как она убивала тебя и ярость возвращается, но стоит мне ее увидеть и все, я сатанею от страсти. Ее взгляд, ее тело, ее запах. Я одержим ею, и не знаю, как избавиться от этих чар. Мне нужно уехать. У меня еще куча дел в Лондоне, но как подумаю, что все это время не смогу ее видеть, чувствовать ее, мною овладевает паника. Я ненавижу себя, отец. Если бы ты мог простить меня за это порочное чувство к ней. Но я клянусь, что, несмотря на мою любовь, она получит по заслугам. За каждую каплю твоей крови.

10 глава Я не знаю, сколько времени прошло, я сидела на полу и смотрела в одну точку. Мое сердце обливалось кровью. Я оплакивала Самуила. Не себя, не мою разбитую вдребезги любовь, а того, кто всегда был для меня примером мужества и верности, примером вечной любви. А еще я знала, что меня подставили, меня не просто подставили, а швырнули в мясорубку. Кто-то, дьявольским образом похожий на меня. И вдруг я вспомнила, как в замедленной пленке, вспомнила того типа – Романа. Он ведь принял облик моего отца. Как их

назвала Настя? Хамелеоны. Слуги Аонэса. И эта тварь, из-за которой мои кости все еще ломит от боли, она тоже хамелеон.

Если бы я могла вырваться из этого дома и найти доказательства. Если бы могла… Меня коснулась чья-то рука, и я вздрогнула. Только сейчас я заметила Криштофа, он присел возле меня и убрал волосы с моего лица.

– Нужно время, – тихо сказал он, – просто время и он успокоится. Здесь есть душевая, правда ее соорудили очень быстро и она довольно маленькая, но ты можешь помыться. Увидев его взгляд, полный сочувствия, я поняла, что по моему лицу размазана кровь, на мне разрезанное платье и совсем нет нижнего белья. Криштоф меня жалел. Наверное, не у всех так легко получилось меня возненавидеть как у Ника. Наверняка и слуги, и он, видели, как муж тащил меня по лестнице. Все знали, что он меня бил и что он меня изнасиловал. Хотя я не могла назвать это именно так. Я хотела его, мне было хорошо, больно, страшно и дико хорошо. Если бы меня спросили, жалею ли я о том, что Ник так жестоко взял меня, я бы ответила

– «нет», нисколько не сомневаясь. Посмотрела на Криштофа, его глаза были полны сожаления. Хоть чьи-то глаза. Криштоф знал меня давно. С того самого момента как я приехала с Ником в Лондон и пожалуй оставался единственным преданным слугой семьи, точнее никто и никогда не относился к нему как к слуге, он был другом, членом семьи. Для всех. Я подумала о том, что моим другом он, наверное, уже не остался, но Криштоф меня жалел. Его светло-зеленые глаза подернулись дымкой печали. Хотя против Ника он не пойдет. Никто не пойдет и теперь я знала почему – его боялись. Он неуправляем, он мстителен и он очень силен. Криштоф поставил на стол графин с водой и ушел. Меня не заперли, но выходить из комнаты я уже не хотела. Пока что не хотела. Я направилась в душ и долго сидела под прохладными каплями воды, смывающими кровь с моего лица, но не грязь с моей души, которую просто затоптали. Наверное, я плакала, но слезы смешались с водой.

Я думала о том, что сейчас все, здесь в моем доме, меня ненавидят. Чтобы я не сказала, как бы не старалась их убедить в обратном, мне никто не поверит. И самое страшное это то, что я не могла их за это ненавидеть. Даже Николаса. Его, прежде всего. Мне бы следовало начать его проклинать холить и лелеять свою боль и обиду, но я не могла. После всего, что он видел, муж имел право меня бить, топтать и ломать. Только вот я этого не заслужила. Еще с самого детства у меня была одна завидная черта – я умела приспосабливаться к любым обстоятельствам. Я не знаю, откуда она появилась, но, сколько я себя помню, у меня никогда не было депрессии. Я даже не знала, что это такое. Вот и сейчас я лихорадочно думала о том, как мне теперь выжить в этом аду. Тогда мне еще хотелось выжить и доказать всем как они несправедливы ко мне. В нашем доме появился управляющий. Я никогда не видела его раньше, но он, несомненно, знал свою работу, а заодно и то, как нужно ко мне относиться. То есть – никак. Вскоре это поняли и слуги, я перестала быть для них госпожой, я стала одной из них. Меня все еще сторонились, не разговаривали, но на меня уже не смотрели снизу вверх. Вскоре мне выдали одежду: серую юбку до колен и черную хлопковую блузку с пуговицами до самого подбородка. Нижнее белье, состоящее из дюжины трусиков самого простого покроя и трех пар бюстгальтеров, а еще простые чулки, носки и два свитера. Я была рада, что теперь сольюсь с общей массой. Я никогда раньше не знала, как устроен быт наших слуг, чем они занимаются, что едят на ужин и на завтрак, о чем говорят. Теперь я, постепенно наблюдая за ними, начала понимать, что наверное я все же больше близка к ним, чем к друзьям родителей или мужа. При мысли о Нике сердце больно дрогнуло. Я не видела его уже много дней. И я страдала, может быть, кто-то назовет меня дурой, идиоткой или мазохистской, но мне все равно. Я любила его, любого, я скучала по нему, по тому Нику, который ради меня был готов на все. Мне безумно его не хватало, и я не смирилась, тогда еще не смерилась с его ненавистью.

Сейчас, вспоминая почти каждый день из тех, что я провела дома после возвращения, я понимаю, как постепенно становилась другой. Я скучала по родителям. Первое время самым невыносимым было думать, что мама и папа забыли обо мне, что они меня презирают. А Кристина? Скучает ли она за мной или счастлива с мужем и тоже не вспоминает о своей непутевой Маняше?

Я ужинала, завтракала и обедала вместе со всеми в общей столовой для слуг.

Днем они убирали в комнатах, готовили еду. Поначалу я стояла в стороне, наблюдая за ними, ведь я никогда этим не занималась, в доме родителей всегда были слуги, сколько я себя помню. Потом я решила попробовать, тоже чем-то заняться, чтобы не сойти с ума от одиночества. На меня смотрели искоса, но не прогоняли. Хотя, явно не были рады моему присутствию в их мире. Мне не доверяли. Сегодня я тут, а завтра, может быть, помирюсь с мужем и выдам их маленькие тайны. Какое теплое слово «мир». Нам с Ником оно не грозило. Тогда я думала, что придет момент, и он узнает, что я невиновна, будет умолять меня простить его и я прощу и все станет как раньше. Я мечтала об этом по ночам. Когда все слуги спали. Но я ведь не умела спать. Пока не умела, но вскоре зелье, которое мне добавляли в еду или в питье начало действовать. С каждым днем я все больше чувствовала себя человеком. Мне хотелось пить и есть, мне хотелось даже в туалет и у меня снова начались менструации. Я даже удивилась, когда через две недели после принятия лекарства увидела кровь на трусиках. А потом пришел и сон. Вначале короткий, по полчасика, а потом и дольше. Но мой сон больше походил на погружение в чан с водой, я закрывала глаза, а когда открывала, то оказывалось, что уже прошел час или больше. Сны мне не снились. Через время я все же начала общаться с некоторыми из слуг. Меня научили чистить картошку, развешивать белье, гладить. Иногда меня брали убирать в правом крыле дома.

Меня это хоть как-то отвлекало от мыслей о всеобщей ненависти. Я наблюдала за людьми и за вампирами. Они по-прежнему уживались под одной крышей, даже не смотря на то, что я уже не была их госпожой. Ник не изменил порядков в доме даже мне назло. Все оставалось по-прежнему. Но ненадолго. Совсем ненадолго. Вскоре начались перемены.

Спустя время я узнала, что не видела Ника лишь потому, что он уехал. Куда? Наверняка в Лондон завершать незаконченные дела. В его отсутствие я каждый день убирала в его комнате, в нашей спальне. С любовью застилала нашу постель. Иногда, когда я была уверенна, что меня никто не видит, я ложилась на его подушку и с закрытыми глазами вдыхала его запах, вспоминала жаркие ночи, которые мы проводили вместе, хотя, наверное, в постели мы занимались любовью реже всего. Ник не любил однообразие, а желание его настигала где угодно, как и меня. Но здесь мы очень часто просто лежали вместе, встречая рассветы. Он рассказывал мне обо мне. Об Анне. О возлюбленной из прошлой жизни. А я слушала, чувствуя, как его нежные длинные пальцы перебирают мои волосы. Те пальцы, которые так недавно тащили меня по лестнице, те руки, которые меня били.

Криштоф постепенно начал со мной разговаривать и иногда мы подолгу беседовали в саду или в моей комнатушке. Той темы, почему ко мне так все относились, мы не касались. Поначалу не касались. Теперь он казался мне очень забавным, добрым и смешным. Сейчас я понимаю, что если бы не он, я бы начала сходить с ума. Отсутствие общения убьет кого угодно. Ник вернулся через несколько недель. Я сразу поняла, что он дома. Услышала, как подъехала машина и бросилась к своему окошку. Он был не один. В компании нескольких вампиров и двух женщин. Я вжалась в стекло, пожирая взглядом его стройную фигуру, его длинные волосы, походку. И он меня почувствовал, бросил взгляд на мое окно. Я вся сжалась в комок от его взгляда. Он

смотрел на меня как на тварь, как на мерзкое млекопитающее, которое вынужден терпеть под своей крышей. Вот так кончились мои более или менее спокойные дни в моем доме, точнее в доме, который был моим. Уже утром мне запретили появляться в правом крыле, слугам запретили со мной говорить, а мне поручили самую грязную работу. В полном смысле этого слова. Драить конюшни, собирать из контейнера грязное белье и мыть столовую. Ник сделал все, чтобы со мной случайно не столкнуться и чтобы я почувствовала себя униженной. Но это было только начало.

* * *

– Вы видели здесь вот эту девушку? – Кристина соблазнительно улыбнулась охраннику, и тот бросил взгляд на ее личико, потом на откровенное мини-платье.

– Видел и что с того? Ты что мент? Кристина скорчила забавную рожицу.

– Я похожа на мента? Мне всего-то девятнадцать скоро будет. Какой из меня мент? Нет, просто это моя подружка и она куда-то запропастилась. Денег она мне должна, понимаешь? Вот и ищу ее. Бабки о, как нужны. Так как видел или я пройду вовнутрь и там спрошу? Охранник наконец-то улыбнулся.

– Ну, видел один раз. Меня потом после этого странные типы допрашивали, и все пленки с записями утащили. Кристина подалась вперед.

– А она сама приехала?

– Нет, – охранник задумался, – не сама. С ней был тип такой представительный. Я еще подумал, что глаза у него странные – оранжевые какие-то словно у этих, которые тут тусуются. Кристина порылась в сумочке и показала охраннику еще одно фото.

– Вот этот тип?

– Точно этот. Ага, он самый. Кристина радостно чмокнула охранника в щеку и тот покраснел.

– Эй, ты что не зайдешь? Девушка отрицательно качнула головой:

– Неа, я не гот.

«Я та в которую они переодеваются», – подумала Кристина с усмешкой, и помахала ему рукой.

– Жаль…Ну ты приходи, я тебя если что бесплатно пропущу.

– Спасибо.

Кристина юркнула в машину и посмотрела на Лину, сидящую за рулем.

– Ну как?

– Да, Марианна была здесь, и привез ее Роман. Только тут есть одна маленькая неувязочка: именно в этот вечер я говорила с ней по телефону, по-домашнему. Она была дома. Мы еще включили видеосвязь и болтали часа два, наверное. Лина задумалась.

– Именно в этот вечер произошло первое убийство. Тогда я ничего не пойму, как Марианна могла быть в двух местах одновременно? Завтра возьми распечатку разговоров в своей компании. Сверим время. И еще одно не укладывается в голове, что она делала с Романом?

mir-knigi.org

Ведь она его совсем не знает. А знаешь что. Давай нароем всю информацию о нем. Начиная с того момента как он приехал в Киев. Может, и узнаем что-то интересное. Серафим нам поможет. У ищеек всегда есть и прослушки, и фотографии. У них все бессмертные на крючке. Пусть он нам принесет все, что у него есть на этого Романа.

– Мам, а вдруг она не виновата совсем. Вдруг ее подставили…Ты представляешь, каково ей сейчас? Мам…может…

– Я поговорю с Криштофом. Он там, рядом с ней. Пусть передаст ей записку.

– Ник и отец узнают – будет скандал. Лина впервые посмотрела на дочь горящими вампирскими глазами:

– Плевать! Мне все равно, что они от нее отказались, я отказываться не собираюсь. Это мой ребенок. Мы ее вытащим из этого, вот увидишь, и пусть твой отец и его брат злятся сколько угодно – нужно будет, и против них пойду. Ты со мной, Тина?

– Конечно с тобой. После этого эпизода с Романом мне уже кажется, что все это подстроено.

– Кстати пленку надо экспертам показать – может это монтаж.

11 ГЛАВА

Вечер выдался настолько пасмурным и снежным, что из моего маленького окошка было не видно даже подъездную дорожку. Я слышала, что в доме происходит странная суета, все бегают, звенит посуда на кухне. Я прислушивалась ко всем звукам в доме, и поняла, что у нас гости и наверное очень важные. Наверняка партнеры Ника из Лондона. Сейчас, я уже не часть его жизни и вскоре и вовсе не буду знать, чем занимается мой муж. Раньше он посвящал меня во все дела. Он говорил, что любит, когда рядом с ним умная женщина, а не разодетая кукла. Полноценный партнер, которые при надобности может и его заменить, и дать ценный совет. Но для меня все это уже кончилось. Больше я ему не партнер. В мою комнатушку постучали и дверь отворилась. Вошел управляющий. Я с трудом подавила желание его прогнать. Он осмотрел меня с ног до головы, презрительно скривился и сказал:

– Хозяин желает, чтобы ты переоделась и вышла к гостям. Управляющий имел странную внешность. Он, несомненно, вампир, но из какой-то низшей расы. Словно смесь Носферату и Гиен. Он отличался совершенно непривлекательной внешностью. Холенный, одетый в стерильно чистую белую рубашку и черные брюки с прилизанными волосами и тоненькой полоской усов над верхней губой. Весь его вид вызывал непреодолимое отвращение. Я даже не знала, как его зовут и если честно, то меня это не интересовало. Управляющий прошел в мою каморку. Повесил на спинку стула пакет с одеждой, на стол поставил коробки.

– Велел быть готовой к ужину. Ужин через сорок минут. Он снова презрительно на меня посмотрел и ушел. Меня считают преступницей, хотя они конечно вряд ли знают что именно я натворила, но отношение моего мужа ко мне не оставляло у них много сомнений в том что эта вина огромна. Я вспомнила, как Ник мне сказал, что для других вампиров братства я невиновна и поэтому, когда в доме будут гости я обязана выполнять свою роль хозяйки, а точнее свою роль мебели, неизменно обязанной присутствовать в доме темного князя. Я закрыла дверь на крючок и подошла к сверткам. И вдруг обрадовалась. Неожиданно меня обуял дикий восторг. Ник хочет, чтобы я была рядом. Чтобы выполнила роль жены и приняла гостей, как подобает в королевской семье. Весь вечер я проведу с Ником. Пусть все это игра, но я смогу разговаривать с ним, смотреть на него. Чем больше мы будем общаться, тем

быстрее, возможно, он перестанет так меня ненавидеть. Наивная глупая дура. Я развернула пакет с нарядом и тихо вскрикнула. Платье было новым, еще с этикеткой из бутика в Лондоне. Значит, он думал обо мне, покупал мне вещи, зная, что я их одену. Я развернула платье. Черный тончайший трикотаж с люрексом, мелкая блестящая нить переливалась как драгоценные камни. Я сбросила опостылевший наряд служанки и одела великолепное платье, оно сидело как влитое. Ник хорошо помнил мой размер. Я застегнула змейку на боку и обнаружила на юбке разрезы до бедра. Единственная смелость в наряде. В остальном платье было довольно строгим: с воротником под горло, до колен, плечи закрыты, никакого выреза ни спереди ни сзади, но руки оставались открытыми. В коробках оказалось нижнее белье, черные туфли лодочки на высокой шпильке и скромное колье из жемчуга. Я с наслаждением надела тоненькие чулки, трусики и новый лифчик без лямочек. Оказывается, я соскучилась за красивыми вещами. Всего этого мне очень не хватало. Я сунула ноги в туфельки и прошлась по комнате. Ощущения былой роскоши вернули мне уверенность в том, что возможно я смогу вернуть и ЕГО. Когда-нибудь, через время. Я взяла расческу несколько раз провела по волосам, потом скрутила их в высокий узел на макушке, заколола шпильками. Увидела еще одну коробку – с косметикой. Это не было новым, маленькая косметичка была моей. Я высыпала ее содержимое на стол взяла зеркальце и когда открыла, громко вскрикнула. На меня смотрели глаза убийцы. С ужасом я отшвырнула зеркало в сторону, и она с треском разлетелось на маленькие осколки. Несколько секунд я приходила в себя. Потом глубоко вздохнула, на ощупь подкрасила губы и ресницы, нанесла на щеки немного румян. Обойдусь без зеркал, может когда-нибудь я снова смогу видеть собственное отражение. Но не сейчас. Сейчас я это отражение ненавидела. Я сунула руку под подушку и нащупала обручальное кольцо. Долго смотрела на рубиновые камешки и все же надела. Спустя полчаса за мной пришел Криштоф, тоже нарядно одетый, торжественный. Я отметила, что он довольно привлекателен, можно даже сказать красив. Темные волосы, не черные, а каштановые похожие на мои собственные и светло-зеленые глаза, черты лица немного грубоваты, но он очень симпатичен. Мужественный, сильный. Наверное женщинам он головы кружит как пить дать.

– Скажи, я нормально выгляжу в этом платье? Я покрутилась перед ним и увидела, как он быстро отвел глаза, посмотрел на осколки разбитого зеркала, а потом снова на меня.

– Разлюбила зеркала?

– Можно сказать и так. Скажи, я хорошо выгляжу? Ну, вот честно, ты же мужчина, как я выгляжу в твоих глазах? Криштоф смутился, я видела, что задала ему довольно сложный вопрос.

– Ты очень красивая, Марианна. Сегодня особенно. Сухо ответил он и пригласил идти за ним. Я не поняла, почему в нем произошла такая перемена. Ведь еще вчера он болтал со мной, и мы даже играли в шахматы и вдруг словно отдалился, поставил между нами стену.

– Что с тобой? Я тебя обидела?

– Нет. Идем.

Я вошла в залу и почувствовала, как от волнения у меня кружится голова. Мне стало страшно. Я даже не знаю, как объяснить этот страх. Наверное, все мои прежние комплексы, которые были еще до встречи с Ником, вдруг вернулись. Я всегда боялась выходить к гостям. Мне казалось, что я плохо выгляжу, что у меня виден краешек чулок, что я споткнусь или вообще покажусь всем нелепой.

Меня тут же заметили. Гости дружно повернули головы в мою сторону. Но мне они были не

интересны, я ждала, когда ОН на меня посмотрит и он посмотрел. Лучше бы я в этот момент отвела глаза. Его взгляд уже не был тяжелым и не сверкал ненавистью, все гораздо хуже – сейчас он был полон ледяного безразличия. Словно я пустое место. Тем не менее, муж улыбнулся и направился ко мне. Каждый его шаг отзывался ударом моего сердца. Грациозный как пантера в черном элегантном костюме с приталенным пиджаком и белым галстуком. Волосы приглажены назад и собраны в конский хвост в руке неизменная сигара, на запястье сверкают «ролексы». Он подошел ко мне вплотную, и я тщетно пыталась понять, нравится ли ему то, что он видит? Тот наряд, что он мне купил? Хотя, судя по его взгляду, для него я ничтожество в любом наряде. Ник проводил меня к столу. Представил гостям. Меня рассматривали с любопытством, особенно женщины. Я ответила им равнодушным взглядом и села за стол. Дальше мужчины говорили о делах, а женщины делились свежими сплетнями, они пытались втянуть меня в разговор, но после того как подали спиртные напитки и гостям принесли пакетики с кровью, я их больше не интересовала. Лишь иногда они бросали на меня взгляды полные зависти и недоумения. Наверняка меня сочли высокомерной. Мне было наплевать. Я прислушивалась к тому о чем говорили мужчины. Точнее один из них. Самый загадочный для меня – мой муж. Я слушала его голос, пожирала взглядом каждое его движение и ловила себя на мысли, что до боли хочу к нему прикоснуться. Так сильно этого желаю, что даже непроизвольно сжала край скатерти дрожащими пальцами. Я уже простила ему то, что он меня ударил, я простила ему насилие. Тогда простила. Я, наверное, была готова на все лишь бы просто коснуться его сильной руки. Внезапно он заметил, что я смотрю на него и, оторвавшись от разговора, сказал:

– Дорогая, почему бы тебе не развлечь жен наших друзей интересной беседой?

Он говорил мне, чтобы я присоединилась к тем скучным и поверхностным гостьям, а вообще он просто намекал, чтобы я находилась от него подальше.

– Ну, есть женщины, которым интересен и бизнес, Николас, – вмешался граф Нортон и бросил на меня восхищенный взгляд, – ваша жена украшает нашу компанию, давно не встречал подобной красоты, столь естественной и яркой. А чем вы занимаетесь в свободное время Марианна? У такой красивой женщины наверняка есть увлечения хобби. Глаза Ника сверкнули и прожгли во мне дыру. Ему не нравилось, что разговор закрутился возле меня.

– Увлечения? Я очень люблю конюшни, то есть наших лошадей. Совсем недавно мне подарили породистых арабских скакунов. Это моя слабость. Ник крутил в руке вилку и начинал злиться, я это видела по его глазам, приобретающим все более темный оттенок. Но Нортон, казалось, не замечал ничего, он увлекся разговором со мной, не скрывая своего восторга:

– Вы ездите верхом? – он явно был удивлен. В братстве знали, что я очень «юный» вампир, совсем не их поколения, когда подобное умение считалось не достоинством, а само собой разумеющимся фактом.

– Конечно, отец учил меня этому с детства.

– Восхитительно, а танцуете вы так же великолепно, как и ездите верхом? Вилка в пальцах Николаса теперь крутилась гораздо быстрее.

– Возможно. Хотя у меня вряд ли получится вам показать, сегодня наверняка танцев не будет, но в следующий раз я обязательно с вами станцую. Если вы снова приедете к нам в гости. Я была само очарование, Нортон уже забыл, где находится и прошептал:

– Теперь я обязательно приеду к вам еще раз. В этот момент послышался резкий звук, затем

вскрик и звон бьющейся посуды. Вилка встряла в стол, раскачиваясь от той силы, с которой ее воткнули в столешницу. Испуганная служанка прижала руки к груди, а осколки разбитого блюда рассыпались по полу. Ник резко схватил служанку за руку и дернул к себе.

– Безмозглая, ты что сделала? Ты забрызгала мои туфли. Я напряглась. Гости с любопытством ожидали, что будет дальше, с нездоровым блеском в глазах. И я тоже, но я боялась, ник был в ярости и мог наказать бедняжку, хотя и сам был виноват в том, что она уронила блюдо. Он напугал ее, когда воткнул вилку в стол… Ник с вызовом на меня посмотрел и быстро встал из-за стола. Он развернул служанку к себе, заставил посмотреть в свои ярко-синие как сапфиры глаза и какое-то время удерживал ее взгляд. С ужасом я поняла, что он ее гипнотизирует, но зачем?

– Криштоф, запри дверь, – спокойно сказал Ник, теперь он обошел остолбеневшую девушку, стал сзади. Его длинные пальцы осторожно убрали волосы с ее шеи, и я поняла… Я поняла, что он с ней сейчас сделает. Его чувственная верхняя губа дрогнула, показались острые белые клыки. Я не видела их очень давно. Гости, казалось, были заворожены, их ноздри трепетали, они были готовы к кровавому пиршеству, которое предлагал Николас. Девушка блаженно закрыла глаза, наслаждаясь прикосновениями его пальцев, и я словно физически ощутила, как он касается ее кожи. До меня доносился его чувственный шепот, он готовил ее…

– Нет! – закричала я и дернула девушку на себя. Николас посмотрел на меня так, словно сейчас я окажусь на ее месте. Но я знала, что при гостях он не посмеет.

– Не нужно. Не в этом доме – сказала я, отчеканивая каждое слово и видя приговор в его глазах. Я посмела ему перечить, – Криштоф, уведи ее. Уведи ее сейчас. Гости разочарованно сели на свои места и с невозмутимым видом продолжили беседу. Дрожа всем телом, я наблюдала, как Криштоф выводит служанку из залы и успокоилась лишь тогда, когда за ними закрылась дверь. Я тоже села, чувствуя, как у меня трусятся колени. Ник сжал мое запястье под столом с такой силой, что я подумала о том что он сломает мне руку, но стиснув зубы, вынесла боль. Другой рукой я отправила в рот маслину и улыбнулась Нортону.

– Итак, на чем мы остановились? – невозмутимо спросила я по-английски и улыбнулась одной из самых очаровательных улыбок. Пальцы Ника все еще стискивали мою руку, не ослабляя хватку. Я почувствовала, как по моему телу разливается жар от его прикосновения. Я удивлялась собственной реакции вместе с болью я трепетала от того, что его жестокие пальцы сжимали мою кисть. Ведь он прикасается ко мне, и эти прикосновения по-прежнему сводят меня с ума. Внезапно он отшвырнул мою руку и достал сигару. Я с наслаждением увидела на его безымянном пальце обручальное кольцо. Ник посмотрел мне в глаза, и я поняла, что эта выходка мне даром не пройдет. Но мне было все равно, я не хотела, чтобы девушка пострадала, только не на моих глазах. Остаток вечера прошел без происшествий, мужчины уединились в кабинет, а мне приходилось слушать пустую болтовню их жен. Я будто снова вернулась в прежнюю жизнь и не могу сказать, что мне это не нравилось. Я успела привыкнуть к роскоши, к светским беседам к шикарным нарядам. Гостьи восхищались моим платьем, и так я узнала, что это эксклюзивный экземпляр и кроме меня такого наверняка не у кого нет. Они даже не представляли, во что я была одета сегодня утром и в какую жалкую каморку вернусь сегодня ночью. Но им и не нужно этого знать. Вскоре Ник и гости вышли из кабинета, и я поняла, что у них что-то не склеилось. Нортон в бешенстве забрал жену и отправился к выходу, не попрощавшись с Ником и со мной, а мой муж одарил меня таким взглядом, что у меня по спине пробежал холодок. Они поругались. Наверняка, сорвалась какая-то важная сделка и вот было у меня мерзкое чувство, что это я виновата. Только не могла понять каким образом. Гости разошлись, и я последовала за Криштофом, который вызвался проводить меня в комнату.

– Стоять! – рявкнул Ник и я обернулась. Он смотрел на меня потом на Криштофа, кивком головы показал тому на дверь. Как ни странно Криштоф ушел не сразу. Он что-то сказал Нику, но тот заорал, что это не Криштофа ума дело и пусть убирается ко всем чертям, если ему что-то не нравится. Я попятилась к стене, наблюдая, как медленно закрылась дверь за моей единственной надеждой на спасение. Николас повернулся ко мне и теперь его синие глаза стали почти черными.

– Ты сорвала мне сделку! – отчеканил он и двинулся ко мне, – я обещал им развлечения, я обещал чудесный отдых, а ты все испортила. Я говорил тебе, что никакого права голоса ты в этом доме больше не имеешь – ты больше не госпожа, ты прислуга и ранг твой ниже, чем у той дуры, которую ты защитила. Так что за ее проступок будешь расплачиваться ты. Собери все осколки руками, а потом почисть мои туфли, эта девка забрызгала меня соусом. Мои щеки запылали, лучше бы он снова меня ударил, чем приказал так унижаться. Я не собиралась подбирать осколки руками, а уж чистить его туфли и подавно.

– Ты слышала, что я сказал?! Собрала все осколки и натерла мои туфли до блеска, не то велю тебя выпороть.

– Ну, так вели выпороть прямо сейчас, я не стану исполнять твои приказы. Он удивленно посмотрел на меня, потом схватил за плечо и толкнул на пол.

– Собирай! – прорычал он, нависнув надо мной как тень. Меня трясло от ярости, сейчас я готова была даже ударить его, он не заставит меня так унижаться. Не позволю. Я поднялась с пола и упрямо посмотрела ему в глаза.

– Я сказала, что можешь выпороть меня прямо сейчас.

Теперь его глаза сверкнули красным огнем, он вытащил ремень из брюк и двинулся ко мне.

Замахнулся и характерный свист раздался у моего уха и тут во мне словно что-то переключилось. Изнутри поднялась дикая паника, звук напомнил свист хлыста, которым демон учил меня покорности. Я не помню, что случилось дальше, наверное, я закричала, закрыла лицо руками, вздрогнула. Меня начало бить мелкой дрожью, я упала на колени и услышала свой хриплый шепот.

– Не надо… Я недооценила свои нервы, они сдали, как только я услышала уже знакомый мне звук. Я бы не выдержала, если бы он меня сейчас ударил. Во мне поднялась волна панического ужаса. Первобытный страх той боли, что испытала всего лишь месяц назад. Оказывается память, иногда выкидывает такой фокус, и ты думаешь, что кошмар позади, что забыла, а какой-то незначительный звук погружает тебя в пучину ужаса словно наяву. Я все еще тряслась, но видела свои пальцы, которые лихорадочно собирали осколки и складывали в кучу. Я даже порезалась, но боли не почувствовала. Перед глазами я видела лишь его ноги, носки его кожаных туфель и его тень на полу. Ник стоял надо мной, как надзиратель и когда я закончила, бросил мне салфетки как собаке. Впервые во мне всколыхнулась ненависть. Впервые именно к Нику. Стиснув зубы я вытерла его туфли. И вдруг заплакала. Даже не знаю, как эти предательские слезы вырвались наружу. Я рыдала как раненное животное и не могла остановиться. Сквозь слезы я увидела, что он уходит. Вот так просто уходит, даже не сказав мне ни слова. Я подняла осколок блюда и посмотрела на блестящий фарфор. Вот так разбилась и моя жизнь. Когда-то давно Ник говорил мне, что он меня сломает, что нам нельзя быть вместе, а я ему не верила. Наверное, все же стоило прислушаться к его словам. Он был прав. Только я не собиралась ломаться. Единственное, что я тогда впервые поняла, что именно этот эпизод отложится в моей памяти навсегда. Не побои и оскорбления, а именно это унижение.

mir-knigi.org

Он показал мне, что я никто, что я лишь кратковременная прихоть хозяина и сделаю все что он прикажет. Именно в этот вечер моя любовь к нему дала трещину. Нет, я не перестала сходить по Нику с ума, я была им одержима, я была им больна прогрессирующей хронической болезнью, но в этот самый первый раз я вдруг захотела излечиться, или хотя бы попытаться. Он ломал не меня, он ломал мою веру в него, веру в мою любовь, которая может растопить лед и свернуть горы.

Я могла простить ему ревность, я могла стерпеть его грубость, но не обращение со мной как с животным.

Ник швырнул ремень на пол. Яростно дернул галстук расстегнул пуговицы на рубашке и, схватив бутылку виски из бара сделал несколько глотков прямо из горлышка. Только что он сорвал настолько важный договор, что теперь даже не предполагал, как сможет сказать об этом Владу. Он разругался с Нортоном почти до драки. Этот хлыщ посмел смотреть плотоядно на Марианну, смел, шептаться с его женой. Наглость аристократа разозлила его не меньше, чем красота Марианны в этот вечер. Он нарочно выбрал ей самое скромное платье, надеясь скрыть все прелести ее тела под черной материей, и просчитался. Легкая тоненькая материя обрисовала каждый изгиб, даже ямочку ее пупка, а разрезы открывали стройные ножки в чулках, слегка открывая краешек кружевной резинки. Пусть платье и было наглухо закрыто до самого горла, но Марианна собрала волосы и красивая шея и нежный овал лица не скрыть даже таким образом. С употреблением зелья, человеческий запах ее тела усилился и Ник почувствовал ее задолго до того как она вошла в залу. Проклятый английский аристократ, несомненно, тоже. Больше всего его бесила именно она. Весь ужин не давала ему спокойно разговаривать, он чувствовал ее взгляд каждую секунду, чувствовал кожей, плотью и распалялся все сильнее, ненавидя себя за это. Ее тоненькие пальчики с обручальным колечком совсем рядом и невыносимое желание накрыть ее руку своей, как когда-то, вгрызалось ему в мозги. Весь этот ужин превратился в пытку. Марианна как назло не собиралась общаться с пустоголовыми куклами-женами англичан, а Ника уже раздражала ее близость. Точнее, она действовала на него как красная тряпка на быка. Вместе с бешеной страстью поднимались и флюиды ненависти. Но когда она начала флиртовать на его глазах с Нортоном, Ник потерял над собой контроль. Наглая сучка смеет перед ним строить глазки его партнеру. Ник злился все больше и больше. Перед глазами уже разыгралась бурная фантазия, где его жена в объятиях графа и тот помогает ей сбежать от тирана мужа. В этот момент Ник, не выдержав напряжения, яростно воткнул вилку в стол и даже не заметил, что чуть не поранил служанку, которая в этот самый момент собиралась поставить на стол блюдо с соусом. Девушка вскрикнула и разбила блюдо. В тот же момент Ник почувствовал дикую потребность дать волю своей ярости. Загрызть эту девчонку на глазах у всех. Вспомнить, как это приятно пить теплую кровь жертвы и слышать ее предсмертные судороги. Он ужасно хотел сделать это на глазах у Марианны. Но она вступилась за чертову служанку и все испортила. Как же ему хотелось ее наказать за то, что осмелилась ему перечить при гостях. Но больше всего он ненавидел ее за притворство: убийца, развратное низкое существо все еще разыгрывало перед ним милосердие. Ник специально заставил ее заниматься унизительной уборкой, служанка и не посмела бы возразить, молча бы все убрала, еще бы и туфли начистила до блеска, но госпожа? Ник хотел показать ей, что она для него значит не больше чем безликая прислуга. Впервые он увидел, как Марианна сопротивляется ему, как с вызовом бросила ему, что не собирается выполнять его приказы. Сейчас это уже было делом принципа – ее сломать. Ник не знал, хотел ли он ударить ее тяжелым кожаным ремнем, но ее реакция его просто поразила. Она отреагировала как жертва, которая уже знала, что такое удар плетью. И не просто удар, а жертва, которую избивали погружая в пучину ужаса. Гримаса на ее лице заставила его руку дрогнуть и опуститься. Она наверно даже не поняла, что инстинктивно закрылась руками и согнулась,

содрогаясь в ожидании удара, а потом упала на колени и начала лихорадочно собирать осколки у его ног. Так реагирую те, кто боятся и знают, что такое избиение. Но как она могла об этом знать, если Ник никогда не бил ее, а пощечины все же не в счет? Впрочем, возможно она хорошая актриса и хотела, чтобы он пожалел. Николас снова пригубил бутылку. Он не заметил, как уже откупорил вторую. Вернулся из Лондона, увидел ее и всю душу наизнанку вывернуло. Им явно тесно под одной крышей.

– Он тебя бил? – угрюмо спросил Криштоф, усаживая меня на постель. Я отрицательно качнула головой и легла на подушку. Нет в этот раз не бил. В этот раз пожалел или я быстро сдалась. Криштоф еще долго смотрел на меня, подрагивающую как от холода. Потом набросил одеяло и ушел. И я была рада. Мне нужно было побыть одной. Невыносимо хотелось закрыть глаза и заснуть. Провалиться в сон и забыться. И моя мечта исполнилась – я уснула. Только лучше бы я вообще не спала, этой ночью я впервые за много лет увидела сон. Нет не сон, а кошмар. В нем я вновь висела, голая, у позорного столба и меня хлыстали кнутом. Лицо своего мучителя я не видела, но я знала кто он – это мой муж и он будет бить, пока не убьет меня. Самое страшное, что во сне я его боялась и не просто боялась, я его ненавидела. Разбудил меня Криштоф, долго тормошил пока я не села на постели пытаясь понять, что я все же не в аду Берита. Хотя кто знает, возможно, через время мой сон сбудется. Криштоф закрыл на защелку дверь в моей каморке и сел напротив меня на облезлый табурет.

Я, пошатываясь, прошла по комнате в ванную и умылась холодной водой, почистила зубы и вернулась. Криштоф все еще сидел на табурете и смотрел на меня.

– Расскажи мне, – попросил он, – расскажи мне почему ты их убила. Я просто хочу понять, как ты могла причинить зло своим родным, а вчера спасла прислугу от гнева Николаса. У меня все это не укладывается в голове. Я устало присела на краешек постели. На мне все еще было вчерашнее платье, а волосы выбились из прически и свисали мне на глаза. Неужели кто-то и правда готов выслушать мою версию. Неужели я смогу рассказать хоть кому-то весь тот кошмар, что происходил со мной в аду демона. Смогу ли я передать словами весь мой страх и все мои надежды? Но несмотря на сомнения я рассказала. По мере того как я говорила ворожение лица моего нового друга, а в том что он мне друг я уже не сомневалась, менялось. Теперь он смотрел на меня иначе и в его глазах – невыносимая горечь и сочувствие, я понимала, что он мне верит. Когда я закончила, Криштоф отошел к маленькому окошку, ему словно, воздуха не хватало. Я видела, что он напряжен и ждала его приговора. Поверит ли он мне? Звучит ли моя история правдоподобно или можно даже не пытаться рассказывать ее кому-то?

– Вы рассказывали об этом вашему мужу? – глухо спросил Криштоф, и я вдруг поняла, что он снова обратился ко мне уважительно, как к своей госпоже. На душе потеплело. Впервые за этот месяц.

– Нет. Он не станет даже слушать. Это бесполезно совершенно. А доказать я ничего не могу. Спасибо, Криштоф за то, что выслушал. Мне так хотелось все это выплеснуть из себя. Криштоф посмотрел на меня с таким сожалением, что даже мне стало себя жалко.

– И вы позволите ему карать вас за то, что вы не совершали? Вы позволите ему втаптывать вас в грязь? Я вздохнула, поправила выбившиеся из прически волосы.

– У меня нет выбора, Криштоф. Я в его власти. Мои родители от меня отвернулись и только богу или черту известно смогу ли я когда-нибудь доказать свою невиновность.

– Не пойму вас, если вы не виновны, вы должны бороться, доказывать, убеждать. Я усмехнулась.

– Бороться с кем? С ним? Ты считаешь это возможным? Кроме того я все еще… Я не договорила, голос дрогнул, я словно поперхнулась. Криштоф нервничал.

– Вы все еще его любите, да? Несмотря ни на что любите. Так не может продолжаться дальше – он вас убьет.

– Мы ничего не можем сделать, ничего не можем доказать и я прошу тебя забыть обо всем, что рассказала. Мне достаточно, что ты мне веришь Криштоф. Для меня это ценно. Ты даже не представляешь насколько. Я справлюсь с Ником, или нет, это уже не важно, но я не хочу чтобы ты пострадал от его гнева.

– Я его не боюсь и спокойно смотреть, как он вас бьет и истязает не смогу. Больше не смогу, мне и раньше с трудом удавалось держать себя в руках, а сейчас я, наверное, не сдержусь. Я почувствовала, как меня наполняет благодарность, нежность к Криштофу. Я не хотела, чтобы Ник его убил или выгнал. Он этого не заслуживает.

– Криштоф, я прошу тебя, пообещай мне, что все это останется между нами. Пожалуйста, не заставляй меня жалеть о том, что я тебе все рассказала. Он кивнул. А я подошла к нему и обняла. Вот так просто обняла. Мне нужна была эта защита, его надежность и сочувствие, но он вырвался и просто исчез. Тогда я не понимала почему, я пойму это позже, гораздо позже. Сейчас я боялась, что у Криштофа могут быть неприятности, если он вмешается, да и у меня тоже. Я стянула с себя платье, швырнула на постель, затем чулки, но вот с нижним бельем я расстаться уже не могла. Ощущение шелка на моей коже мне понравилось. Словно я украла кусочек роскоши и спрятала от всех. В неизвестном месте, где никто не мог этого видеть. Сегодня среда и я дежурю в конюшне, я буду мыть моих любимых лошадок, чистить их шерсть. Для меня это было отдушиной. Будь моя воля, я бы работала только в конюшне, мои питомцы встречали меня радостным ржанием. Они всегда были мне рады. Я облачилась в серую юбку и белую блузку, натянула чулки. Сегодня придется работать в сапогах на улице, несмотря на солнце сильный холод, и я в туфлях просто замерзну. Сегодня я впервые поймала себя на мысли, что не жажду снова увидеть мужа. Наверное, именно в этот момент во мне начало пробуждаться желание разлюбить его. Это было началом конца, как я тогда думала. Точнее я очень хотела этого, я хотела верить, что когда-нибудь смогу его разлюбить, смогу излечиться от своей зависимости, от постоянного желания находится с ним, несмотря ни на что, от своего безумного желания принадлежать только ему. Завтрак я пропустила, но есть мне не хотелось, сегодня у меня не было желания идти в общую столовую. Может, я схожу на обед.

Как только я увидела своих любимцев, то забыла обо всем, они тыкались в мою ладонь своими шершавыми губами. Вот где есть искренняя любовь, настоящая, где нет лжи и обмана. Я увлеклась своей работой, расчесывала мягкую гриву своего любимого Люцифера, натирала до блеска его бока, принесла свежей воды. Люцифера привезли из Лондона год назад, за это время ужасно по нему скучала. Сейчас он нежно толкался в мою ладонь. Я прижалась к его горячей морде, и поцеловала. С Люцифером у нас особая связь всегда, он чувствует меня как родной. Вот и сейчас он терся о мою щеку, как бы успокаивая. Присутствие постороннего заметил он, а не я, конь отреагировал радостным фырканьем, и я поняла, что здесь есть кто-то не посторонний для него, я обернулась и замерла. Ник стоял у двери, сложив руки на груди, и наблюдал за мной. Как всегда в его присутствии мне стало жарко, кровь тут же бросилась в лицо. Но больше всего меня насторожило выражение его лица. Он просто пожирал меня взглядом и в его глазах не было того омерзительного блеска безразличия. Наоборот его глаза горели. Я проследила за его взглядом и вдруг поняла, что моя юбка завернута до самых бедер,

кофту я сбросила, чтобы не мешала, рукава закатила и сейчас я выгляжу настолько непристойно, что впору спрятаться и не высовываться от стыда. Пока я мыла коня вода забрызгала мою блузку, и она прилипла к телу, отчетливо обрисовав грудь. Я попыталась одернуть юбку, но как назло ткань прилипла к моим ногам и не поддавалась. Я видела, что Ник все еще смотрит на меня и почувствовала, как по спине стекают ручейки пота. Мне уже было невыносимо жарко. Наконец-то удалось одернуть проклятую юбку, я повернулась к коню и принялась более яростно чистить его лоснящийся бок. Мои мучения продолжаться и сегодня.

– Никогда не думал, что в тебе столько скрытых способностей. Служанка, конюший, уборщица, шлюха. Удивительно как все это умещается в хрупком и слабеньком теле. Я судорожно проглотила слюну, но тереть Люцифера не перестала. Он появился и заполнил собой все пространство, заставил меня снова нервничать. Рядом с Ником я чувствовала себя беспомощной, стоит ему захотеть и он разбудит во мне неукротимый пожар. После вчерашнего унижения я не хотела это испытывать, я хотела его ненавидеть.

– Кстати туфли ты чистишь отвратительно. Я повернулась к нему и яростно бросила ему в лицо:

– Если ты не забыл я из королевской семьи и меня не учили всему этому никогда. Если тебе не нравится как я работаю – выгони меня. Он усмехнулся. Сейчас он выглядел довольно спокойным, удивительно спокойным как хищник, играющий с жертвой. Тогда я еще не понимала, что это хуже чем когда он в ярости. Он готов к прыжку, к нападению.

– Выгнать из тюрьмы? Дорогая, ты когда-нибудь слышала, чтобы выгоняли тех, кто приговорен к пожизненному заключению? Я посмотрела на него и мне захотелось зажмуриться, чтобы снова не чувствовать эту порочную власть надо мной, над моей волей.

– Зачем я нужна тебе? Зачем? Ты меня ненавидишь, ты не переносишь одного моего вида. Чтобы играться со мной, развлекаться, унижая меня? Делать мне больно? Он снова усмехнулся и тут же оказался с другой стороны от меня.

– Если бы я не знал, что тебе больно, я бы перерезал себе горло или вонзил кол в сердце. Для меня одна отрада – твои страдания. И это было правдой, я видела это по его глазам.

– Тебе не говорили, что слуги не имеют права снимать кофты с наметками и разгуливать в непристойном виде? Я промолчала, а он теперь стоял сзади, и я знала, что он смотрит на меня, прожигает меня насквозь.

– А может так задумано. А жена? Ведь можно совратить кого-то из слуг и сбежать. Верно?

Я не отвечала ему. Он напал на меня совершенно неожиданно. Всего секунду стоял сзади и вдруг уже сгреб меня в охапку и прижал к стене.

– А может уже кто-то и соблазнился на отвергнутую маленькую и беззащитную девочку? Ааа? Марианна? Может ты уже нашла себе покровителя ведь у тебя так легко получается окручивать мужчин. Нежная, ранимая жертва ведь это работает? Скажи, работает?

– Я не пробовала, – хрипло ответила и увидела его губы совсем близко, в голове мелькнула мысль, что я безумно желаю его поцелуев, что я хочу, чтобы он терзал мой рот, я хочу чувствовать его вкус, я даже хочу, чтобы он погрузил в него свой член как несколько дней назад. От этих мыслей мои соски напряглись, налились. Он перевел взгляд на блузку и долго осматривал упругие комочки натянувшие ткань. Это было неосмотрительно с моей стороны не надеть лифчик именно сегодня. Физическое влечение к нему оставалось основной помехой на

пути к полному отчуждению. Я возбуждалась только от его взгляда. Внизу живота стало горячо, между ног пульсировало желание, бешенное, неконтролируемое желание и я ненавидела себя за это. Несмотря на то, что он снова меня оскорблял, я уже понимала, что сейчас произойдет. Он возьмет меня в этой конюшне. А я как бесхребетная дура именно этого и хочу. Это еще одно унижение, с помощью которого он хочет показать мне кто мой хозяин и все во мне взбунтовалось, я впервые воспротивилась, я не хотела удовлетворять его потребность порабощать меня. Откуда только взялись силы, я его ударила по щеке. Он не ожидал и не успел отреагировать. Теперь его зрачки сузились, и я приготовилась к тому, что сейчас он даст мне сдачи, но вместо этого он разорвал мою блузку и пуговицы отлетели в разные стороны. Рванул меня к себе за шею, но я уперлась руками ему в грудь.

– Не смей, – прокричала я – нет.

– А кто запретит мне? Ты? Он отвел мою руку в сторону, но я снова силой оттолкнула Николаса и бросилась к выходу из конюшни. Безумная, я думала, у меня получится сбежать. Я не успела сделать и двух шагов, как он настиг меня и повалил в сено. Завязалась борьба, в которой я поняла, что не так уж и слаба. Ник завел мои руки за спину, сейчас его глаза полыхали красным огнем, и я понимала, что рано или поздно он победит. Я не смогу долго сопротивляться. Его левая рука уже задирала мою юбку вверх, коленом он раздвигал мне ноги. Другой рукой удерживал меня придавленной к земле.

– Нет. Слышишь, нет. Я не хочу. Слышишь, не смей, я не хочу.

Но мои крики просто дразнили его, и он распалялся все больше. Теперь он закрыл мне рот рукой, и я его укусила, со всей яростью на которую была способна. Я не шлюха, я не животное и безропотно ему не покорюсь. Он отнял ладонь, посмотрел на рану и усмехнулся, а потом ударил меня по губам.

– Хозяйские руки не кусают. Я плюнула ему в лицо. Пусть бьет, пусть забьет меня до смерти, но я не покорюсь.

– Играешь со мной да? Хорошо, давай поиграем, но по моим правилам.

– Я не играюсь, я просто не хочу тебя, не прикасайся ко мне. Не смей. Сейчас ты еще и изнасилуешь меня, ведь ты сильный, тебе все можно, потому что ты сильнее? Отказ женщины ведь ничего для тебя не значит! Сама того не ожидая я его задела. Задела сильно, он ослабил хватку. Наверное, когда я дала ему пощечину, он не был так поражен как от моих слов. Муж пристально на меня посмотрел, а потом вдруг хрипло сказал:

– Я докажу тебе, что хочешь, я сделаю все чтобы тебе это доказать.

Его рука скользнула по моему бедру над чулками, отодвинула кружево трусиков. Я яростно дергалась под ним, пытаясь его оттолкнуть ногами. Но у меня ничего не вышло. Вскоре его пальцы все-таки достигли своей цели, грубо вошли в мое лоно, и я закусила губу. Сейчас он поймет, что я ему вру. Что я хочу его, что мое тело отреагировало еще, когда он просто смотрел на меня издалека. Ни его грубость, ничего не изменит моей болезненной тяги к этому палачу. За это я начала себя презирать именно с этой минуты. Он засмеялся мне в лицо и, вытащив пальцы из моего тела, показал мне, что они блестят от моей влаги.

– Не хочешь? А по-моему ты возбуждена до предела. Грубость тебя явно заводит. Демон был прав ты порочное существо жадное до удовольствий, и ты знаешь – меня заводит, когда ты сопротивляешься. Он снова погрузил в меня пальцы, и я стиснула зубы, чтобы не застонать и не доставить ему такого удовольствия. Но становилось все труднее сопротивляться. Он знал,

mir-knigi.org

как свести меня с ума. Там внутри меня его пальцы перестали быть грубыми, теперь он делал все, чтобы выбить из меня стон. Но я поклялась себе, что не пошевелюсь, не произнесу ни звука. Пусть насилует и радуется, что я не сопротивляюсь. Теперь его дерзкие губы теребили мои затвердевшие соски. Он покусывал их, страстно ласкал языком, неумолимо подводя меня к той грани, за которой я забуду обо всем и позволю ему или стану умолять прекратить эту пытку. Никогда не покорюсь насилию больше. И я выбрала другую тактику, я перестала сопротивляться совсем, я расслабилась. Ему нравится, когда я вырываюсь – так пусть берет холодную ледышку. Он уловил перемену во мне мгновенно, но решил, что я просто покорилась, теперь он уже возился со своей ширинкой. Его член погрузился в мое лоно до упора одним резким ударом. Я знала, что сейчас он смотрит в мое лицо, ожидая реакции, ее не последовало.

– Смотри на меня! – прорычал он. Я открыла глаза и теперь вложила в свой взгляд все мое презрение к нему. Он двигался быстро, глубоко приподняв мои ноги за колени, а я смотрела в потолок и молилась, чтобы не подчинится своему телу. Ник злился, я чувствовала по его толчкам, по его яростным сдавленным стонам. Он бесится, он не понимает, что происходит.

– Давай, смотри на меня, Марианна, не притворяйся, ведь тебе нравится то, что я делаю с тобой. Давай Марианна, покажи мне, насколько ты развратна. Покажи мне, что ты меня хочешь. Но я смотрела в потолок, по-прежнему стараясь унять дрожь приближающегося оргазма. И мне удалось, думая о его грубых словах, о том, как вчера он заставил меня вытирать свои туфли. Я думала о том, что еще он приготовил для меня? Как он унизит меня завтра?

Ник резко из меня вышел из моего тела, и теперь я видела, что между его густых бровей пролегла складка. Он раздвинул мне ноги и осторожно раздвинул влажные лепестки моего лона пальцами. Теперь и он сменил тактику, его прикосновения стали осторожно умелыми, он нежно надавливал на мой клитор. Настолько нежно, что я почувствовала, как вся моя уверенность в собственных силах исчезает, Ник знает мое тело лучше меня. Я прикусила губу до крови. Только бы не застонать, не показать ему, что я на грани. Меня начала бить дрожь, он невероятного напряжения, от этой дикой внутренней борьбы. Я зажмурилась, сжимая руки в кулаки, и вдруг взвилась, когда почувствовала совсем другие прикосновения, мягкие, скользкие и острые. Меня ужалила вспышка дикого удовольствия, и я пропала. Дернулась в его руках, но его пальцы сильно сжимали мои ягодицы не давая пошевелиться. Если раньше такие ласки были прелюдией к самому вторжению, сейчас он решил показать мне всю свою власть над моим телом. Язык скользил, бился, трепетал, опять нежно гладил, а потом он обхватил клитор губами, и я уже вскрикнула, больше не было сил сопротивляться, я впилась пальцами ему в волосы, притягивая его голову еще ближе, жадно требуя разрядки. Меня колотило, подбрасывало, но сейчас Ник уже управлял мною полностью и он мучил меня не давая кончить, показывал, кто мой хозяин и я уже готова была на все что угодно. Наконец-то он позволил мне кончить. Взрыв оргазма оказался ошеломляюще острым, измученная долгой пыткой, я уже не слышала, не понимала, что громко выкрикиваю его имя, изгибаюсь навстречу языку, который вырвал наружу невыразимую вспышку, оглушительную и разрушающую меня изнутри. Я всхлипнула, содрогаясь всем телом. В тот же миг он снова наполнил меня всю до упора, продлевая удовольствие, выбивая из меня крики каждым толчком. Не помня себя от страсти, я царапала его спину, оплетая его бедра ногами, впиваясь жадными руками в его беспрестанно двигающиеся упругие ягодицы. Эти грубые, резкие толчки превратили меня в бешеное животное.

Новый приступ наслаждения оглушил, лишил разума, я почувствовала, как он стиснул меня еще сильнее и излился в мое дрожащее и мокрое от пота тело. Ник настолько сильно прижал

меня к себе, что у меня разболелись ребра. Когда он, молча, встал с сена, я все еще лежала с закрытыми глазами неистово себя, презирая и его тоже.

– Обвинить меня в насилии не получится, под насильниками не кончают как бешеные самки. Берит был прав – ты очень горячая штучка. Кстати забавно, ты, наверное, всем своим мужчинам признаешься в любви, поистине замарала такое прекрасное слово. Хотя, может в этом и есть твое проявление чувств. Наверное, ты любишь всех своих мужчин, ведь они дарят тебе удовольствие. Кстати, мне понравилось. Довольно неплохо, даже лучше чем раньше. Мне следует тебя наградить. Я позволю тебе появляться в правом крыле дома и возможно даже расширю твою комнату. Послушных женщин всегда нужно поощрять. Я мог бы дать тебе денег, да они тебе здесь явно не нужны. Он ушел, а я свернулась калачиком на сене и тихо себя ненавидела. Нет, он не поверил в то, что я хочу именно его, что он единственный кто когда-либо ко мне прикасался, наоборот, чем больше я открывалась перед Ником, тем более развратной он меня считал, словно испытывать страсть это порок, за который нужно карать. Для него это было доказательством, что я могла вот так же отдаться кому угодно. Я дала себе слово, что больше не подпущу его к себе, не позволю, не дам ему новых поводов для издевательств. Следующего раза не будет. Пусть лучше бьет, пусть оскорбляет. Но я и не представляла себе, что ждет меня дальше.

12 ГЛАВА

Я лежала в сене и чувствовала себя опустошенной, вывернутой наизнанку и политой грязью. Все что Ник мне сейчас сказал, резало сильнее, чем нож, больнее, чем плети. Я не знаю как эта безумная идея пришла мне в голову, но наверное я достигла той грани, когда у меня уже не было сил терпеть. Люцифер трогал меня шершавыми губами. Я посмотрела в его каштановые глаза и поняла, что если не попытаюсь, то никогда себя не прощу.

Когда я села верхом на коня и почувствовала коленями его упругое тело, то мной овладело безумная жажда свободы. Так случалось всегда, когда ездила верхом. Я погладила Люцифера между ушами и сжала его бока коленями. Я понимала, что совершаю безумный поступок, но тогда я не видела другого способа вырваться из этого ада, который Ник мне устроил и по сравнению, с которым Берит казался просто ребенком. Ник ломал меня, он раздирал меня на части, понукая и лаская. Еще немного и я стану тряпкой, его подстилкой он уничтожит мое самоуважение, он втопчет меня в грязь. Я направила Люцифера к ограде, мысленно прикидывая, сможет ли конь перескочить через нее, если разогнаться посильнее, наверное, сможет. А если нет, то мы вместе с ним свернем себе шею. Я думала пару секунд, а потом пришпорила Люцифера, и он помчался галопом. Мы приближались к ограде, и я уже была неуверенна, что он возьмет эту высоту, но уже было поздно тормозить, только прыгать вперед.

– Давай, миленький, не бойся! – я снова ударила пятками по бокам доверчивое животное, и конь почти взвился в прыжке, как вдруг неимоверная сила рванула его вниз. Я не сразу поняла, что происходит, меня выбило из седла, и я покатилась по снегу. От сильного удара у меня даже потемнело в глазах, а потом я увидела совершенно потрясающую и завораживающую картину. Ник повис на шее животного, заставляя его успокоиться. Пока он был занят Люцифером, я поднялась на ноги побежала. Ник преградил мне дорогу ровно через несколько секунд, его грудь бурно вздымалась, глаза сверкали яростью.

– Ты идиотка ненормальная! Вы бы вместе свернули шею! Зачем ты это сделала? Какого черта?!

– Лучше сдохнуть, чем оставаться с тобой под одной крышей! – выпалила я – Никогда больше не смей ко мне прикасаться. Никогда. Иначе я за себя не отвечаю. У меня началась истерика,

и я уже не могла остановиться:

– Я ненавижу тебя! Ты палач! Ты безжалостное чудовище! Ты мне отвратителен! Ты именно такой, каким, все тебя считают – бесчувственный монстр. Он захохотал, и я зажала уши руками, больше не в силах выносить даже звук его голоса.

– Верно, милая. Я монстр. Я твой палач. Все верно. А брать тебя буду когда захочу и мне плевать что ты по этому поводу думаешь. Считай это насилием, наказанием, наслаждением. Так что можешь не искать причину для своей смерти и умрешь ты тогда, когда я позволю. Когда ты мне надоешь или я найду другую любовницу. Хотя, такую горячую как ты найти будет трудно. А теперь иди к себе. Я не помню, как оказалась в своей каморке. Я захлопнула дверь и бросилась на постель. От бессилия я зарыдала. Слезы стали уже моим привычным спутником. Я ненавидела его за то, что он меня спас. Ведь Ник это сделал для себя, чтобы потешить свое самолюбие, а мне показать, что я просто былинка. Лучше бы мы разбились с Люцифером в то утро. Так было бы лучше для меня.

Но с этого дня все изменилось. Ник сознательно меня избегал и я начала постепенно успокаиваться, если в моем состоянии это вообще было возможно. Он больше не звал меня к гостям, я даже не знаю, что он им говорил, про мое отсутствие, а чаще всего он отсутствовал сам. И я чувствовала облегчение, хотя иногда мне казалось, что он стоит вдалеке и наблюдает за мной, я вздрагивала, оборачивалась, но его там не было. Хотела ли я его видеть? На это у меня не было однозначного ответа, видеть его я хотела всегда. Но я боялась, не его, а напрасно, я боялась себя. Боялась, что он меня все же сломает, превратит в тряпку, в свою рабыню и что хуже всего мне это будет нравиться. Тогда я перестану себя уважать. Я уже себя не очень уважала. Когда тебе постоянно говорят что ты шлюха и ничтожество, поневоле начинаешь в это верить. Может я и правда развратное существо? Может, я должна быть скромнее и на ласки отвечать по-другому, но ведь Ник меня сделал такой. Все что я знаю про плотскую любовь – это то, чему он меня учил. Я такая, какой он хотел меня видеть и другой я уже не стану. Но ведь только с ним, никогда ни один мужчина не привлекал меня. Их просто не существовало, для меня они все были бесполыми. Не мужчинами. Моя жизнь дома снова стала спокойной, если можно это так назвать, невероятно спокойной, никому не было до меня дела. Только Криштоф иногда приходил в мою комнатушку, и мы разговаривали ни о чем. О моем прошлом не вспоминали, не затрагивали эту тему. Он как-то попытался, но я дала понять, что мне слишком больно об этом говорить. А потом и Криштоф начал приходить ко мне все реже и реже. Я не понимала, что происходит и отчего он меня избегает, пыталась с ним поговорить, встретить его в лабиринтах дома, на улице. Но он меня избегал. В конце концов, я и с этим смирилась. Во мне вообще проснулась уйма смирения. Кстати слуги стали относится ко мне совсем иначе, меня уже не игнорировали, со мной даже разговаривали, а однажды та девушка, которую я защитила от Ника, она принесла мне цветы. Просто постучала в мою каморку и подарила букетик. Где только взяла посреди зимы? Мне всегда было интересно – догадываются ли слуги у кого работают? Ну, чувствуют ли они запах смерти в этом доме? Запах крови? Ведь холодильники в подвалах забиты ею до отказа. Хотя, судя по всему, нет. Они и представления не имели, что работают у вампира и с вампирами. Я начала успокаиваться, меня радовало, что Ник обо мне забыл, а если и не забыл, то просто меня не трогает. Скучала ли я по нему? Скучала, очень скучала. Но не по тому чудовищу, которое топтало меня последнее время, а по тому Нику, который меня любил. Иногда я плакала. Точнее плакала я каждый день каждую ночь. Слезы давали мне возможность выплеснуть всю мою боль. Тогда мне становилось немножко легче. Единственное, что омрачало мои серые будни, отсутствие общения с Криштофом и вскоре я поняла, почему он меня избегает. Я почувствовала присутствие еще одного вампира. То есть дом был и так полон ими, но для меня их запахи были привычной повседневностью, так же как и запах Ника, я точно знала здесь он или уехал. Даже

знала примерно в какой части дома он находится, что помогало мне искусно избегать с ним встреч. Нет, это был особый запах. Запах женщины. В доме появилась женщина и не просто появилась, она присутствовала в нем постоянно.

Вначале я думала, что это снова гости, потом думала, что кто-то из слуг приводит свою любовницу, но я ошибалась. Любовницу привел мой муж. Это открытие привело меня в состояние шока. Я отказывалась в это верить. Я искала иные причины, я запрещала себе об этом думать, но факт оставался фактом и вскоре об этом заговорили слуги. Они уже меня совсем не стеснялись, время моего царствования прошло, и теперь я исполняла иную роль при дворе князя Николаса. Мне это напомнило историю Анны Болейн. В свое время я немало слез пролила над ее горькой судьбой. Но я все равно не хотела верить. До последнего, отрицая любую вероятность подобной низости со стороны мужа. Я горько ошибалась, ему было наплевать на мои чувства и на сплетни слуг. Он прекрасно понимал, что я об этом узнаю. Он не просто развлекался со случайной подругой, у него появилась постоянная женщина и с недавнего времени она жила в нашем доме, в нашей спальне. Я убедилась в этом лично. Ник позаботился, чтобы я все увидела своими глазами. Он мне мстил, яростно беспощадно мстил за то, что видел сам. Я его понимала. То есть одна часть меня понимала, а другая истекала кровью. Все кончено. Теперь все кончено на самом деле и у меня появилась замена. Больше Ник не придет ко мне. Он сам говорил, что оставит меня в покое когда найдет новую любовницу. Он сдержал слово и нашел ее очень быстро. Ночами я грызла подушку, и рвала ее зубами и выла. Не знаю, слышал ли кто-то мои жуткие завывания, но мне было наплевать. Мною постепенно овладевало дикое желание умереть. Я устала страдать, у меня уже не осталось сил. Наверное, у каждого есть своя мера страданий и моя тоже иссякла. Так я думала. Я ошибалась, Ник не считал, что с меня достаточно он приготовил мне еще много сюрпризов, он решил растоптать меня окончательно. Этот день я наверное буду помнить всегда… Именно этот день и эту ночь.

Наверное, никто не смог бы забыть такое. Он начался совершенно необычно хотя бы, потому что ко мне снова пришел Криштоф и принес мне кусочек света, кусочек счастья, он принес мне надежду. Осторожно достал маленький клочок бумаги и передал мне. Когда я прочла меня начало просто трясти, в самом прямом смысле этого слова у меня зуб на зуб не попадал. Записка была от мамы и Кристины. Со стороны, наверное можно было подумать что я сошла с ума – я целовала этот кусочек бумаги, я прижимала его к лицу, я даже его нюхала. Он пах любовью, он пах детством, он пах моей мамой.

«Милая, любимая Маняша. Я знаю как тебе плохо. Я знаю как тебе больно. Я страдаю и плачу каждую ночь. Я чувствую тебя, моя девочка и я хочу, чтобы ты знала – я и твоя сестра делаем все, чтобы вытащить тебя из этого кошмара. Люблю.

Твоя мама»

Всего три предложения, а мне казалось там вся моя жизнь. И я начала дышать, полной грудью у меня появилась надежда. Мама найдет доказательства, обязательно найдет. Она добьется своего не оставит меня, а Кристина маленькая проныра сделает все чтобы докопаться до правды. О, как же я их любила в эту минуту, до боли, до слез. Криштоф сказал, что записку нужно сжечь, но разве я могла отдать свою надежду языкам пламени? Я ее спрятала. Пообещала, что сожгу потом, а сама спрятала, чтобы перечитывать в минуты отчаянья. Я даже не знала что эти минуты совсем близко.

Вечером в доме было особо шумно. Вечеринка. Ник устроил пиршество, вакханалию, слуги

носились, как сумасшедшие, а я прислушивалась к музыке, доносившейся из залы и гадала какая она? Какая она та женщина, которая меня заменила в его жизни и постели? Как она выглядит? Она красивая? Она его любит? А он? Что чувствует он? Он называет ее своей малышкой? Это сводило меня с ума. Впрочем, скоро я все узнала сама. Ник не мог не причинить мне еще страданий он и так слишком долго меня не трогал. Ближе к полуночи слуг созвали для наваждения порядка, обычно меня никогда не брали для уборки в правом крыле дома, а сегодня почему-то позвали и меня. Нам было приказано убирать за гостями. Всем выдали аккуратные передники, тряпки и тазики с водой. Каждому выделили по мусорному мешку и отправили по разным этажам и комнатам. Когда я поняла, где буду убирать я – мне стало нехорошо. То есть я чувствовала, что может произойти что-то, что меня окончательно сведет с ума, я боялась переступить порог нашей спальни, но управляющий был неумолим. Он сказал, что там повсюду пустые бутылки, тарелки и я должна все это собрать и вынести на улицу. Он забыл мне сказать только одно, что в комнате будет хозяин дома.

Впрочем, зачем? Ведь слуги это никто, при них можно делать все что угодно, как и при мебели. Разве может волновать, например присутствие в комнате стола, стула?

Так же и слуги – часть общего интерьера. Когда я отворила дверь в спальню и тихо переступила порог, то тут же замерла. На постели двое неистово занимались любовью. Дико, страстно. Я слышала стоны женщины. Она извивалась под сильным бронзовым телом моего мужа. Я видела его сильную спину, мышцы ягодиц, судорожно сжимавшихся при каждом толчке. Меня затошнило. Я схватилась за горло и выронила тазик с водой. Женщина вскрикнула, а Ник резко обернулся, окинул меня взглядом полным триумфа, но женщина уже не хотела продолжать, она выбралась из-под него, хоть он и пытался ее удержать, набросила халатик и в гневе на меня посмотрела.

– У тебя безмозглые слуги, Ник. Почему они входят в твою спальню без стука? Эта дура испортила твой ковер и заляпала все водой. Голос женщины доходил до моего сознания словно сквозь вату. Я смотрела на Ника. Она перестала меня интересовать в ту же секунду, как я ее увидела. Потом я буду вспоминать как она выглядела, потом спустя много времени, пытаясь понять чем она оказалась лучше меня, но сейчас я смотрела на него с болью и страданием, а он…он улыбался. Голый, красивый как бог, не потрудившийся даже прикрыть свою восставшую плоть. Он закурил сигару и небрежно бросил:

– Мелисса, я могу ее наказать, если ты захочешь. Сейчас она соберет все бутылки и уйдет, а завтра ее запрут в подвале с крысами, или просто уволят. Женщина продолжала ходить возле меня кругами:

– Неслыханная наглость она тебя рассматривает. Эй ты! Пошла вон! Пусть другая тут уберет! Слышишь? Поди прочь отсюда. Я медленно попятилась к двери и вдруг она меня схватила за руку:

– Погоди-ка…Я где-то ее видела…не так уж давно. Да, я ее видела. Дьявол, Ник, с каких пор ты покупаешь наложниц Берита? Я видела ее у Берита, у этого развратного демона…Хахаха. Точно. Она была девкой Берита. Ник?

Я уже ничего не слышала, я бежала к себе в каморку. По моему лицу катились слезы, а сердце содрогалось в агонии. Если Ник хотел меня убить, то у него это получилось именно сейчас, а не чуть позже, когда он пришел ко мне в комнату. Да он пришел спустя час. Он пришел меня убивать. Я поняла это по его лицу, когда посмотрела в глаза моего палача – в них был приговор. Тогда мне уже было все равно. Я уже умерла, это мое тело с остекленевшим взглядом лежало на постели, душу, он растоптал. Он открыл дверь в мою комнатку ногой,

точнее он ее выбил. Я успела заметить в его руке хлыст еще до того как поняла, что он хочет со мной сделать, а потом начался ад. Наверное, даже сейчас моя память щадит меня и не дает вспомнить все в подробностях. Он меня бил, нет не бил, он меня убивал. Его удары сыпались на меня бесконечно, и я даже перестала их чувствовать через какое-то время. У меня не было сил сопротивляться, я просто тихо хрипела, когда хлыст и кулаки сыпались градом на мое тело, я слышала только одно:

– Я лучше убью тебя, чем еще раз услышу, кому ты принадлежала, лучше убью, убью тебя, Марианна, но больше никто тебя не узнает и не скажет мне, чья ты подстилка.

Убью…Это слово имело рифму со словом люблю. Для Ника они наверное составляли одно целое. А потом он меня насиловал. Я не могу это описывать – слишком больно. Это так больно, когда тебя рвет на части тот кого ты любишь. Я даже не представляла, что можно доставить такую боль, проникая в чье-то тело. Ник доказал мне, что можно. Именно он, тот, с которым я поднималась на самые острые вершины экстаза, бросил меня в кровавую пучину боли. Он врывался в меня яростно и безжалостно, а потом снова бил. Я помню, что в ту ночь его член побывал везде.

Он опробовал каждое отверстие в моем теле с особой жестокостью, он разрывал меня на части. Наверное, в тот момент исчезла всякая грань, отделявшая его от садиста убийцы. Я мечтала, чтобы он поскорее кончил и оставил мое несчастное тело, на котором не осталось живого места. Но это длилось безумно долго, он словно понимал, что сейчас он убьет меня и больше не сможет причинить боль, поэтому он растягивал удовольствие. Наверное, я плакала и кричала, наверное, я умоляла его остановиться, но я этого не помню. Я помню лишь, что он повернул меня на живот, вдавил мое лицо в подушку и насиловал меня, проникая сзади, то в одно отверстие то в другое, свободной рукой он полосовал мою спину. Даже когда его сперма растекалась внутри моего покалеченного тела, он все еще продолжал меня бить.

Остальное уже как в тумане, кто-то стащил его с меня, я слышала брань, крики, но все это затихало вдалеке, пока совсем не исчезло, и я не провалилась в кровавый мрак. Я словно выключилась. Как будто сломанная кукла. И я молила бога о смерти.

Я не хотела оживать. Я хотела умереть. Чтобы никогда не вспоминать об этой ночи. Только мертвым дано такое счастье – забвенье.

13 ГЛАВА

Ник ввалился в спальню, окровавленный, обезумевший он зарычал, глядя на любовницу. Его облик напоминал зверя после кровавого пиршества. Его взгляд обезумел. Он разрезал вену и посыпал в нее красный порошок, а потом разнес все в комнате в щепки. Любовница смотрела на него, в полном недоумении, приподняв тонкие бровки, она как раз подпиливала ногти возле зеркала. Николас упал возле постели и закричал. Громко как смертельно раненный зверь, снова порезал вену уже на другой руке и высыпал целый пакетик.

– Эй, у тебя будет передоз! Ник, хватит! Он ее не слышал, казалось, наркотик не берет его, он метался по комнате и хрипел:

– Я убил ее…я ее убил.

– Кого? – спросила Мелисса и взяла флакончик с лаком – эту девочку что ли? Служанку?

– Я ее убил – выл Николас, срывая с окон шторы и разбивая стекла.

– Так, я похоже, отдохну в другой комнате пока ты перебесишься… Хммм, а за что ты ее убил? Из-за Берита что ли? Вот бедняга, я-то думала ты ее купил после того как тот измучил ее своими истязаниями. Вот бывает же не везет некоторым. Видно такая доля у этих наложниц. Мужчины стоит им дорваться до власти начинают деградировать. Сначала Берит ее бил за непокорность, теперь ты. Ник посмотрел на любовницу, потом схватил ее за горло и прохрипел:

– Что ты там бормочешь повтори?

– Совсем сдурел? Отпусти! Я не одна из твоих служанок! Ник немного ослабил хватку, но не отпустил:

– Что ты там говорила про Берита?

– Девка эта была очень строптивой, не покорилась демону. Он взбесился и устроил нам развлечение, думал, что сломает ее. Приказал пороть у позорного столба, а девка его обломала, ни пискнула. Я еще думала, что, наверное, он ее убьет. А ее убил ты. Не везет же некоторым. А вообще ты под кайфом. Отпусти. Ник медленно разжал пальцы. Мелисса смотрела на него с ужасом видя как его лицо приобретает пепельно-серый оттенок, теряя все человеческое.

– Пошла вон!

– Чтоооо?!

– Вон поди прямо сейчас, твое барахло тебе пришлют попозже. Все, я сказал! Вон! Ты мне надоела! Исчезни!

– Животное! – Мелисса хотела одеться, но Ник вытолкал ее за дверь и бросил ей вслед ее вещи.

Его лицо все еще сохраняло следы побоев. Криштоф напал на него неожиданно. Оно отодрал его от Марианны, которая уже не подавала признаки жизни. Ник даже не сопротивлялся, он смотрел на женщину остекленевшим взглядом. Лицо было единственным, куда не добрался его хлыст и кулаки, все тело покрыто жуткими ссадинами, местами кожа висела жалкими лохмотьями, руки безжизненно свисают с кровати, а на лице мука и глаза закрыты, ресницы мокрые от слез.

– Ты убил ее?! Боже! Ты ее убил?! Криштоф выволок его из комнаты, подальше от Марианны, швырнул о стену, и Ник, шатаясь, пошел к себе, перед глазами лицо Марианны, залитое слезами и перепачканное кровью. Он был опустошен. Ему казалось, что только что он убил себя самого. У него болела каждая клеточка тела, словно пороли и били его самого. Наркотик, который он принимал уже больше месяца, почти выветрился, и сейчас ему хотелось орать и выть. Слова Мелиссы еще не доходили окончательно до его помутненного сознания, но он понимал что только что совершил нечто жуткое, нечто такое после чего он, наверное, сойдет с ума.

Он выскочил из комнаты. Уже через несколько секунд он распахнул дверь каморки, но Марианны там не было. Он увидел лишь окровавленные простыни.

– Криштоф! Твою мать, где она?! Куда ты ее дел?! Ник облокотился о стену и сполз по ней на пол. – Куда ты ее дел? Куда дел? Покажи мне ее еще раз, Криштоф!!!!!

В то же самое время невдалеке от дома Николаса остановился автомобиль. Из него вышли две женщины, закутанные в темные плащи. Из темноты к ним навстречу шагнул мужчина с бесчувственным телом на руках. Женщины вскрикнули, но мужчина отрицательно качнул головой и тихо шепнул:

– Живая. Билеты есть?

– Да, быстрее. Личный самолет Влада ждет нас в аэропорту. Ты с нами? Криштоф прижал к себе бесчувственное тело Марианны, завернутое в покрывало.

– Я с ней. Лина кивнула и открыла перед ним дверцу машины сзади..

Криштоф осторожно положил свою ношу на сиденье и скользнул в автомобиль. Через минуту хлопья снега замели следы от покрышек, укрывая белым покрывалом черную беспроглядную тьму.

Несколькими днями ранее…

Влад сидел в кабинете и смотрел в пустоту, на столе неизменный виски и бокал. За это время он изменился, словно стал тенью прежнего себя. Большее время он проводил в одиночестве, избегая встреч с женой и партнерами по бизнесу. Всеми делами занимался его заместитель. С Линой его отношения накалились до предела. Все разговоры заканчивались скандалом. Они ругались по любому поводу, каждый из них был на грани, а дом превратился в поле боя. Услышав, как жена тихо зашла в кабинет, Влад поморщился от раздражения.

– Влад, нам нужно поговорить.

– Нет смысла, – ответил он не поворачивая головы.

– Влад, я так не могу, Влад…Черт возьми, посмотри на меня. Послушай.

– Просто уйди, Лина. Уйди.

– Ник… Влад, он ее убивает, я чувствую, он ее убивает… я так больше не могу…Пожалуйста, давай заберем ее, давай отдадим ее под суд, только не к нему. Влад.

– Не говори мне об этом, Лина. Просто не хочу ничего знать. Лина резко развернула его к себе за плечи:

– Словно страус голову в песок? Я не узнаю тебя? Ты что совсем бесчувственный, Влад? Это же наша дочь! Влад опустил глаза:

– Ник ее муж. Он сам разберется.

– Ник убьет ее. Ты не знаешь другого – у Ника пленка, где Марианна… где Марианны с этим Беритом. Он от ревности…Влад! Я чувствую, что там происходит что-то страшное.

– Замолчи, Лина. Не рви душу. Думаешь мне наплевать? Думаешь, мне не больно? Я просто не считаю нужным вмешиваться. И не буду.

– А если я поселю в тебе сомнения. Влад, мы с Кристиной много чего узнали и у нас уже есть доказательства, Влад. Дай мне показать тебе. Король посмотрел на жену и тихо сказал:

– Я видел своими глазами, Лина, какие доказательства, о чем ты?

mir-knigi.org

– Но если я все же докажу, если я покажу тебе, что-то, ты готов хотя бы попытаться выслушать? Влад, я прошу тебя, ну хочешь, я встану перед тобой на колени, просто дай показать тебе. Влад выдохнул, отпил немного виски.

– Хорошо, Лина. Давай. Покажи, если тебе станет легче, я готов тебя выслушать.

Лина выбежала из кабинета, а вернулась со стопкой книг и диском.

– Смотри… здесь в этой книге сказано… Влад гневно посмотрел на Лину, но она даже не заметила его взгляда:

– Ты рылась в книгах отца?

– Да! Я бы и в дерьме рылась, не смотри на меня так, Влад. Лучше смотри сюда. Она открыла старинный манускрипт.

– Вот читай здесь или лучше я прочту?

– Читай.

– Демоны создали свою тайную армию из дьявольских существ. Существ, умеющих принимать любой облик. Такие существа называются демоны-хамелеоны. Распознать такое существо безумно тяжело. Они принимают облик жертвы до малейшей подробности. Есть иногда отличия, но лишь незначительные, это касается родинок и шрамов. Отличить хамелеона все же можно. Если присмотреться к радужке его глаз, то вокруг зрачка проходит тонкая огненная линия, которую можно увидеть лишь зная о ней, и при очень близком контакте. Влад выхватил книгу из рук Лины и снова перечитал абзац, потом перевел взгляд на жену:

– Ты допускаешь… но ведь этой книге больше трех тысяч лет. Наверно этих тварей и нет вовсе, я о них и не слышал.

– Подожди, Влад. Я знаю, что в это трудно поверить, но я должна кое-что тебе показать. Тебе будет трудно смотреть эти кадры, но ты должен их увидеть снова. Лина включила ноутбук и поставила диск. Влад болезненно поморщился, он знал, что ему сейчас предстоит увидеть.

– Лина! Я не могу! Лина, не проси!

– Влад, любимый ради меня, пожалуйста, ты должен это увидеть. Она открыла файлы с фотографиями, сделанными из кадров записи с моментом страшной смерти Самуила.

– Смотри, вот здесь она немного повернулась, ты видишь ее спину, платье обнажает кусочек кожи. Что ты там видишь?

– Ничего…Лина, я ничего не вижу я лишь чувствую, что ты разрываешь меня на части.

– Вот именно – ничего, а должен видеть. Шрамы, Влад. У нее нет шрамов от крыльев, смотри ни на этом и ни на этом кадре. Видишь, нет шрамов? Влад схватил ноутбук и всмотрелся в девушку на экране.

– Что за дьявол?

– Смотри дальше. Там в конце ее лицо крупным планом. На последнем кадре застыло лицо с жутким оскалом. Лицо его старшей дочери. Влад всмотрелся в сиреневые глаза и

mir-knigi.org

почувствовал, как пол под ногами начинает вертеться, кренится. Вокруг черного зрачка Марианны, словно окольцовывая его как тоненькая ниточка, протянулась огненная полоска. Влад выронил ноутбук и резко закрыл лицо руками. Лина с триумфом смотрела на мужа. Она бросила взгляд на часы. Скоро должна позвонить Тина, сегодня у нее важная встреча и если эта встреча пройдет как надо, у них будут неоспоримые доказательства невиновности Марианны.

Кристина села за столик в маленьком ресторанчике и заправила пряди белокурых волос за ушки. Официант принес ей меню, и она ослепительно ему улыбнулась. Кристина нервничала и посматривала на часы. Тот с кем она должна была встретиться, нашел ее сам. Точнее искала она, а он вышел навстречу. Кристина никогда еще не общалась с подобной расой и у нее возникали определенные сомнения и поэтому на встречу, она приехала с телохранителями и назначила ее в людном месте средь бела дня. Когда ОН вошел в зал ресторана, Кристина почувствовала его мгновенно. Присутствие такого мощного заряда энергии она еще никогда не испытывала, к ней навстречу шел мужчина. Довольно красивый мужчина с совершенно белоснежными волосами и бородкой клинышком. Он сел за столик и улыбнулся девушке:

– Я Ибрагим, а ты как я понимаю сестра Марианны? Кристина снова улыбнулась, но улыбка получилась немного фальшивой.

– Знаешь кто я?

– Конечно, знаю. Только не думала, что ты выглядишь совсем как человек.

– Ну я могу заставить воспринимать меня по-разному. Они на мгновенье замолчали, а потом суккуб спросил:

– Тяжко ей сейчас да? Кристина кивнула.

– Доказательства? Она снова кивнула. Суккуб положил руку на стол и вложил в пальчики Кристины флэшку.

– Тут их предостаточно. В этот момент Кристина вскочила и прижала руки к груди:

– Как вы узнали?

– Я много чего знаю, девочка. Я много тысячелетий вытягивал из людей и других существ их души. Но такой светлой как у твоей сестры не встречал никогда. Наверное, она пробудила во мне что-то хорошее, если такое вообще может быть в пожирателе душ.

И он исчез. Просто растворился в воздухе, даже не попрощавшись. Кристина еще долго не могла прийти в себя. Она смотрела на черненький квадратик из пластмассы и думала о том, что иногда в такой хрупкой вещице может прятаться чья-то судьба, а еще ей хотелось рыдать от счастья. Она вернет Маняшу в семью. Она спасет свою любимую сестренку.

В этот же момент позвонила Лина, она была в истерике, Кристина еще никогда не слышала, чтобы ее мать так орала, срываясь на рыдания:

– Криштоф позвонил, Кристина бросай все, мы едем за ней, – Ник избил Марианну до полусмерти. Этот дьявол чуть не убил ее! Кристина ты меня слышишь? К черту доказательства – бросай все и поезжай домой! Сейчас! Кристина выронила мобильный, и он разбился на мелкие осколки.

mir-knigi.org

Влад осторожно как хрупкую стеклянную статуэтку взял Марианну из рук Криштофа. Его большие сильные руки тряслись, лицо исказила бол, ь слезы текли по щекам. Безвольная рука дочери свисала, как у сломанной куклы на ней виднелись синяки и ссадины. Влад закрыл глаза и сжал челюсти. Он внес Марианну в салон самолета и прижал к себе.

– Пакетики с кровью есть и капельница. Сейчас только это вернет ее к жизни, но раны глубокие и только одна кровь не поможет. Фэй исцелит ее.

– Значит к Фэй?

Влад, молча, кивнул и прижался ко лбу Марианны губами, закрыв глаза и укачивая как ребенка.

– Пусть Криштоф отвезет. Нам туда нельзя, к Фэй не должно приезжать такое количество бессмертных. Нас могут почувствовать, даже ищейки не должны знать где они сейчас с Велесом находятся. Только Криштоф может ехать с Марианной, там его знают. Лина установила капельницу, когда взяла руку дочери то не выдержала и зарыдала, покрыла ладонь поцелуями, прижалась щекой.

– Прости милая, я снова сделаю тебе больно. Лина засунула в вену тонкую иголку и снова поцеловала холодные пальчики Марианны. Она подняла к мужу лицо, залитое слезами, и гневно сказала:

– Я долго терпела, я позволяла вам ее убивать, а теперь я желаю его смерти, за то, что он с ней сделал. Ты должен казнить его, Влад! Король бросил взгляд на жену, потом на Марианну, казалось, она безмятежно спит. Он убрал прядь волос с ее лба, провел пальцами по бледной щеке и тихо сказал:

– Ты хорошо знаешь Ника, Лина. Ты знаешь его даже лучше чем я – он сам себя казнит, и поверь более страшного палача ему не сыскать. Лина посмотрела, как из капельницы медленно переливается кровь и тихо добавила:

– Знаю… но после того что он сделал с моей девочкой…господи, она от боли руки кусала, даже не представляю себе, как он зверствовал. Влад посмотрел на кисти рук Марианны и увидел явные следы укусов, он снова закрыл глаза.

– Лина, мы все ее приговорили, мы все были уверенны в ее вине. Может ты нет, но я видел все так же как и Ник. Виню ли я его? Мне больно, мне дико и больно, но я не смею его винить, ты сказала мне о пленке где демон и та тварь… Не знаю наверное я бы тоже тебя убил…Прости, Лина…я не буду казнить Ника но сделаю все, чтобы Маняша никогда больше не страдала. Если будет нужно – я их разведу. Если она этого захочет. Лина осторожно привлекла Марианну к себе.

– Выйдите, ты и Криштоф, нам нужно ее одеть. Я останусь здесь пока не увижу, что ей немножко легче. Потом они полетят к Фэй. Дай мне побыть с ней немножко. Кристина, ты взяла вещи? Бледная, как смерть, Кристина подала матери пакет, не глядя на Марианну, она всхлипнула и закрыла лицо руками:

– Разве это любовь?…Это безумие!..Безумие зверя, а не любовь! Все промолчали, говорить сейчас было тяжело. Ответить Кристине тоже. Мужчины вышли на улицу и стали у трапа. Влад слышал всхлипыванья Лины, и рыдания младшей дочери, иногда до него доносились обрывки фраз.

– Изверг, живого места на ней не оставил…как же так мама? Как же так?

– Он ее не только бил…он ее насиловал… Владу хотелось закрыть уши руками, желание убить брата поднималось волной ненависти в душе, но он не позволял себе поддаться этим эмоциям. Он понимал Ника, ужасался, сходил с ума от боли за дочь, но понимал. Ревность – жуткое чувство, оно разрушает, он и сам знал что это такое. Разве он не мечтал убить Лину? Только Лина не убивала его отца и не изменяла таким постыдным образом. Влад слишком хорошо знал брата, он понимал, что теперь тот сожрет себя сам. А еще Влад знал, что им с Ником предстоит тяжелый разговор, и своя личная война с теми, кто разрушил их семью и убил Самуила. Смерть отца не останется безнаказанной, они найдут этого хамелеона и казнят, а потом доберутся и до демона. Сейчас главное, чтобы Марианна пришла в себя. Что потом будет с ними обоими? Влад боялся об этом думать. Но Марианне не стоит встречаться с мужем и как можно дольше, а может не стоит совсем. Ник должен будет выслушать и понять Влада, как бы он не сожалел о содеянном, и он, черт подери, поймет, потому что такое можно простить только один раз, но дальше причинять боль Марианне Влад не позволит. Криштоф все это время молча смотрел вдаль.

– Как это произошло? – тихо спросил Влад, – она кричала, звала на помощь?

– Нет…она не кричала, кричал он…Он кричал что убьет ее, а еще я слышал жуткие звуки ударов. Она тихо всхлипывала, я думаю, это был болевой шок. Криштоф закрыл глаза и поморщился, словно увидел жуткую картину наяву.

Влад кивнул и отвернулся, слезы снова навернулись на глаза. Они все виноваты в том, что произошло, они все поверили и позволили произойти этому кошмару. В нем закипала ненависть к тем, кто безнаказанно уничтожили их морально, посеяли разлад, сомнения, подвели их к грани. Порыв ветра взметнул хлопья снега и бросил их в лицо короля. Влад услышал как Лина зовет их обратно.

Теперь Марианна лежала на животе, ее переодели и осторожно положили на сидения, но Лина разрезала ее блузку на спине, чтобы ткань не касалась пораненной кожи и Влад глухо застонал к горлу подкатил комок. Он приблизился к дочери и присел рядом на колени.

– Кровь действует? – спросил тихо у Лины.

– Нет, ей конечно намного лучше и кровотечение остановилось, но ее слишком долго поили зельем, которое нейтрализует не только ее силу, но и способность к регенерации. Поэтому ей сможет помочь только Фэй. Я вколола ей сильное обезболивающее, она должна отдохнуть. Пусть Криштоф везет ее к Фэй. Мы и так потеряли слишком много времени. Там ей станет лучше. Если вообще когда-нибудь ей теперь может стать лучше. Лина погладила Марианну по голове, поправила одеяло. Влад все еще боялся смотреть на жуткие раны на спине дочери. Казалось, что-то ковыряет его изнутри, щемит сердце, выворачивает душу. Он увидел как Лина подошла к Криштофу и крепко его обняла.

– Спасибо, если бы не ты… Даже страшно подумать…увози ее, Криштоф. Я приеду попозже, когда она почувствует себя лучше. Мы встретимся на нейтральной территории, чтобы не скомпрометировать Велеса. Как же мне хочется быть рядом и нельзя…что за жизнь проклятая…

Через пятнадцать минут самолет взлетел, а Влад, Лина и Кристина провожали его взглядом.

– Кто пойдет к нему? – тихо спросила Тина и посмотрела на отца.

– Я пойду! – сказала Лина – я отнесу ему флэшку, и пусть убьет себя сам. Я хочу видеть как он корчится в агонии, как горит в аду этот зверь. Влад обнял Лину за плечи, прижал к себе, но она сбросила его руки. Но король все же привлек ее к себе и сильно сжал в объятиях.

– Нет. К Николасу пойду я. Нам нужно многое обсудить. Ты понимаешь, что есть те, кто сейчас радуются нашим потерям? Те, кто пытался разрушить нашу семью, подточить ее изнутри и у них это почти получилось.

14 ГЛАВА

Я задыхаюсь в мраке боли
Я задыхаюсь в бездне лжи
И некому по мне заплакать
И в сердце острые ножи

Влад переступил порог дома брата и почувствовал, как стены на него давят, словно вошел в камеру пыток. Словно все здесь упрекает его, кричит о страданиях его дочери. Подошел один из слуг, взял у Влада пальто. На вопрос о хозяине ответил, что Ник у себя в кабинете, и просил его не беспокоить. Влад проигнорировал последнее замечание и быстро поднялся по лестнице к кабинету Николаса. Протянул руку и услышал голос хриплый голос брата:

– Заходи. Можешь не стучать, и так знаю, что это ты. Влад осторожно прикрыл за собой дверь. В кабинете царил полумрак, а Ник сидел на подоконнике и смотрел в открытое окно. Ветер трепал занавески, одинокие снежинки залетали в помещении и таяли на полу. Влад подошел к брату и стал сзади.

– Ни одной звезды. Мрак. Бездна плачет ледяными слезами, – тихо сказал Николас и даже не обернулся. Влад посмотрел на князя, четкий профиль, щеки вылились, поросли густой щетиной, вокруг глаз черные круги – физическая реакция на голод. По виду – полная холодная отрешенность.

– Плачет… еще долго будет плакать, Ник. Тот не ответил, продолжая смотреть в черное небо.

– Убивать меня пришел? Влад почувствовал, как каменеет его сердце, таким Николаса он еще не видел.

Видел все: и озверевшего и опустившегося, но такого никогда. Словно тень, просто черная тень, жалкая оболочка.

– Можно и так сказать – держи. Влад вложил в пальцы Ника флэшку.

– Ты посмотри, а тебя на веранде подожду. Подгонять не стану и ждать буду, пока сможешь выйти и посмотреть мне в глаза. Влад хотел уйти, но Ник удержал его за руку, все так же глядя на небо.

– Просто скажи – она жива?

– Я хочу, чтобы ты сначала посмотрел, а потом я отвечу на твой вопрос, точнее та сам мне на него ответишь. Влад ушел. Он не чувствовал жалости, но и ненависти тоже не было. Только осознание, что сейчас они словно сообщники, которое вместе совершили преступление и отвечать им за него тоже вместе – в равной мере.

Ника не было больше двух часов, Влад все это время думал о том, что их ждет теперь, во что

mir-knigi.org

превратится их жизнь? Их семья? Как снова собрать себя по кусочкам и вернуть былую мощь королевской семьи? Всего два года назад они пришли к миру и каждый обрел свое счастье. Мир без войн, слез. Недолго он длился. Влад думал о том, что сейчас ему нужно будет собирать Ника по кусочкам, чтобы найти тайного врага. Князь зашел на веранду, Влад слышал его тяжелые шаги. Оба молчали. Тишина стала ощутимой, тяжелой, свинцовой и словно острой, как нож, она начала пульсировать, чтобы взорваться.

– Ты обещал ответить на мой вопрос, – голос Ника был хриплым, словно доносился издалека, – она жива?

– Если это можно назвать именно так, если ты спрашиваешь о теле, то возможно истерзанное, изнасилованное и разорванное на части, оно все же вернулось к способности функционировать. А ее душа? …Этого мы все еще не знаем, твоя жена, – Влад подчеркнул эти два слова, – все еще без сознания. Влад услышал скрип зубов, но даже не обернулся. Он знал, что это удар ниже пояса. Но не смог удержаться не смог не уколоть побольнее. Внезапно Ник резко развернул его к себе и прорычал:

– Убей меня! Убей меня сейчас! Руки князя дрожали, он сунул Владу кинжал и приставил лезвие к своему сердцу. Серое лицо исказилось до неузнаваемости, а в глазах дикая пустота, мертвая пустота… Влад отбросил руку брата:

– Нет! Живи! Я живу с этим, и ты живи! Слишком просто умереть и уйти от боли. Пусть она будет твоим спутником вечно. Твоим упреком! Твоим личным адом!

– Жестоко, но справедливо, – ответил Ник и уронил кинжал, – умереть слишком просто для такого чудовища как я. Влад почувствовал, как в нем закипает волна ярости, гнева на них обоих. Он вцепился в плечи брата:

– Я хотел тебя убить, когда увидел, что ты с ней сделал. Но это я виноват. Я позволил. Я дал ее тебе на растерзание, это я совершил самосуд, а ты был моим орудием и я живу с этим. Так что Марианне решать прощать нас или придать обоих забвению, и я приму любое ее решение, и ты примешь!

– Где она?

– Там где ты ее не найдешь, так же как и я! Не найдешь пока она сама не захочет тебя увидеть если захочет смотреть в лицо своего палача! А если не захочет, то ты никогда ее больше не увидишь, а посмеешь – тогда я убью тебя лично! Ник сжал запястья Влада.

– Я не буду искать. Я вообще больше не буду ее искать. Ей будет лучше без меня.

– Лучше без тебя? И это все? Это все что ты можешь мне сказать? Ты, как зверь, растерзал мою дочь, ты изорвал в клочья мою девочку, а теперь ты говоришь просто, что ей будет лучше без тебя? Ты думаешь, ей когда-нибудь станет лучше? Ты, правда, так думаешь? Ник стиснул руки Влада и прорычал:

– А что ты хочешь услышать? Что мне больно? Что я сожалею? Что я хочу вымаливать прощение на коленях? Хочешь, чтобы я кричал, что мое сердце обливается кровью? Этого ты хочешь? Все это пустые слова и я тебе этого не скажу! Я не буду защищаться, я не буду оправдываться! Да, я зверь! И, я сделал это, потому что люблю ее! Я ее люблю! Тебе этого не понять! Ты думаешь, мне легко смотреть тебе в глаза?! Думаешь, я смогу жить с этим дальше, как ты сказал? Я буду не жить, а подыхать каждый день снова и снова, и ты знаешь, я буду наслаждаться этой агонией! Слова – воздух, ничего они не стоят! Я не посмею к ней

mir-knigi.org

приблизиться, я не посмею смотреть на нее, потому что для нее я – убийца и это ничто не изменит: ни слова о прощении, ни мои мольбы! Уходи, Влад, не можешь добить – просто уходи и оставь меня в покое! Это было похоже на истерику, без слез и криков, на сумасшествие и Влад ударил Ника по лицу, дал ему пощечину!

– Уходить? Чтобы ты жалел себя, принимал наркоту и погружался в свой дурман, наслаждался своим горем и самобичеванием?! Нет! Я не уйду! А ты, ты возьмешь себя в руки и поможешь мне отомстить тем, кто с нами это сделал! Слышишь?! Посмотри на меня! Наш отец мертв, и больше не кому помешать нам перегрызть друг другу глотки, и есть те, кто этого ждут! Я не хочу, чтобы они победили! Ник трясся от напряжения, казалось все вены полопаются на его лице, глаза стали черными без блеска, черными как ночь.

– Возьми себя в руки! Ради нее! Мы должны их найти и отомстить, найти по горячим следам и без тебя я не справлюсь.

Казалось, Ник его не слышит, он стиснул челюсти и весь трясся как в лихорадке. Влад тряхнул его, а потом снова ударил по лицу. И еще раз, пока Ник не упал на колени, потом на пол его рот открылся в немом крике. Влад склонился к нему и резко привлек к себе.

– Мы оба виноваты. Оба… оба виноваты. Посмотри на меня. Все… все кончено, она жива, а мы должны отомстить. Горевать потом будешь!

Ранее…

Он сидел в снегу, одинокое черное изваяние посреди белой пустыни. Его длинные волосы закрыли лицо, а пальцы мели ледяные комья.

– Что ты наделала?! Я думал, что большей боли ты мне уже не можешь причинить, я думал, что страдать сильнее я уже не способен. Ты убила меня, ты похоронила меня живьем. Ты содрала с моего сердца кожу до мяса. Ты превратила меня в безумного зверя в душе которого мрак и ненависть. Я знал, что убью тебя что рано или поздно. А сейчас? Что мне делать сейчас? – Ник закричал в темноту, а в ответ лишь шелест голых веток.

– Как я буду жить дальше без тебя? Как я буду смотреть на солнце, если ты его больше не видишь? Зачем все это без тебя?…Нет, я убил не тебя, я убил себя. Я спрашиваю, люблю ли я тебя? Нет, я тебя не люблю… я тобой живу, я тобой брежу, я болею тобой как самой жуткой смертельной болезнью. Любовь ничтожное слово, оно ничто по сравнению с тем, что я чувствую к тебе. Где ты сейчас? Подскажи мне…Давай! Мучь своего убийцу, стань моим проклятьем. Не смей меня покидать! Слышишь, не смей! Я не отпускал тебя! Он поднял глаза на небо и закричал:

– И не надейся, что я оставлю тебя в покое. Я достану тебя даже в аду! Ты моояяяя! Одинокая фигура так и осталась на снегу до первых лучей солнца потом князь встал и шатаясь пошел в дом. Он поднялся в спальню и упал на постель. Им овладело странное оцепенение похожее на медленную агонию. Когда разум отказывается подчиняться, а тело все еще живет по инерции. Он перерезал все телефонные провода в доме, он уволил почти всех слуг и сжег комнату в которой держал Марианну. Теперь его боялись даже слуги-вампиры. По дому бродил сам дьявол. Он обходил комнаты и везде зажигал свечи, а иногда когда слуги по обычаю заходили к нему в спальню навести порядок, он выгонял их звериным рыком. Николас запретил, кого либо пускать в дом. Все время он проводил или в спальне или в кабинете возле открытого окна, иногда он говорил сам с собой.

mir-knigi.org

– Нет, ты не умерла… я чувствую, что ты жива, меня еще не тянет туда, за тобой, значит ты здесь. Тебя спрятали, укрыли от меня, увезли подальше и правильно сделали, я бы добил тебя, Марианна, рано или поздно обязательно бы добил. Когда пришел Влад, Николас уже не помнил, когда последний раз охотился или выходил из дома. Приезд брата его обрадовал. Может быть, Влад убьет его. Все станет по-прежнему, и Ник сможет получить долгожданную свободу. И Влад убил. Не просто убил, он опустил его в чан с кипящим маслом. Николас смотрел на экран компьютера и не замечал, как режет собственные пальцы, все сильнее сжимая в руках лезвие кинжала. Непроизвольно, стараясь физической болью унять душевную. Жуткая картина складывалась сама собой, словно возвращала назад и заставляла вспоминать, повергая в пучину еще большей боли. Вот она, с маленьким ножом в дрожащих руках, приставила к горлу сверкающее лезвие, Ник скорее угадывал, что она говорит чем слышал. А потом лезвие полоснуло шею и Ник вскочил с кресла, застонал как от боли, словно почувствовав, как сталь входит в нежную плоть. Дальше он уже смотрел стоя, не в силах пошевелиться и оторвать глаза от экрана. Только один кадр сводил его с ума все больше и больше, он перематывал его снова и снова истязая себя читая по ее потрескавшимся пересохшим губам:. «Ник, где же ты? Не дай мне сломаться дай мне силы выдержать» Не дал… он сломал ее сам. С каким наслаждением он истязал ее, придумывая пытку поизощренней и слова побольнее, а потом распалялся еще больше видя как она страдает и сомневаясь в этих страданиях. Ник искал и искал способ причинить боль сильнее чем чувствовал сам. Мелисса, унижения, и итог он совершенно обезумел. Ник просмотрел пленку до конца. Сейчас он еще не понимал, что именно все это значит, он знал только одно что ЕГО Марианна не убивала Самуила и ЕГО Марианна не изменяла ему с Беритом. Тогда кто это адское создание, принявшее ее облик? Нику казалось он сходит с ума. Хуже стало, когда Влад ушел, а в голове пульсировали слова: «если ты спрашиваешь о теле, то возможно истерзанное, изнасилованное и разорванное на части, оно все же вернулось к способности функционировать. А ее душа?». Ее душу забрал Николас. Он рвал эту душу зубами, руками, он выжигал на этой душе кровавые шрамы. В ту страшную ночь он и сам не понял, как все произошло. Он помнил свои окровавленные руки, он помнил красную пелену перед глазами и извивающееся в агонии хрупкое тело, которое он пронзал своей раскаленной плотью как кинжалом. В ту ночь не было плотского желания, лишь желание унизить растоптать и уничтожить. Перед глазами другие кадры другая постель и там его юная, его любимая жена отдается демону, раскрываясь навстречу грубым ласкам. Если демону можно, то почему нельзя ему? Ник никогда и ни с одной женщиной не делал то что сделал с той, которую любил. Даже с жертвами, всегда по их согласию, пусть под гипнозом, но лишь в наслаждении. Он испытывал экстаз, когда мог управлять их телами, а здесь им управлял сам дьявол. Ник никогда не был склонен к содомии, он считал этот способ унизительным как для себя, так и для партнерши, но тогда зверь взял под контроль все его существо. Это был способ подчинить своей власти, оставить клеймо, оставить свою печать. Последнюю печать на ее теле.

У него нет сил, просить прощение…у него нет сил умолять, и пытаться вернуть. Такое не прощают. Он сам себе не простит. Нет, с Беритом и хамелеоном у него своя собственная война и Влад на эту войну не пойдет. Он сам. Сам ее казнил, сам казнит тех, кто сделал его палачом.

15 ГЛАВА

Я приходила в себя долго и мучительно, рваными кусками. Я слышала голоса, а потом снова закрывала глаза и погружалась в свой кокон боли. Нет, не физической, моя боль была похожа на черную дыру, она засасывала меня глубоко вовнутрь и закрывалась, погружая меня в свою пучину. А потом снова эти голоса, навязчивые и резкие, они мешали мне прятаться, они мешали мне в моем коконе, они постоянно звали меня наружу. И наконец-то я открыла глаза, голоса стихли. Боль спряталась, затаилась как хищный зверь, но я знала, что она рядом. Я ее

чувствовала ею пропахлось все вокруг. Я не понимала, где нахожусь, и мне не нравилась эта неизвестность. А потом я увидела лицо Фэй. Увидела так ясно, что у меня заболели глаза. Наверное, я все еще в бреду. Фэй нет, и никогда не будет рядом, а может я умерла? Ведь Фэй меня ненавидит. Она отказалась от меня как все…Как Ник…Все…Все вернулось, дикий зверь вырвался из укрытия и напал на меня безжалостно терзая когтями. В ушах стоял свист от хлыста. Нет, я все еще в подвалах Берита…Но голос Фэй звал меня обратно.

– Марианна, милая ты меня слышишь? Если не можешь ответить просто закрой глаза и снова открой. Я устало прикрыла веки и снова открыла.

– Криштоф, она вернулась, неси напиток, быстрее. Марианна посмотри на меня, посмотри, ты меня видишь? «Смотри на меня, Марианна! Смотри, я сказал!»

Ко мне кто-то нежно прикоснулся, и я закричала, дернулась на подушках назад. Я кричала так громко, что мне казалось, я оглохну. Ад вернулся. Я хотела снова уснуть, я хотела в свою черную дыру, в мой кокон. Там меня ждала другая боль, моя личная. и я к ней привыкла, я даже начала ее любить. Ко мне нельзя прикасаться, я не позволю. Меня нельзя трогать. Пусть меня отпустят в мой кокон.

Я почувствовала, как в мою голову проникает горячая энергия, она вливалась в мое тело, постепенно успокаивая дрожь. А потом я легкий укол в вену и меня окутал покой. Теперь я приходила в себя очень часто. Каждый раз мне казалось, что я вот-вот увижу горящие подвалы Берита или серый потолок моей каморки, а иногда мне казалось, что у меня на лице подушка и мне больше нечем дышать. Теперь я боялась спать, я их ждала. Ведь нельзя закрывать глаза, когда тебя придут убивать. Всего этого я не помнила, Фэй потом мне рассказала, спустя время. Когда я могла ее слышать, когда я вернулась. А тогда я металась между бредом и реальностью. Я никого к себе не подпускала, я царапалась и орала как дикая кошка, у Фэй получалось меня успокоить, только проникнув ко мне в голову и отключив мое восприятие реальности. Но она меня вернула. Фэй нашла способ заставить меня захотеть жить. Я помню, что в это утро снова открыла глаза и прислушалась, я уже знала, когда они придут и будут хватать меня за руки, что бы колоть их шипами. Но именно тогда я услышала иные шаги, совсем легкие, словно кто-то маленький и невесомый зашел ко мне в комнату. Я повернула голову и замерла, на меня смотрел маленький мальчик. Он что-то держал в руках. Мне показалось, что я уже где-то его видела. Эти золотые кудряшки и голубые глаза, этот маленький упрямый ротик. На вид малышу было лет пять, может и больше. Он подошел ко мне и положил мне что-то на грудь, а потом тихо прошептал:

– Это Туся. Я хочу подарить ее тебе. Она маленькая и очень ласковая. Я непроизвольно обхватила руками теплый комочек и чуть не вскрикнула от неожиданности, Когда шершавый язык существа лизнул меня в нос. Это было первое прикосновение, которое не повергло меня в ужас. В моих руках перебирал лапками пушистый щенок, я прижала его к себе, чувствуя странное успокоение, и инстинктивно погладила его между ушками.

– Ты Марианна? Я кивнула, и вдруг поняла, что говорить не могу. Очень хочу произнести хоть слово и просто не могу. Но мальчик, казалось, прочел мой немой вопрос и снова прошептал.

– Я? Мама Фэй называет меня Велесом, хотя, когда злиться – Константином, но злиться она не часто, так что наверное я все таки Велес. Велес? Этот малыш мой племянник? Значит, я и правда у Фэй? Но мне казалось ребенку Кристины должно быть намного меньше лет, года два… Хотя, Велес не самый обычный ребенок и скорей всего его взросление происходит иными темпами. В тот же миг я поняла, что ко мне вернулась способность думать. Тем временем

мальчик забрался на стул и снова на меня посмотрел глазами Кристины. Теми глазами, которые я видела сколько помнила себя. Глазами из моего беззаботного детства.

– Ты понравилась Тусе, она спит. А вообще мама Фэй говорит, что ты очень больна и что она не знает как тебя вернуть обратно. Зачем вернуть, если ты здесь? Я слабо улыбнулась и почувствовала, что голос мальчика действует на меня успокаивающе. Теперь я с любопытством осмотрелась. Чистая комнатка, белоснежный потолок. Рядом с постелью капельницы и все они подключены к моим рукам, меня опутывают провода, датчики, странные приборы. Я сдернула иголки, прислушиваясь к своему телу. Боль отступила. Я даже привстала, придерживая одной рукой щенка.

– Я, наверное, позову маму Фэй. Я скажу ей, что ты вернулась, хорошо? Я увидела, как мальчик соскользнул со стула и бросился в коридор. Фэй вошла в комнату совершенно бесшумно, я даже поначалу ее не заметила. Я увлеклась Тусей. У меня раньше никогда не было собаки, я вообще не имела домашних животных, кроме лошадей. Я даже не знала, люблю ли я их. Наверное, люблю, потому что это существо, у меня на груди мне понравилось. Я приподнимала ее лапки, трогала пальцами розовый нос и смотрела, как животинка сладко дрыхнет на мне. Когда я подняла глаза, то увидела Фэй. Она не решалась войти. Она просто стояла и смотрела на меня, прислонившись к косяку двери. В ее глазах застыла печаль и чувство вины. Я не хотела, чтобы она себя винила, я слишком долго мечтала увидеть ее, я была счастлива. Мысленно я дала ей понять, что очень хочу чтобы она подошла ко мне, вложив в свой взгляд немую мольбу. Фэй села на краешек моей постели. Я видела, что она хотела коснуться моей руки, но не отважилась, тогда я сплела ее пальцы со своими и вдруг увидела, как она вздрогнула, смертельно побледнела. Ее глаза закатились и все хрупкое тело начала бить дрожь. Потом она закричала, она билась в истерике несколько минут, то закрывая лицо руками, то извиваясь как под напряжением электричества. Я поняла, что передала ей свои воспоминания, я выплеснула ей весь тот мрак, что пожирал меня изнутри, мне даже стало стыдно – я обрушила на нее волну дикой боли. А потом она заплакала. За нас за двоих. Я поняла, что у меня слез не осталось. Точнее мне хотелось плакать вместе с ней, но рыдания застряли в горле. Фэй привлекла меня к себе, и я позволила ей перебирать мои волосы. Она говорила со мной тихо, как с больным ребенком, а я слушала ее голос и потихоньку возвращалась обратно.

С этого дня я пошла на поправку. Хотя мое физическое здоровье восстановилось полностью через несколько дней, голос ко мне так и не вернулся. Я была уверенна, что могу говорить, но когда открывала рот не получалось выдавить ни звука. Тогда Фэй выделила мне тетрадь и ручку. Теперь я ей писала. С этого самого момента я начала писать. Потом я уже вставала с кровати и даже выходила на улицу. Фэй ничего мне не запрещала, единственное, на чем она настаивала так это неизменный пакет с живой кровью хотя бы раз в сутки. Она сказала, что именно это помогает восстановить мои силы. С Фэй я начала оживать. Только по ночам, когда становилось темно, мой дикий зверь по имени страх вылазил наружу. Он нападал внезапно и душил меня, заставляя метаться, покрываться холодным потом и кричать. В ушах все время стоял беспрестанный свист хлыста. Он отпечатался у меня в мозгах, и я вздрагивала при каждом громком звуке. Фэй нашла способ бороться и с этим. У меня всегда горел свет. Точнее свет горел днем и ночью во всем доме. Я знала, что Фэй терпеливо ждет, когда я смогу ей открыться, но этот момент не наступал. Я была не готова говорить о НЕМ. Я не могла даже произнести его имя про себя. Хотя я о нем думала, я думала постоянно, наверное, каждую секунду. Я так и не смогла его возненавидеть, я очень хотела, я призывала ненависть, но вместо нее приходило отчаянье. Дикое чувство безысходности и воспоминания. Я не думала о той страшной ночи. Я вообще запретила себе вспоминать ЕГО после моего возвращения из лап демона. Для меня это стало своеобразным табу и я поклялась себе, что научусь жить с этим

дальше. Медленно, болезненно, но научусь. Придет время и я смогу показать Фэй свои записи, а пока что они спасали меня от отчаянья. Пока Фэй не подарила мне то в чем я так сильно нуждалась – любовь. Настоящую, светлую любовь.

Я узнала, что за эти два года Фэй многого достигла. Она окончила университет, с ее-то способностями и умом ей удалось это сделать в кратчайшие сроки. Да и могло ли быть иначе, когда Фэй знала все что будет на экзаменах и успела отучиться заочно еще задолго до того как ее внешность изменилась. Я смеялась, когда она мне рассказывала о вытянутых от изумления лицах преподавателей. Фэй получила диплом детского врача-педиатра и уже спустя месяц открыла свой центр альтернативной медицины, со своим штатом работников. Постепенно центр стал не просто больницей, а еще и пристанищем для бездомных и брошенных детишек. Через время пришлось достраивать новый корпус и набирать нянечек и педагогов. Фэй лечила всех, в независимости от размера кошельков. Ее не волновали деньги и, наверное, она работала бы себе в убыток, если бы не щедрые пожертвования спонсоров и благодарных родителей, чьих детей уже давно приговорили. В центре лечили детей со страшными диагнозами, детей которым оставалось жить считанные месяцы, а Фэй возвращала их к жизни. С деньгами нашей семьи было возможно все и скрыть странные методы лечения и закрыть рты чиновникам. А потом Фэй взяла меня с собой. Она нашла способ вернуть меня к жизни. Когда моя нога переступила порог центра, я поняла, что больше в моей душе нет дикого страха одиночества. Это была терапия любовью. Так как специального образования я не имела, то могла работать лишь нянечкой, и я работала, я даже оставалась там, на ночь и попросту не могла уйти. Очень часто так бывает, что чужая боль и слезы отодвигают твою на второй план. Я могла о ком-то заботиться, я отдавала свою любовь и ласку, а она возвращалась ко мне втройне. С малышами не нужно было притворяться, с ними даже не нужно было разговаривать, да они и так понимали, что со мной что-то не так. Нам хватало общения взглядами. Более старшим я писала сказки, и они читали их вслух своим маленьким друзьям. А потом со мной вместе в центр переехала Туся.

Тут у нее было раздолье ласки и игр. Я возвращалась домой лишь иногда, когда Фэй настаивала, чтобы я передохнула, а потом я рвалась обратно. Ведь меня там любили и ждали. Моя жизнь начиналась заново. Без НЕГО. Точнее, ОН всегда незримо присутствовал рядом, но я больше не позволяла ЕМУ делать мне больно, а с ЕГО присутствием я смирилась. Он жил в моем сердце, истерзанном покрытом шрамами сердце, и черт возьми, уходить оттуда не собирался. Пусть живет, ведь в мою жизнь ОН уже не вернется.

Криштоф. О нем я не сказала ни слова. Хотя, несомненно, именно он заслуживает моего внимания больше всех. Ему удавалось оставаться незамеченным, невидимой тенью, которая рядом, но остается словно бесплотной. Первое время я не замечала его именно потому, что не хотела замечать. Он был для меня живым напоминанием кошмара и моего позора. Он знал то, о чем ни одна женщина не может и не любит рассказывать, если эта женщина пережила то же, что и я. Он видел меня растоптанной, облитой грязью, он видел мое голое тело, на котором тогда не осталось живого места. Он был свидетелем того, что со мной сделал тот, кого я люблю. Я, наверное, никогда не смогу сказать «любила». Хотя я очень бы этого хотела, но не могу. Криштоф делал то, что ему всегда прекрасно удавалось – он охранял. Меня Велеса и Фэй. Была ли я ему благодарна? Нет. Не была. Может быть, это кого-то удивит, но у меня свое мнение на этот счет. Ему не стоило вмешиваться, по всем законам я должна была остаться в той комнате навсегда. Это избавило бы меня от боли и воспоминаний, их бы просто не было. А он заставил меня жить и переживать весь кошмар снова и снова, день за днем, ночь за ночью. Этого я ему простить не могла. Я не злилась. Просто мне хотелось, чтобы он исчез. Не ходил возле меня, как постоянное напоминание обо всем что произошло.

Не смотрел на меня с сочувствием и жалостью. Меня не нужно жалеть. Это нехорошее чувство. Я ощущаю себя ничтожеством или неполноценной. Поэтому я его избегала. Криштоф хорошо это понимал и тоже старался не попадаться мне на глаза. Так мы и жили. Каждый в своем мире, в своем личном кошмаре. Только Фэй разбавляла это серую унылость и Велес. Вот где неиссякаемый источник энергии. Велес совсем необычный ребенок у него оказалось столько способностей – я диву давалась. Фэй говорила, что пока в нем не проявилась ни сущность ликана, ни вампира. Зато Велес прекрасно читал чужие мысли и творил всякие колдовские пакости, за что Фэй его наказывала. Тогда он прибегал ко мне в комнату и прятался у меня в шкафу. Мы все знали, что он там сидит, но я неизменно говорила Фэй, что не видела мальчишку, а она делала вид что верит мне.

Думала ли я о родителях? … Да, я думала о них постоянно, но к встрече с ними еще не была готова. Фэй иногда спрашивала, хочу ли я позвонить кому-то из них или встретится, а я не могла. Не потому что я их не простила, а именно потому, что знала, что они сами себя не простят. А еще я не хотела говорить о том, что случилось. Не хотела и не могла. Но, наверное, я уже созрела, чтобы говорить об этом сама с собой. Я много думала о том, что произошло за то время, как я вернулась из адского плена Берита. Я все время думала о том, что у каждого из моих родных была причина меня ненавидеть. А со временем я снова стала вспоминать. День за днем, час за часом. Я впустила Ника в свою память. Сначала это было больно. Невыносимо больно, словно кто-то режет меня живьем, потом я все же справилась. Теперь я думала о нем постоянно. Наверное, я должна возненавидеть моего палача, я должна желать ему смерти, я должна мечтать о том как он будет корчиться в агонии, но ничего этого не было. Я просто с горечью понимала, что он никогда меня не любил. Я была его игрушкой, милой доброй мягкой игрушкой, его куклой. Он сам меня создал для себя, он ваял меня месяцами, чтобы насладится своим шедевром, а когда понял, что кукла еще и живет своей жизнью, он решил меня сломать. Ник ни разу не спросил меня, правда ли то, что он видел? И хоть я и понимала, что все доказательства на лицо, но я …я бы никогда не поверила. Я бы боролось, искала и докапывалась до правды, а он приговорил и привел приговор в исполнение. После всего, что он со мной сделал, я все еще его любила. Я не просто его любила, я сходила по нему с ума, а еще я боялась. Я боялась его как самое жуткое создание ада. Не за то, что он насиловал мое тело и драл его в клочья, я боялась его за то, что он сжег мою душу и мое сердце, все покрыл пеплом, уничтожил, просто стер меня с лица земли. О насилии я старалась не вспоминать, мне вообще казалось, что той ночью в мою комнату пришел не Ник, а сам дьявол. Но я никогда не забуду – он меня предупреждал, я знала, на что я иду. Точнее я думала, что знаю, а на самом деле я попала в лапы чудовища и люблю я тоже чудовище. Когда он бил меня я не видела его лица, но я слышала его голос, он звучал в моей голове по ночам, мне напоминали его любые фразы. Те ругательства, что он выкрикивал, те оскорбления, те мерзкие слова, которые он говорил мне, когда разрывал мое тело. И все же ненавидеть я не смогла. Меня убивало другое, что я никогда не знала, в какой момент он мог превратиться в зверя. Я больше ему не доверяла, и никогда бы не смогла доверять. В моей душе поселился страх. Панический липкий страх, что он причинит мне боль снова, что найдет меня и будет терзать. А иногда, мне стыдно даже в этом признаться, я хотела, чтобы он меня нашел. Я хотела его увидеть. Один раз. Чтобы понять смогу ли я выздороветь и жить дальше без этой одержимости. Я лгала самой себе. Ведь на этот вопрос уже давно известен точный ответ. Я не смогу его простить, я не смогу пустить в свою жизнь, я не смогу даже видеть его и слышать его голос, но так же я никогда его не забуду, и никогда не буду любить никого, кроме него. Фэй видела, как я страдаю, она ждала, когда я смогу об этом заговорить. Нет, не заговорить, а написать ей о том, что я чувствую – голос ко мне так и не вернулся. Фэй применяла гипноз, магию, все что угодно, но на меня ничего не действовало, кроме того я набралась прежней силы, я вновь стала тем непонятным существом в которое меня превратил Майкл Вудворт. Существом, не имеющим названия. Тогда я попросила Фэй узнать все о таких, как я. Узнать хоть что-то. Ведь я не человек, но чувствую

боль, и у меня бьется сердце, я дышу и у меня теплая кожа. Я – вампир, но я еще не разу не видела своих клыков и не испытывала жажду крови, я падший ангел, но кроме шрамов на спине я больше не обладаю никакими способностями падших. Тогда кто я? Фэй обещала, что спросит об этом у древних рун, и я ждала, когда она исполнит свое обещание.

16 ГЛАВА

Ник посмотрел покрытые морозным узором окна, на легкое колебание свечей за стеклом и все же решился войти. Хотя он знал в доме брата не все ему рады. И возможно его ждут горькие упреки и даже оскорбления. Но он должен был прийти и поговорить с ними со всеми. Все что они скажут, он, несомненно, заслужил, но они его выслушают. Прошло несколько дней с их последнего разговора с Владом. Брат дал Нику возможность самому выбрать дальше свой путь, и он выбрал. Хотя наверняка, Владу его решение не понравится. Теперь с ними нет хладнокровного и спокойного Самуила, они должны сами делать выбор и пытаться спасти свою семью. Без отца.

Влад вышел ему навстречу и Ник понял, что тот удивлен переменами, которые произошли в его внешности. Ник обрезал длинные волосы, полностью сбрил щетину. Он даже сменил стиль одежды. На прежнего себя он походил довольно мало. Без извечной шевелюры и разгильдяйской одежды он выглядел совершенно иначе. Теперь они с Владом даже стали похожи внешне. Те же волевые подбородки, овал лица, густые брови. Влад сразу понял, что предстоит серьезный и долгий разговор, он увел Ника в дальнюю комнату для гостей. В кабинете их могли слышать.

– Ник, ты в своем уме?! – Влад даже ударил кулаком по столу – Ты понимаешь на что ты идешь?!

– Прекрасно понимаю. Это единственный способ добраться до Берита и хамелеона. Другого способа нет. Мы не можем идти на них войной. Каждый из них сильнее сотни, таких как мы. Здесь нужна хитрость и стратегия. Послушай, Лючиан ненавидит своего брата… Влад ухмыльнулся:

– Мне это знакомо.

– Не перебивай. Лючиан ненавидит Берита, они соперники не только в своей семейке, если их вообще можно назвать таковой, но и в борьбе за власть в мире людей. Лючиан собирает армию. Непростую армию. Ему нужны вампиры-каратели, как любому демону. Как Аонэсу в свое время. Эдакие смертники контрактники. Те, кто пойдут против Берита. Если я попаду в эту армию, я смогу добраться до верховного демона. Лючиан учит свое войско их убивать. Что мы сейчас знаем о демонах? Ничего. Только, что они бессмертны и сильнее нас, но ведь их можно уничтожить и кто об этом знает лучше, чем сам демон? Влад смотрел на Николаса и наверняка понимал, что конечно план хоть и рискованный, но единственный возможный.

– Ты предлагаешь мне послать тебя в пекло и наблюдать, как тебя бросят на бойню?

– Не послать, а помочь мне туда проникнуть. Контрактники получают свою прибыль, будь-то деньги, слава, титулы или же что-то еще. Так вот, я потребую хамелеона. Для Лючиана прекрасный способ насолить Бериту. Так мы убьем двух зайцев сразу. А ты– ты король и должен править братством за нас обоих, если мы уйдем вдвоем, кто этим займется? Женщины? Ты должен понять, что это единственный наш шанс отомстить. Дай мне возможность доказать тебе, что я справлюсь сам. Влад тяжело сел в кресло и предложил Николасу выпить, тот отказался:

– Мне нужна ясная голова. Завтра я встречаюсь с курьером Лючиана. Потом еду в Рим. Им нужны машины для убийства, хладнокровные хищники с трезвым умом. Если я начну пить, то уже не остановлюсь. Король спрятал бутылку обратно в бар.

– Хорошо, допустим, у тебя все получится. Ты пройдешь подготовку, попадешь в армию Лючиана, а что потом? Будем ждать столетиями, пока все же начнется война? Ник усмехнулся.

– Нет. Не будем. Ты спровоцируешь конфликт между ними, столкнешь их лбами. Скоро выборы, устрой им жесткую конкуренцию. Пусть Лючиан думает, что он проиграет, тогда он точно пойдет в атаку. Пусть Лючиан думает, что Берит купил избирателей, пусть думает, что тот ведет нечестную игру. Они сыграли с нами в маскарад, пришло наше время. Внезапно Влад захохотал:

– Удивительно, я всегда считал, что ты сторонник грубой силы, но сейчас ты меня удивил – это один из самых великолепных ходов за все время, что я у власти. Значит, начнется война и ты поможешь Лючиану победить?

– Вот именно, я помогу ему убрать Берита собственными руками. На мгновенье взгляд Влада стал очень серьезным:

– Ты понимаешь, что это может стать твоей последней войной? С нее ты вряд ли вернешься домой.

– У меня нет дома, Влад. Я его возненавидел. Вчера подписал последние бумаги. Дом продан. Не могу там жить. На меня там давят даже стены. Я слышу в этом доме такое, чего никто из вас не слышит, я сойду там с ума. Мне некуда возвращаться, брат. Не куда и не к кому, хоть какой-то толк от меня будет. Я не стал королем, я не смог быть князем и я не смог быть мужем, может я смогу делать то, что у меня хорошо получается – убивать. Не тех, кого люблю, а тех, кто заслуживает смерти. Глаза Ника потемнели, и он сжал челюсти.

– А если она простит тебя? Если захочет вернуться?

– Вернуться? Куда, Влад на пепелище, в чистилище? Марианна должна начать жизнь сначала. Без меня. Она должна быть счастлива. Я не могу дать ей ничего из того, что может дать любимый мужчина. Я полон ненависти и яда, я одержимый и невменяемый. Я сам себя боюсь. Ей со мной не место. Влад откинулся на спинку кресла:

– Есть в этом доля правды. Не могу с тобой не согласится.

– Влад, она ко мне не вернется. После такого не возвращаются и я с этим смирился. Нет, я учусь с этим мириться. Я хочу ее отпустить. На волю. Как красивую певчую птичку. Пусть мне будет адски больно, пусть я буду каждый день гореть в аду, но она будет жить и со временем станет счастливой. Вот увидишь. В этот момент дверь отворилась и вошла Лина. Она бросила на Ника уничтожающий взгляд:

– Что ты тут делаешь?! Влад что здесь делает этот зверь? Как ты мог пустить его на порог нашего дома? Ник опустил голову, а Лина подошла к нему вплотную и ударила по лицу, потом еще и еще. Ник не смотрел ей в глаза, он, молча, терпел ее удары.

– Скажи, как ты мог? Как мог покалечить мою девочку? Ты знаешь, каково ей сейчас? Ты знаешь, что она видит кошмары наяву? Ты знаешь, что она не может разговаривать и все эти месяцы выкарабкивается с той бездны безумия, в которой ты ее утопил? Каждое слово она сопровождала ударом.

– Лина, прекрати! Прекрати немедленно!

– Я вообще его разорву на части, я выцарапаю ему глаза, я…. Влад оттащил жену от Ника и крепко удерживал сзади за плечи:

– Успокойся! Все, успокойся! Ник уже уходит. Он приходил попрощаться!

– Ха, он решил покончить с собой? Так я хочу поприсутствовать на таком знаменательном событии!

– Замолчи, – Влад тряхнул Лину, но в этот момент Ник подошел к ней вплотную и тихо сказал:

– Я не умею просить прощения. Не потому что я гордый, потому что слова ничего не значат. Я могу сказать «прости», а ты ответить «прощаю», но я так и останусь непрощенным. Я скажу только одно, чтобы ты не думала, как бы ты меня не ненавидела – я ее люблю! Я ее любил, и буду любить всегда. Постепенно лицо женщины разгладилось, она рассматривала князя, замечая явные перемены.

– Ник идет в отряд вампиров-карателей Лючиана, Лина. Возможно, мы видим его в последний раз. Оттуда живыми мало кто вернулся, разве что калеками. Отпусти его с миром и пусть отомстит за наши слезы. Лина молчала, она долго смотрела на Николаса, а потом попросила Влада выйти.

Будь это лет десять назад, начался бы скандал, а сейчас Влад спокойно оставил их наедине.

– Значит вампир-каратель? В самое пекло, да? Спросила она и отошла к окну.

– Я уже в пекле, Лина. Я ищу избавление. Твое прощение очень важно для меня. Я знаю, что это трудно, это просто невозможно, но может быть когда-нибудь…

– Когда-нибудь может… – ответила Лина, не оборачиваясь.

– Прежде чем я уйду, у меня к тебе одна просьба, ты можешь мне отказать и я пойму.

– Проси. Последнее желание смертника закон, – ее голос дрогнул и Ник почувствовал, что она плачет. Несмотря на то, что между ними все уже давно кончилось, он все еще чувствовал ее на расстоянии.

– Я хочу ее увидеть. Один раз. Издалека. Подожди, не спеши мне отказывать. Подожди, я прошу тебя. Издалека, клянусь прахом моего отца, она меня не увидит. Я даже не подойду. Просто попрощаюсь с ней и уеду. Лина, не отказывай…Пожалуйста. Женщина молчала, молчала долго, и Ник не решался помешать ее внутренней борьбе, а потом она обернулась, и князь увидел, что не он ошибся – Лина плакала.

– Увидеть, как она страдает? Увидеть, что ты с ней сделал?

– Увидеть, потому что мне это необходимо. Я должен. Это в последний раз. Клянусь, что никогда не буду искать с ней встречи. Лина резко отошла от него и подошла к столу, потом достала лист бумаги, ручку и что-то на нем написала. Она подошла к Нику.

– Возьми. Это адрес. Там не только Марианна, там Фэй и Велес, если кто-то узнает о их местонахождении погибнуть могут все и еще…ты поклялся, что не подойдешь к ней. Так что сдержи свою клятву прахом отца. Николас быстро посмотрел на бумагу, а потом бросил ее в

mir-knigi.org

камин.

– Спасибо. Он пошел к двери.

– Ник, я постараюсь простить. Я обещаю. Князь ничего не ответил, быстро распахнул дверь и растворился в полумраке коридоров.

Это был странный день и начался он тоже странно. Я открыла глаза с самыми первыми лучами солнца и прислушалась к утренней тишине. С каждым днем потребность во сне уменьшалась и ложилась в постель уже скорее по привычке. У меня было удивительное чувство, что со мной что-то происходит. Я была голодна, не просто голодна, а зверски. Нет, у меня не урчало в животе и не сосало под ложечкой, но у меня появился жуткий зуд в горле и бешеное желание его утолить. Вскочив с постели и набросив халатик, я пошла на кухню. Утром особенно ранним всегда ходишь тихо. Я знала, что в этом доме никто не спит, но все равно соблюдала тишину, а еще мне не хотелось, чтобы кто-то видел меня крадущейся на кухню. Обычно за день мне хватало пакетика с кровью, хорошего обеда и легкого ужина. Подкравшись к холодильнику, я осторожно его открыла и начала изучать содержимое. Только склянки банки Фэй с какими-то травами, и все. Пусто. Я задумалась. Как часто я ем дома? Очень редко и обычно это лишь пакетик на ужин. Обычно я питаюсь в центре. Вот почему у Фэй пустой холодильник, сама она тоже ест в больнице. Ну и что мне теперь делать? В такую рань ни один магазин не работает, а с моей способностью изъяснятся, у меня точно ничего не получится. Не бежать же в киоск за шоколадкой с листиком и ручкой. В горле уже не зудело, а жгло, клокотало, меня даже начало трусить. Я подумала о Криштофе, а когда подумала о нем, то сразу поняла чего я хочу, и испугалась. Мне стало дико – я хотела крови. Нет, не крови животных, а человеческой крови, тут же зачесались десна и я, потрогав их языком, обнаружила появление клыков. Впервые. Я испугалась. Но голод стал невыносимым. Осторожно ступая, я подошла к комнате Криштофа и дверь тут же отворилась. Он смотрел на меня в недоумении несколько секунд, но, наверное, у меня был такой вид, что он сразу понял чего я хочу. Он, молча, взял меня за руку и повел в подвал. А вот и еще одно испытание. Ступить на лестницу, ведущую, вниз я не смогла. Только не подвал. Для меня это слишком. Криштоф понял меня без слов, он сам спустился вниз, а когда вернулся, я вырвала из его рук пакет и жадно его опустошила за несколько секунд. Мне было мало, и Криштоф принес еще, а потом еще и наконец-то я почувствовала сытость. Благодарно улыбнувшись, я отправилась к себе в комнату. В этот раз меня не тошнило, я чувствовала такое удовлетворение, и покой что мне даже захотелось прилечь. Криштоф окликнул меня у самых дверей, и я обернулась.

– Марианна…я знаю, что вы меня избегаете, но может все же нам лучше об этом поговорить? Я отрицательно качнула головой и взялась за ручку двери.

– Просто поговорить. Хотя бы о том, что сейчас происходит. Я открыла дверь.

– Мне очень больно, что вы думаете, будто мое отношение к вам изменилось. Я просто хочу общаться с вами как раньше. Клянусь, что мы не будем касаться тех тем, которые вы хотите забыть. Я снова отрицательно качнула головой и вошла в спальню. Нет, сейчас я не могу говорить с Криштофом. Возможно, вскоре это измениться, но пока что, глядя на его лицо, я вспоминала все что он видел и меня начинало тошнить. Мне сейчас срочно нужно спросить у Фэй о том, что со мной происходит. Может, я опасна для детей и теперь стану как «новорожденный» вампир бросаться на всех. Я решила все же повременить, но я плохо знала Фэй. Она сама ко мне пришла спустя полчаса. Глупая я и наивная, это меня она не видит, но она общается с Криштофом, а его будущее и прошлое ей доступно. Фэй села напротив меня в

удобное кресло качалку и улыбнулась:

– Трудно жить под одной крышей с ведьмой, – сказала она шутливо. Очень трудно. Так что, конечно же, я все знаю. Когда это началось. Я взяла лист и написала ей:

– Сегодня утром.

– Тебе хотелось наброситься на человека?

– Нет, но я была очень голодна, словно не ела несколько дней и хотела именно крови. Фэй, что со мной, я превращаюсь в чудовище? Фэй погладила меня по руке.

– Нет. Скорей всего нет. Просто твой организм наверняка возвращается к истинной сущности. Ты ведь все же вампир и поэтому эта твоя сторона просит естественного питания. Тебя не должно это пугать.

– А вдруг я опасна? Как я теперь буду работать в больнице? Там же повсюду запах крови, фэй?

– Мы проверим, если не сможешь – то уйдешь домой. Меня это добило окончательно. Только не расставание с моими малышами. Я этого не перенесу, ведь там все ужасы просто исчезали, там мне было хорошо.

– Марианна, не пугайся. Ты не станешь чудовищем. Мы научимся с этим справляться. Не волнуйся. Мы что-нибудь придумаем. А теперь одевайся и поехали в больницу. В любом случае в ближайшие пару часов ты не проголодаешься. Она уже хотела уйти, как вдруг остановилась и спросила:

– почему Криштофа прогоняешь? Ведь он спас тебе жизнь. Марианна, ты должна начать общаться возможно тогда ты снова сможешь разхговаривать. Тебе нужно научиться с этим жить дальше. Общения с детьми недостаточно. Криштоф очень хорошо к тебе относится. Я стыдливо опустила глаза. Услышала, как за Фэй закрылась дверь и пошла одеваться. Как всегда без зеркал. Свое отражение видеть я так до сих пор и не могла.

Приступы голода не повторялись несколько дней, и я даже успела о них забыть. Все вернулось на свои места. Единственное, что изменилось, я начала общаться с Криштофом. Фэй устыдила меня и она была права – он не виноват в том что произошло и если бы не он, то я… Об этом я думать не хотела, мои мысли снова возвращались к Нику. Теперь я думала о нем гораздо чаще. Иногда музыка напоминала мне, иногда просто запах сигары.

17 ГЛАВА

Ник шел пешком, такую машину как у него слишком легко заметить в таком маленьком городке. Люди и так глазели на него с повышенным вниманием. Темные очки, дорогая одежда. Лоск видно за версту. Он нервничал, он нервничал так, что у него тряслись руки и подгибались колени. Несколько раз он даже порывался броситься обратно к машине и рвануть в аэропорт. Но на другую встречу времени не будет. Или сегодня или уже никогда. Ник прислушался к собственным ощущениям, он искал ее запах среди множества других и он нашел. Только тонкий аромат не доносился оттуда, откуда Ник ожидал его почувствовать. Он нахмурил брови и пошел на знакомый волнующий запах. Чем ближе он приближался к этому месту, тем больше начинал испытывать страх. Неужели она в больнице. До сих пор, спустя столько времени. Ее запах смешивался с запахом лекарств и медикаментов. Ник подошел к высоким воротам медицинского центра и остановился, не решаясь войти, но все же зашел. Двор больницы

больше напоминал детскую площадку. Талый снег ручейками стекал в сточную канаву, с сосулек капала вода. Приподняв воротник темно-серого пальто Ник переступил порог регистратуры. Он решительно подошел к девушке у окошка.

– Вам чем помочь, молодой человек? Ищите пациента? Вы чей-то отец? Он усмехнулся, но улыбка получилась горькой. «Детка, я не чей-то отец я вампир, который детей иметь не может и никогда не сможет, знала бы ты кому глазки строишь» Девушка тем временем с любопытством его рассматривала:

– Нет, наверно слишком молоды для отца, может чей-то брат. Вы мне имя скажите и я посмотрю.

– Мне нужна Марианна Мокану. Девушка усердно клацала длинными ноготками по клавиатуре.

– Странно, мне такую пациентку не выдает. Может она среди взрослых детишек, подростков?

– Марианна взрослая женщина, она должна находится в отделении для взрослых. Девушка посмотрела на Ника, и ее брови поползли вверх, она улыбнулась:

– У нас детский центр, молодой человек, и самому старшему пациенту не больше четырнадцати лет. Я думаю, вы ошиблись адресом. Ник нахмурился:

«Еще чего ошибся. Я ее запах чувствую так явно, словно она в нескольких метрах от меня» В регистратуру вошла женщина постарше.

– Ох, Людочка, спасибо подменили меня. В магазине очередь была. Спасибо. А что нужно молодому человеку.

– Ищет какую-то Марианну Мокану. Женщина усмехнулась:

– Так это ж родственница Фаины Александровны. Ты что? Совсем с персоналом не знакома? Эта девушка, симпатичная такая, нянечка из третьего отделения для самых маленьких. Да, знаешь ты ее – она немая. Ник дернулся как от удара. «Почему они говорят, что Марианна немая. Наверное, они ошибаются».

– Молодой человек Марианна Владиславовна сейчас с ребятишками на утренней прогулке. Вы если по коридору направо повернете, там дверь стеклянная. Вот там они, во дворике. Женщина надела очки, и внимательно посмотрела вслед Николасу:

– Красавец… Эх где мои двадцать лет… Голос, походка… Красавец. Парень, наверное, Марианкин. Она у нас девушка видная.

– Хм… почему таким вот всегда красавчики достаются, – девушка пожала плечиками, но женщина в очках строго на нее посмотрела:

– Ты говори да не заговаривайся, Марианна чудесный человек, таких поискать надо. Она днями и ночами дежурит с самыми тяжелыми пациентами, их родители с ног валяться, а она ни разу не пожаловалась, всех тут подменяет если надо.

Ник шел по длинному коридору и уже слышал детские голоса и смех. С детьми он не общался добрую сотню лет. Если не больше. Значит, Марианна здесь работает, а центр наверняка принадлежит Фэй. Как это похоже на них обеих. Ник подошел к широкой стеклянной двери и

mir-knigi.org

остановился. Дальше идти нельзя он увидел ее уже отсюда, сделает шаг, и она его заметит. Сердце сжалось так сильно, что у него захватило дух. Марианна и куча ребятишек. Никогда не думал, что женщина с детьми такое завораживающее зрелище. Ветер трепал ее волосы, заплетенные в толстую косу, на ней коротенькое пальтишко, а под ним белый халат. На руках она держала малышку с забинтованной рукой. Другие дети пускали в ручейках кораблики, они громко кричали, толкались. Ник чувствовал, как на него накатывает тоска, черная тоска и безумное чувство безысходности. Она совсем рядом, а так далеко, что не переплыть эту пропасть, не перелететь. Тонкий профиль, пушистые ресницы, улыбается с легкой грустинкой. Во всем облике сквозит нежность, забота. Поцеловала девочку в пушистую макушку, прижала к себе. Вот наклонилась к ребятишкам, тоже кораблик запустила. Одного из них повернула к себе и пригрозила пальцем. Ник стиснул кулаки и закрыл глаза. Перед ними снова изрезанная жертва в разодранной одежде, в его кулаке эти шелковые каштановые пряди, а в другой руке плеть. Тихо застонал и снова посмотрел на жену. В солнечных лучах на ее пальце блеснуло обручальное кольцо, и он непроизвольно тронул свое. Вот и состоялась их последняя встреча. Где-то в глубине души Ник был счастлив, если вообще сейчас способен испытывать подобное чувство. Он боялся, что встретит сломленную женщину с загнанным видом, потерявшую вкус к жизни, но нет, это не про его малышку. Она сильная девочка, она намного сильнее его самого. Ее ничто не сломало, все плохое растворялось рядом с ней, заражалось ее негасимым светом. Даже сейчас в ней есть силы улыбаться этим детям, дарить им ласку и любовь. А сколько этой любви она дарила когда-то ему. Никто и никогда не любил его столь сильно, столь страстно как эта хрупкая девочка. Простит ли он когда-нибудь себя за то, что сделал с ней? С ними обоими? Никогда не простит. Ник смотрел на Марианну и чувствовал, как у него трясутся руки, как покрывается мурашками его холодная кожа. Это последняя встреча. Больше он не увидит ее никогда. Он обещал. Дьявол, он обещал и сдержит это проклятое слово. Зато теперь он может вспоминать ее именно такой – прекрасной, нежной. До этого дня он помнил окровавленное тело, зажмуренные от боли глаза мокрые от слез. Только сейчас он заметил, что Марианна до сих пор не заговорила ни с кем из детей. Он все еще не слышал ее голос. Все это время она общалась с ними жестами, в полной тишине. «Она больше не разговаривает»… «немая»…«почему ТАКИМ вечно везет»… Она перестала говорить после того, что он с ней сделал, от болевого шока, от отчаянья, от тех страданий, что он ей причинил. Ник облокотился о стену и тихо застонал….

Я смотрела, как мальчишки пускают кораблики и чувствовала, что мое сердце переполняет любовь и нежность. Все эти малыши, брошенные на улице, или в доме ребенка, я знала историю каждого из них наизусть. Плакала, читая их карточки. Как жесток этот мир, как несправедлив, когда в нем страдают невинные существа. Маленькую Верочку, которая обняла меня тонкими ручонками, сбил пьяный водитель, увидев, что девочка плохо одета и явно бездомная, бросил умирать на улице. К Фэй ее привезли ребята постарше. Верочке едва исполнилось четыре годика, лет с двух она со старшим братом жила на городской свалке, после того как спились их родители. Она стала моей любимицей, моим маленьким солнышком. Я запустила кораблик и вдруг почувствовала, как сердце начинает пропускать удары. Что-то не так. Я еще не поняла, что именно, но меня насторожила тишина. Я начинала нервничать. Словно кто-то смотрит на меня издалека…. Смотрит пристально, пожирает меня взглядом и я чувствовала этот взгляд кожей. Я резко обернулась и увидела, как чья-то тень мелькнула за стеклянной дверью. Я бросилась туда, сердце билось как бешенное, грозя сломать мне ребра. У меня бред, я просто схожу с ума, но я узнала знакомый запах и начала задыхаться. Я бежала по коридорам, забыв, что у меня в руках Верочка. Выбежала на улицу, осмотрелась по сторонам – никого. Но я чувствовала ЕГО. Я чувствовала всем своим телом, всем сердцем, а я привыкла доверять своей интуиции, неужели я схожу с ума., я бросилась к регистратуре, потом поняла, что не смогу объяснить, что мне нужно. Остановилась. И в тот же миг ощутила

странное трепетание внутри, словно в животе появились бабочки. Это все нервы… я слишком напряжена и, наверное, я устала. Мне нужно успокоится вернуться к детям. ОН не мог меня здесь найти. Но работать в этот день я уже не могла. Спустя час уложив Верочку спать я поехала домой. Сегодня я была готова поговорить с Фэй.

Фэй вернулась только поздно вечером. Я напала на нее у порога и тут же сунула ей в лицо записку.

– Скажи мне, ты об этом знала?

– О чем? Фэй прошла в салон, сбросила куртку, сняла сапоги, и отправилась на кухню – я за ней. Снова написала на бумаге и дала ей прочесть:

– ОН был здесь. В центре. Фэй сделала вид, что не понимает о чем я, и я разозлилась. Просто вышла из себя:

– Может меня ты и не чувствуешь, но ЕГО – да! И ты не могла не знать, что ОН был здесь. Фэй, я прошу тебя, скажи мне. Она как ни в чем не бывало, налила себе чай и села за стол.

– Криштоф с Велесом уже вернулись?!

– ФЭЙ!!!!

– Да, я знала.

Внутри меня все перевернулось. Здесь все всё знают, кроме меня. Я бесхребетная дура, которая верит всему что ей скажут и развесив уши, слушает любые сказки.

– Как ты могла, Фэй? Почему ты мне сразу не сказала? Почему? Фэй спокойно подняла на меня глаза и отпила чай из стеклянной чашки, помешала сахар и спросила:

– Ты злишься, потому что не увидела его? Или потому что он приезжал?

– Нет! Я злюсь, потому что вы по-прежнему считаете меня ребенком и ничего мне не говорите! Я злюсь, потому что ОН последний кого бы я хотела сейчас видеть и еще я злюсь, потому что если бы я знала, то сделала бы все, чтобы он меня не нашел.

– Думаешь, я тебе поверю?

– Ты можешь мне не верить, Фэй, но я изменилась. Он меня все таки изменил, сжег, сломал и я становлюсь другой. Я хочу жить по-другому, мне нравится то, чем я занимаюсь, мне нравится жить с тобой и Велесом. Мне хорошо здесь, мне спокойно и я не хочу, чтобы он все разрушил! Я не могу его видеть… Как же ты этого не понимаешь?! Когда я думаю, о нем, то вспоминаю, что он со мной сделал! Мне хотелось кричать, бить посуду, перевернуть в доме все вверх дном. Я даже почувствовала, как чешутся мои десна и клыки готовы вырваться наружу. Мне надоело молчать, мне надоело, что все мною управляют. Я выбежала из кухни и заперлась в комнате. Сейчас мне снова невыносимо захотелось крови. Во мне бушевал адреналин. В дверь постучали, и я гневно ее открыла. Фэй обняла меня и в этот момент я заплакала. Впервые, за все время с тех пор как меня привезли к Фэй. Я рыдала и не могла остановиться, а Фэй нежно гладила меня по голове и давала возможность опустошиться, выплеснуть накопившуюся боль наружу.

mir-knigi.org

– Ты должна поговорить об этом, ты должна рассказать кому-то. У нас в центре есть одна женщина, молодая женщина – социальный работник, она может тебя выслушать. Если ты не можешь говорить об этом со мной. Я понимала, что она имеет ввиду. Она хочет, чтобы я рассказала о той ночи, о том, что тогда происходило, и что я чувствовала и чувствую до сих пор. Но мне была невыносима сама мысль говорить об этом с чужими. Но и Фэй я не могла рассказать, что она знает об отношениях между мужчиной и женщиной? Ведь в ее жизни не было мужчин никогда. Тогда я решила ей показать, показать все, что тогда случилось. Я протянула ей руки и мы сплели пальцы. Я приняла ее тепло, горячий поток энергии и закрыла глаза, чтобы вернуться в ту ночь, вернуться в тот кошмар и пережить его заново. Руки Фэй дрожали, я чувствовала, как она вздрагивает, вскрикивает и пытается вырваться и словно не может. Фэй резко вскочила, опрокинула чашку и закрыла уши руками:

– Это невыносимо, – простонала она, – это невыносимо. Невыносимо… Но я это вынесла, я живу с этим каждый день, каждую минуту. Это стало частью меня. Сейчас так же и частью Фэй. Она долго ничего не могла сказать, так и стояла, повернувшись ко мне спиной, а потом тихо произнесла:

– Ты никогда его не простишь, – она не сомневалась в своих словах, а я да. Я сомневалась и ненавидела себя за это. Могу ли я простить? Забыть? Не вздрагивать от прикосновений, могу ли я вообще позволить кому-то коснуться себя?

– Ты его боишься. Это самое губительное чувство, там, где страх уже нет места любви. Марианна, он не придет больше, я обещаю тебе, слышишь, милая, он никогда больше не придет. Он не причинит тебе боль. Фэй обняла меня, а я снова вырвалась из ее ласковых рук и взялась за бумагу:

– Я все еще люблю Ника, Фэй, я люблю его, несмотря на все что он сделал, но я должна жить дальше, без него. Я хочу излечиться, хочу просто дышать, освободиться от этой одержимости, зависимости. Но вы мне не даете, напоминаете, спрашиваете, решаете все за меня. С ним рядом – это как ходить по лезвию бритвы, по краю пропасти – всегда можно разбиться или порезаться. Ник не умеет любить. Он может только брать, и чем больше я давала, тем больше ему было нужно. Он – одиночка. Все к чему он прикасается рушиться, горит, покрывается пеплом, а я хочу жить дальше. Я хочу радоваться каждому дню, я хочу забыть о том мраке, что его окружает, я хочу наслаждаться весенним небом и пением птиц. Все кончено, Фэй. Это не мое тело он растерзал, он убил мою душу.

– Тогда он просто обязан дать тебе свободу, Марианна. Он должен тебе после всего что причинил. Ты можешь заново начать строить свою судьбу. Когда-нибудь ты откроешь свое сердце другому мужчине, ты снова научишься любить и доверять. О, нет, она ошибалась. Добрая, милая Фэй думала, что я смогу возродится из пепла. В моей жизни нет места другим мужчинам. Я не хочу больше мужчин. Любить это больно, а я не хочу боли.

– Ты такая красавица, мужчины глаз отвести не могут, – продолжала Фэй, – если ты станешь свободной, ты снова можешь выйти замуж и… Я повернула Фэй к себе и отрицательно качнула головой.

– Я понимаю. Слишком рано об этом говорить. Очень рано. Но придет время, и ты сможешь. Вот увидишь.

Мне хотелось в это верить. Очень хотелось. Но судьба распоряжается нами не так как мы этого желаем. Мой страшный голод вернулся, прошло всего несколько дней с нашего разговора с Фэй. Я успела немного успокоиться после всего, что было сказано в тот вечер, я даже решила,

что пришло время выходить в люди. Посетить какое-нибудь мероприятие, концерт или даже просто погулять в парке. Я даже согласилась, чтобы Фэй отвезла меня по магазинам, но все изменилось. Внезапно. Как всегда в моей жизни. Я снова хотела крови. Я боролась с этим голодом, сколько могла. Я не хотела меняться, я не хотела превращаться в монстра. Но сопротивляться этой первобытной силе стало просто невозможно. Мне становилось плохо, у меня тряслись руки и все плыло перед глазами, я держалась до последнего, пока голод не стал сильнее меня в тысячу раз. Я перестала соображать, что делаю, а когда пришла в себя, то поняла, что сижу в подвале на холодном полу и жадно опустошаю запасы Криштофа. Я отбросила пустой пакет и забилась в угол, вытирая рот ладонью. Никто не должен знать об этом. Нужно выбросить пустые пакеты и вернуться в комнату пока Криштоф не застал меня здесь. Облокотившись о стену, я закрыла глаза наслаждаясь чувством полного насыщения. Это было похоже на эйфорию. Мне уже давно не было настолько хорошо. Я положила руки на живот и вдруг снова почувствовала ЭТО. Легкие прикосновения внутри, как крылышки бабочки. Я открыла глаза и посмотрела в темноту. Если в прошлый раз эти прикосновения тут же исчезли, то сейчас они продолжались некоторое время. Меня обуял дикий страх. Со мной что-то происходит, внутри меня. Странные изменения. Ведь никто не знает что я за существо, может я скоро стану чем-то иным, чем-то жутким, той тварью, которая смотрит на меня из зеркал. Теперь прикосновения передвинулись в сторону. Тогда я почувствовала, что из меня рвется крик ужаса, я вскочила с пола и бросилась к Фэй. Без стука ворвалась в ее спальню. Фэй не спала, она сидела за компьютером и что-то писала.

– Темнота? Снова боишься? Хочешь остаться на ночь со мной? Я отрицательно качала головой. Мне хотелось кричать, биться в истерике, я схватила Фэй за руку и прижала к своему животу. Вначале она в недоумении развела руками, но я снова требовательно приложила ее руки к своему телу и придавила. Мы обе застыли. Как назло странное щекотание прекратилось, и я ужа была готова разрыдаться от разочарования. Как вдруг почувствовала нежное шевеление, гораздо более ощутимое, чем раньше и не только я. Фэй резко подняла ко мне лицо, в ее глазах удивление, нет, даже шок и меня начало трясти. Она что-то чувствует. Со мной происходит нечто ужасное и даже Фэй не знает что это. Тем временем горячие ладони Фэй двигались по моей коже и самое страшное, что теперь прикосновения изнутри следовали за ее руками. Будто это она трогает меня изнутри. Я была близка к обмороку. Внезапно Фэй вскочила и схватив меня за руку потащила к двери.

– Мы едем в центр! Это невероятно! Этого просто не может быть по всем законам нашего мира! Здесь нет нужного оборудования, а я хочу ЭТО увидеть. ЧТО ЭТО?! Что Фэй почувствовала внутри меня? Господи, какие еще ужасы приготовило мое тело. Проклятый Вудворт превратил меня в монстра. Тем временем Фэй лихорадочно одевалась, набросила мне на плечи пальто и на ходу бросила Криштофу ключи от машины.

– В центр! Немедленно! О, боже, это невероятно!

Я лежала в кабинете, наверняка бледная как смерть и боялась пошевелиться. Меня бросало то в пот, то в холод. Я зажмурилась, чувствуя прикосновения ледяного датчика ультразвука к моему животу. Сейчас Фэй вынесет мне приговор, но она молчала, словно испытывая мое терпение. Наконец я не выдержала и подскочила на кровати, резко отбросив руку Фэй. Она поняла, что мое терпение лопнуло. Я хочу знать немедленно. Сейчас. Какого дьявола она там увидела, внутри моего тела. Фэй смотрела на меня, расширенными от удивления, глазами.

– Марианна, ты только не нервничай, я клянусь, что мы все узнаем и что дальше с этим делать и как себя вести. Говори, говори немедленно! Я кричала глазами, я давила ее запястье! Наверное, я выглядела жутко. А Фэй…она, черт возьми, улыбалась.

– Это ребенок… Марианна, там, внутри тебя, ребенок. У меня потемнело перед глазами.

– Я еще не понимаю, как это возможно, как это вообще могло произойти с тобой ведь ты не человек. Но могу с уверенностью сказать, что на вид малышу шестнадцать недель и он очень активный. Обычно на этих сроках еще не ощутимы толчки, но этот малыш явный непоседа. Я упала на подушки. Я ничего не понимала из того что она сказала. Ни слова. Фэй воспользовалась моментом и снова приложила датчик к животу. Казалось она в полном восторге от происходящего в отличии от меня.

– Вот ручки…их две, как и положено, ножки, головка, животик, хороший такой животик кругленький. Нужно провести подробное исследование. Я ведь особо в этом ничего не понимаю…Так поверхностно. Она говорила, словно, сама с собой, а я слышала ее как сквозь вату. Мной овладело жуткое оцепенение.

– Ну, очень активный малыш. Невозможно поймать. Ах вот ты где… Иди-ка сюда.

Вот так. Ты кто мальчик или девочка? Нет, невероятно вертлявый и я в этом ничего не понимаю. А вот завтра я покажу тебя Михаилу Васильевичу, и он скажет нам кто ты и все ли с тобой в порядке.

Наконец-то Фэй обратила на меня внимание, она тронула меня за плечо, но я даже не пошевелилась.

– Марианна, я точно сроки определить не могу, я даже не знаю, каким образом развиваются ТАКИЕ малыши, но я все узнаю. Марианна, ты меня слышишь? Эй, у нас будет малыш. Семейство Мокану разрастается. Посмотри на меня, милая, я знаю, что ты в шоке, знаю, что ты сейчас чувствуешь, но ты только вдумайся – у тебя будет ребенок!

Тогда я еще не понимала, что я чувствую, радует ли меня эта новость или сводит с ума, я просто смотрела на Фэй и тряслась всем телом.

– Эй, успокойся, иди ко мне. Все будет хорошо. Вот увидишь. Я буду беречь тебя, и заботиться о тебе. Ты ведь не одна, слышишь? У тебя есть я. Обещаю, что не успокоюсь, пока все об этом не узнаю. Я обняла Фэй и устало положила голову ей на плечо. Ребенок. У меня внутри ЕГО ребенок. И я с ужасом понимала, что знаю, когда мы его зачали. В ужасе и боли. И каким может быть этот ребенок? Может быть, я ношу в своем чреве самого дьявола… Мне было страшно. Невероятно страшно. Вот кто заставляет меня пить кровь. Внутри меня вампир и возможно еще более страшное чудовище, чем мой муж.

18 ГЛАВА

– Я не понимаю, зачем это нужно тебе, князь Мокану?

Лючиан откинулся в кресле, поглаживая набалдашник трости и попивая из золотого кубка коньк. Демон любил вычурность и излишества во всем, как в одежде, так и в окружающей обстановке. На вид и не скажешь, что этот холенный, даже изнеженный молодой мужчина дьявольское исчадие ада. Светлые кудрявые волосы падали на бледное лицо с гладкой персиковой кожей и легким как у девушки румянцем. Капризный рот, ровный аккуратный нос и большие светло-голубые глазаю В ухе демона сверкает сережка с брильянтом. На нем надет светло-серый костюм, удивительно сочетающийся с сереневой рубашкой. На манжетах крупные запонки, пальцы унизаны кольцами, тонкие, словно женские с нежной кожей. Рядом с Николасом Лючиан казался совсем юным. Но Ник знал, что в его мире внешность обманчива втройне и чем прекрасней оболочка, тем более прогнившее нутро. Лючиан – младший брат

Аонэса и Берита, еще более подлый и жестокий, большой почитатель мужской красоты. В отличии от своих старших братьев окружен свитой субтильных демонов любовников. С ним нужно быть очень осторожным. Обчные угрозы, напористость и грубость не те приемы, которыми можно взять Лючиана, тут нужна хитрость и ледяное спокойствие. Николас сел напротив демона в красивое кресло, больше похожее на королевский трон. Зала для приема гостей в этом доме напоминала декорации из фильмов эпохи барокко.

– У меня есть сугубо личные причины, – ответил Николас и посмотрел на демона.

– Хм… какие причины у темного князя мстить своему сподвижнику и партнеру по бизнесу? Здесь есть подвох, Николас, не думай, что меня так легко провести.

– Берит похитил мою женщину, – ответил Ник и его брови сошлись на переносице, – а хамелеон помогала ему в этом. Так что поверь причины более чем серьезные. Лючиан ухмыльнулся?

– С каких пор женщины представляют для тебя ценность, Мокану? Сегодня одна, завтра другая. Рисковать ради очередной…

– Не просто женщина, Лючиан, моя жена. Демон удивился, его тонкие подведенные темным брови приподнялись, Лючиан потянулся за сигаретой и уже спустя секунду пускал в сторону Николаса тоненькие колечки дыма.

– Хорошо, – он словно растягивал слова, наслаждаясь звуком собственного голоса, – допустим это правда. Последнее время Берит душит меня, как может, а твой брат помогает ему в этом. Они потеснили меня в Каспийском море, они искусственно понизили мои цены на акции и подтасовали голоса на предварительных выборах. Ник улыбнулся и с раздражением увидел, как демон плотоядно облизал губы.

– Мой брат? Тебе ли не знать какие отношения бывают внутри семьи? Мой брат чем-то похож на твоего. Он отобрал у меня трон, он всегда был любимчиком моего отца и я буду рад досадить и ему тоже. К сожалению, по нашим законам, не могу убить его, но ты ведь сам понимаешь, не так ли? Казалось, этот ответ вполне удовлетворил Лючиана.

– Значит, тебе нужна Лилия? Любимая любовница Берита подаренная ему Аонэсом в знак примирения? Забавно и что ты с ней сделаешь, когда получишь?

– Оторву ей голову и подарю Бериту, – ответил Ник и увидел как блеснули глаза Лючиана. Разговоры о жестокости его заводили. Теперь он рассматривал князя с интересом.

– Ты знаешь, что такое каратель, ведь так? Скорей всего после этой войны ты не вернешься обратно и не сможешь насолить своему братцу. Ты уверен, что тебе это нужно?

– Мне некуда возвращаться. А жизнь бессмертного тосклива, так что будем считать, что у меня тяга к авантюрам. Не тяни, Лючиан, тебе нужен такой воин как я, твоя армия в плохом боевом духе и плохо подготовлена, среди них должен быть лидер. Тем более я уверен, если они увидят, что на твоей стороне сам князь, многие пойдут за тобой гораздо охотней. Лючиан поднялся с кресла и ленивой походкой подошел к секретеру. Николас чувствовал как в нем закипает гнев. Лючиан его раздражал, выводил из себя одним только видом. Демон достал бумагу и ручку, что-то размашисто подписал и подошел к Николасу.

– Вот твой контракт. Можешь подписывать. Хамелеона получишь, как только попадем к Бериту. Ник взял бумагу и не читая подписал, протянул обратно Лючиану.

mir-knigi.org

– У вас есть план или пока только готовитесь? Лючиан довольно улыбнулся:

– Конечно, есть план. Нападение на улице в неожиданный момент, окружить и уничтожить всех включая охрану. Николас засмеялся и Лючиан с раздражением на него посмотрел:

– Я сказал что-то смешное?

– Очень смешное. Напасть на улице? Ничего глупее я еще не слышал. Лючиан нахмурился:

– Мокану, не слишком ли много на себя берешь?

– Не слишком. Лучше атаковать на его же территории. При этом атаковать вначале его офис, пусть отправит туда основную силу, а потом напасть на его дом, да еще так чтобы двери нашим воинам изнутри открыли. Лючиан задумался, идея ему явно пришлась по вкусу.

– Отличная мысль. Вот ты этим и займешься. Узнаешь как можно открыть ворота изнутри. Каратели работают в одиночку. Каждый сам за себя. У каждого есть задание. Так вот ты свое уже получил.

Ник вернулся в квартиру в обшарпанном районе Рима. В гостинице светится нельзя. Чем меньше бессмертных его заметят, тем лучше. Он прошел по темной, узкой комнатушке и остановился возле окна, внимательно осматривая пустую улицу. Внезапно резко обернулся, услышал шорох за спиной.

– Какого черта? В тот же миг перед ним появилась Кристина, она нагло улыбалась и вертела в руках ключ от его квартиры:

– Хозяин был очень сговорчивым после сеанса гипноза. Ник выхватил у нее ключ и яростно сжал кулаки:

– Ты что творишь, а? Какого черта ты здесь делаешь одна? Кристина пожала плечами.

– Поехала за тобой. Одному тебе не справиться с ними со всеми. Николас схватил ее за руку и потащил к двери.

– Сейчас же отвезу тебя в аэропорт. Совсем с ума сошла. Тебя мне еще здесь не хватало. Кристина яростно упиралась и пыталась что-то сказать, но Ник закрыл ей рот рукой и потащил по коридору. Девушка изловчилась и укусила его за ладонь.

– Сегодня у меня свидание с Беритом. Между прочим уже второе. Он сейчас гостит в Риме. Ник остановился и силой прижал Кристину к стене. Глаза обоих светились в темноте одинаковым красным блеском.

– Ты что затеяла? Он тебя на одну ладонь положит, другой размажет, совсем голову потеряла, а ну-ка брысь домой и чтоб я тебя не видел.

– А ты мною не командуй. Я за Марианну отомщу с тобой или без тебя. Хотя поначалу думала прибить дорогого дядю, а потом к Бериту отправится. Так что отпусти. Я к Бериту ближе вас всех в считанные секунды добралась. Николас разжал пальцы и внимательно посмотрел на девушку.

– Вот куда ты лезешь, а? Я больше не намерен терять кого-то из нашей семьи!

– Я тоже, – с вызовом бросила племянница и упрямо посмотрела на Ника. Как же она сейчас

похожа на Лину, когда та решила отомстить Антуану, только эта еще поупрямей будет да позанозчивей.

– Сегодня я встречаюсь с демоном и поверь мозги я ему запудрю мало не покажется. Он от меня в полном восторге. Тебе ведь нужна моя помощь, я знаю о чем ты говорил с Лючианом.

– Тихо безмозглая, – Ник закрыл ей рот ладонью, но у же с опаской. Потащил ее обратно в квартиру.

Все эти дни обернулись для меня в вереницу проверок и анализов, в Фэй вселился сам дьявол, она нарыла кучу всякой литературы, подвергла меня самым разным проверкам и ждала некоего профессора из Киева. Если я правильно поняла тоже вампира. Она все еще не догадывалась какие мысли одолевают именно меня. А мое настроение становилось все мрачнее и мрачнее. Новость, которая привела Фэй в восторг, меня просто убила. Я не хотела этого ребенка. Мне была отвратительна сама мысль, что во мне дало ростки семя мужа именно в ту ночь, когда он хотел меня убить. Ребенок не должен быть зачат в такой ненависти и боли. Я не хочу иметь живое напоминание об его отце каждый день и каждую секунду. Особенно сейчас, когда я решила начать жизнь сначала, без него. Попытаться снова стать самой собой. Но нет, он всегда рядом, не отпускает, заклеймил меня, поработил и я принадлежу ему не смотря на то что мы не вместе. Оставил мне вечное напоминание о себе. Фэй даже не думала о том, что я тоже жду приезда этого профессора чтобы узнать как избавиться от того чудовища, что сидит внутри меня.

Жажда крови с каждым днем становилась невыносимой и в центре я уже не появлялась несколько дней. Я проклинала ту ночь, я проклинала себя. Мне нужно было вырваться на свободу, а этот ребенок намертво приковал меня к прошлому. Наверное, это была своеобразная реакция на мое состояние, если я не могла ненавидеть отца, то я начала ненавидеть ребенка. Я морила себя голодом, я не поддавалась на жадную потребность в крови, я вообще превратилась в жалкое подобие себя самой. Теперь я походила на скелет обтянутый кожей, волосы от постоянного голода утратили свой блеск, я перестала за собой следить и даже не понимаю, как Фэй этого не замечала. Наконец-то приехал профессор, и я кое-как приоделась, чтобы выглядеть хотя бы прилично. Мы с Фэй отправились в центр. Я нервничала. Очень нервничала, сегодня с самого утра ребенок вел себя внутри очень беспокойно, с каждым днем я чувствовала его толчки все отчетливей. Это уже не были нежные прикосновения бабочек, это уже были ощутимые касания. Как я предполагала, профессор был молод, красив, как и все чертовы вампиры. Но мне было наплевать, я знала, что сегодня потребую избавить меня от этих мучений. Я шла туда с твердой уверенностью. Что обратно вернусь «пустая». Теперь я снова лежала на кровати и по моему животу размазали липкий гель. Фэй и профессор увлеченно обсуждали мое состояние, охали и ахали по поводу невероятного чуда, а я чуть ли не скрипела зубами от злости. В конце концов, к моему животу приложили датчик:

– А малыш очень быстро растет. Когда ты делала УЗИ в последний раз, Фэй?

– Неделю назад. Тогда он соответствовал двадцатинедельному зародышу. Он растет с точностью в два раза быстрее, чем человеческое дитя.

– Ребенок совершенно нормальный. Не отличить от зародыша смертных. Он довольно пропорционален, у него здоровые органы и даже есть сердце. Вот смотри. Фэй…У нас будет рожденный вампир. Ты представляешь, что это начало новой эры. Возможно, от него будут рождаться дети. То есть у нас пропадет необходимость кого-либо обращать, это будет другая раса.

– Посмотри, это мальчик или девочка?

– Вертлявый малыш. Дайка я тебя немножечко придавлю, чтобы ты повернулся. В тот момент, когда профессор надавил датчиком мне на живот, мой мозг пронзил детский плач. Я вздрогнула, обернулась в поисках источника звука, но так и не поняла, откуда он доносится.

– Вот так. Это мальчик. Фэй это мальчик, черт возьми! Я не верю, что это происходит на самом деле…Так давай-ка посчитаем когда он может родиться. В этот момент я отбросила руку профессора и показала жестом, чтобы мне дали бумагу и ручку. Жирно, размашисто я написала:

– УМОЛЯЮ, ИЗБАВЬТЕ МЕНЯ ОТ НЕГО! Я НЕ БУДУ РОЖАТЬ! СДЕЛАЙТЕ АБОРТ! Фэй выронила мою записку и побледнела, а доктор впервые посмотрел мне в лицо.

В этой гробовой тишине, даже часы, наверное, встали. Я видела, как профессор посмотрел на Фэй, потом медленно встал со стула.

– Я думаю, вам стоит пообщаться наедине. Фэй, надеюсь, ты объяснишь своей племяннице, насколько уникален этот ребенок? Впрочем, решать вам, но я считаю, что король должен об этом знать. Без ведома Влада – я делать аборт не стану. Простите. Он даже не удостоил меня взглядом и вышел из кабинета. Фэй подошла ко мне, хотела обнять, но я сбросила ее руки и отвернулась. Всем видом, показывая насколько меня, не волнует их мнение.

– Марианна, милая, прости меня. Я должна была тебя выслушать, должна была понять. Но я так… так была рада этому ребеночку. Марианна, не отворачивайся. Посмотри мне в глаза. Неужели ты желаешь смерти своему малышу? Я не хотела ее слушать, внимать ее уговорам, не хотела, чтобы на меня действовали ее убеждения. Я даже закрыла уши руками и отрицательно качала головой.

– Марианна, этот ребенок, он спасение для братства, как ты не понимаешь?! Он открытие, он новая эра. В нем будущее клана. Рожденный вампир. Никто и никогда не слыхивал о таком. Единственным рожденным вампиром был тот, от кого появились мы все. Но он мертв. От этого вампира появятся другие. Это невероятно. Больше не будет людских жертв, «новорожденных» вампиров, созданных другими. В братстве появятся новые законы. Кто знает, какие способности у твоего малыша? Он будет достойным продолжателем династии королей. Я не хотела ее слышать. Не о чуде, не о чудовище, которого она называла ребенком. Я схватила ручку и написала ей все, что я об этом думаю:

– Вы меня спросили? Я что, по-твоему, пчелиная матка? Я никто? У меня нет права выбора? Для меня это не ребенок. Это монстр, порождение кошмара. Я не хочу, чтобы меня хоть что-то связывало с его отцом! Ты понимаешь, что теперь я никогда не стану свободной? ОН не оставит меня! Когда узнает о ребенке, он заставит меня вернуться, и я снова буду жить в рабстве! ОН придет за мной! Фэй! Я не могу так! Фей если вы не вытащите это чудовище из меня, я вытащу его сама. Я покончу с собой. Так что выбирайте – или я или он. Наверное, я сейчас не была похожа сама на себя. Даже Фэй от меня отпрянула.

– Марианна, дети не виноваты в грехах родителей. Этот малыш, он ни в чем не виноват. Как ты можешь приговаривать его к смерти. Ты вправе отказаться от него, когда он родится, я могу воспитывать и двоих. Но убить?! Марианна это не ты сейчас говоришь, это твой гнев и обида говорят за тебя. Твоя ярость. Желание отомстить отцу малыша. И еще, не волнуйся, Ник за тобой не придет. Вряд ли ты когда-нибудь снова его увидишь. Я пропустила ее слова мимо ушей. Я слышала только то, что хотела слышать.

– Фэй, я не хочу его рожать, я не хочу быть для него инкубатором, лабораторией. Я имею право выбора. Фэй отрицательно качнула головой:

– Нет. Это будет решать твой отец. Меня охватила паника, чувство страшной безысходности.

– Вы запрете меня и заставите родить? Снова посадите меня под замок? Снова приговорите? Это так просто – я одна, а вас много, почему бы не сломать меня еще раз! Только знай, Фэй! Если ты не на моей стороне я сама избавлюсь от ребенка, и никто из вас не сможет мне помешать. Я ПРОСТО ВЫРЕЖУ ЕГО ИЗ СВОЕГО ТЕЛА!

Фэй попятилась назад, а я вдруг снова услышала детский плач, он стоял у меня в голове, нарастая издалека, плач боли и обиды. Я осмотрелась по сторонам. В соседнем кабинете никого нет. Сейчас слишком поздно – все дети из центра уже спят. Тогда откуда, черт побери, этот душераздирающий плач?

Я приложила руки к животу и плач начал стихать. Видно мои глаза расширились от удивления. Фэй хотела что-то сказать, но я сделала ей жест молчать. Теперь плач уже не был таким громким, словно ребенок вот-вот утешиться, но все еще всхлипывает от обиды. Я провела рукой по животу, снова тихий всхлип. Тогда я откинулась на подушку и прислушалась, погружаясь в себя, в свои ощущения. И я почувствовала это – боль, она была сильнее, чем моя собственная, боль и отчаянное одиночество, а еще страх, панический ужас. Это существо, внутри меня, оно передавало мне свои эмоции и сейчас оно очень боялось. Что-то в моей душе всколыхнулось, невидимое еле ощутимое. В этот момент Фэй подошла к аппарату УЗИ и снова взяла датчик и, пользуясь моментом, приложила его к моему животу. Она включила звук на полную громкость и я замерла. Тук…Тук…Тук… Что это?

Словно бьется чье-то сердце. Я посмотрела на Фэй, она с трудом сдерживала слезы:

– Это сердечко твоего малыша, он напуган, пульс участился. Он чувствует, как сильно ты его ненавидишь. Марианна, не надо…Этот малыш, он наверняка все понимает. Нельзя так. Он же совсем крошечный. Ты для него весь мир. Ты для него центр этой вселенной. От отчаянья у меня перехватило дыхание, рыдания рвались наружу. Я не хочу. Не хочу этого ребенка. Это не может быть его сердце. У монстров нет сердца. Нет. Там кусок льда. Но сердце продолжало биться. То чаще, то быстрее. И вдруг я ощутила волну, внутри меня, в моем сознании безграничную волну любви нежности. Не моей любви, потому что тогда я еще не любила ребенка, а его любви. Оно меня жалело, оно показывало мне, как сильно любит. Я снова слышала тихий плач.

Наверное, я полностью погрузилась в свои ощущения. Теперь я прислушивалась. Меня охватило странное чувство, что я знаю, чего хочет ребенок, словно он просил меня. И я поддалась – погладила живот, нежно, едва касаясь. Плач стих. У меня в голове снова стало тихо, только теперь эта тишина успокаивала. Ребенок меня успокаивал. Я чувствовала его невероятную энергию. Он передавал мне импульсы, по моему телу растекалось тепло. В кабинете по-прежнему раздавался стук маленького сердца и постепенно звук перестал быть резким и отрывистым, перешел в другой диапазон. Я не замечала, как продолжаю гладить живот, мною овладело странное оцепенение, я коснулась чего-то сугубо личного, интимного, которое принадлежало мне и ребенку. Он разговаривал со мной, он показал мне, что любит меня. Любит, так как еще никто и никогда на этом свете не любил, и не будет любить.

– Ты его слышишь, да? Он дает тебе почувствовать себя? Марианна? Скажи мне – ты его чувствуешь? Я кивнула и в растерянности посмотрела на Фэй.

– Вернуть профессора? Пусть продолжит осмотр? Я снова кивнула, и устало закрыла глаза. Ребенок перестал быть чем-то чужеродным и страшным. Я больше его не боялась. Наоборот это он очень боялся меня. Во мне еще не было любви, но желание уничтожить пропало. Нельзя ненавидеть того кто тебя так боготворит и боится. Теперь я не знала, что будет дальше. Я должна, наверное, смириться, позволить ему развиваться дальше. Может быть, когда-нибудь я тоже смогу ему ответить взаимностью. Единственное я знала, точно – мне понравилось наше странное общение. Когда я «услышала» ребенка я перестала испытывать острое чувство одиночества и горечи, теперь я уже не одна. Нас двое. Может быть Фэй права, я рожу его и оставлю ей. Думаю, это будет правильно.

19 ГЛАВА

Желание напиться до беспамятства, становилось невыносимым по ночам, когда стихали голоса и движение на дорогах. Когда он лихорадочно продумывал каждый свой шаг. Это помогало отвлечься и забыться. Месть. Она грела душу. Он вынашивал ее заботливо, как мать носит под сердцем любимое дитя. На обшарпанном полу лежал план владений Берита. Не совсем точный, без лабиринта, подвалов и запасных выходов, но это все чем располагал Лючиан. Все его ищейки, засланные в дом Берита были жестоко уничтожены. Ник приходил к выводу, что помощь Кристины ему просто необходима. Откуда только взялась эта девчонка на его голову? Как Витан позволил ей уехать? Впрочем, Кристине невозможно что-то запретить, она все равно сделает по-своему. Будь это не его племянница, план с проникновением в дом демона мог оказаться самым лучшим, но это слишком опасно. Если Берит узнает, кто такая Кристина он не преминет этим воспользоваться в своих целях. Со временем Нику пришлось признать, что других вариантов просто нет. Он до мелочей обдумал свои действия и пришел к выводу, что открыть ворота замка сможет только Кристина. Тогда Ник решил – нужно ее всему обучить. Чтобы девушка попала в логово зверя хорошо подготовленной к тому, что ее там ждет. Кристина оказалась не просто хорошей ученицей, а и Нику многому можно было у нее поучиться. Их тренировки проходили в полной тишине. Иногда в каморке Николаса поздней ночью иногда на рассвете за городом. Кристине порой удавалось одержать верх даже над ним. Но это ни о чем не говорило. Демон во стократ сильнее. Единственное чего они до сих пор не знали – это как уничтожить Берита. Как его убить. Лючиан и не собирался посвящать их в эту тайну. Очевидно, несмотря ни на что младший из семейства верховных демонов, не доверял своим карателям. Ник говорил Кристине как ей нужно вести себя в случае опасности – лучше всего бежать, скрыться, не вступать в конфликт. Сегодня Кристина вновь встречалась с демоном и должна была впервые переступить порог его дома. Ник прождал ее возвращения сутки. Он нервничал, измерял шагами маленькую комнатушку, смотрел на часы и с ужасом понимал, что сейчас он бессилен. Если Кристину ждут неприятности, Ник не сможет ей ничем помочь.

Плутовка вернулась утром и в довольно хорошем расположении духа. Она зашвырнула сумочку на диван, сбросила туфли на шпильках и плюхнулась в кресло, требуя принести ей стаканчик крови и чего-нибудь покрепче. Злой как черт, Ник выполнил ее просьбу, а потом накинулся с упреками. Она должна была дать ему знать, что с ней все в порядке, сообщить, позвонить, но девчонка нагло смеялась, забросив ноги на подлокотник и потягивала коктейль, как ни в чем не бывало.

– Говори, не томи, говори, ну.

– У нас есть помощник, – сказала та с триумфом и достала зеркальце из сумочки – верный суккуб Берита готов мне помочь. В этот момент Ник выхватил из ее рук бокал, швырнул на пол и гневно ее тряхнул:

– Ты что проболталась Ибрагиму? Ты в своем уме? Это же правая рука самого демона?

– Не тряси меня, как грушу, я и так устала. «Ух как интересно господин Берит, ух как занимательно, да вы гениальны». Тьфу! Еще ты нервы треплешь! Коктейль вылил. Кристина отбросила его руку и пошла за другим бокалом.

– Ибрагим, между прочим, ненавидит Берита, – сказала она уже с кухни, зная, что он прекрасно ее слышит, – тот держит его в неволе уже тысячу лет. Кстати, это именно Ибрагим передал мне пленку с доказательствами невиновности твоей жены. Если хочешь знать, то с помощью суккуба ты можешь проникнуть в дом. Я лишь буду отвлекающим звеном. Ник ухмыльнулся:

– И чего хочет взамен суккуб?

– То чего и все – свободы. Власти. Ибрагиму насточертело выполнять прихоти хозяина. Он хочет на волю. Так что, когда сдохнет Берит, это освободит Ибрагима от всех обязательств и он уйдет на покой.

Николас с недоверием посмотрел на Кристину, которая появилась с новым бокалом:

– Слишком все просто тебе не кажется? Она пожала плечами:

– Все простое бывает гениальным. Ник, у нас нет другого выбора, помощь Ибрагима нам нужна, а если он предатель, значит такова наша судьба. Вот и все. Кстати я видела эту тварь. Сегодня.

– Хамелеона? – Ник побледнел от ненависти и ярости.

– Вот именно. Красивая сучка. Хотя кто знает, может и это не ее внешность. Только я теперь хорошо ее отличаю. По глазам. У хамелеонов они оранжевые. Она затаилась как змея. Для нее я теперь враг номер один. Берит прогнал ее из своих покоев, когда привел меня домой. Кстати, он красавчик. Козел и урод моральный, но хорош.

– Он к тебе… – Ник почувствовал, как у него сжимаются кулаки.

– Нет не приставал, он со мной очень учтив. Для него я девушка извне. Не рабыня и не служанка. Так что он ведет себя так словно он и не демон вовсе, кстати, он даже не подозревает, что я дампир. Фэй в свое время дала мне необыкновенные духи, заглушающие запах иных существ. Для Берита я пахну как человек. Он думает, что я не знаю кто он. Кстати, Берит считает меня очень важной птицей. Я представилась ему как дочь нефтяного магната из Чехии…

– Дура, и дня не пройдет, как он вынюхает о тебе все. Нам нужно действовать как можно быстрее. Как ты связываешься с Ибрагимом?

– У меня есть его личный номер.

– Сегодня же я поговорю с твоим отцом. Нужно начинать действовать, пока твои отношения с демоном не зашли слишком далеко. Черт, ну и в гнусную же историю ты меня сейчас втягиваешь. Влад и Витан представления не имеют где ты находишься…а я должен подставлять тебя Бериту!

– Еще как имеют представление – для них я отдыхаю в Таиланде. У меня даже сотовый

таиландский имеется. Так что все отлично, дядя, расслабься.

Кристина растянулась на его кровати и закрыла глаза. Ник сел на пол возле нее и облокотился о стену. Раннее утро. Затишье всего живого. Сейчас, когда беспокойство за Кристину немного утихло, Ник снова почувствовал прилив черной всепоглощающей тоски. Одиночества. Если бы ОНА была рядом, все было бы иначе. Вся его проклятая жизнь была бы другой. Но у него был огромный кусок счастья. Точнее мизерный по меркам бессмертных. Всего два года. Он сам все разрушил, сжег, пепла не оставил. Никогда и ни с кем он не бывал так жесток как с Марианной. Он мог быть холодным с любовницами, мог быть грубым, но жестоким – никогда. Любовь к Марианне как наваждение, подобной страсти в его жизни не было и не будет никогда. Она как яркая комета осветила его мрак и погасла, мерцая вдалеке манящим светом, недоступным и уже не принадлежащим ему. Он должен ее отпустить, и отпустит, если останется жив после этой переделки. Он даст Марианне свободу. По законам королей братства – он имеет право развестись. Марианна заслужила свое счастье без него. Возможно, у нее появится другой мужчина и она…О, дьявол, когда же он сможет не думать о ней без этого поглощающего чувства боли? Ник тихо спросил Кристину:

– Как она? Когда ты видела ее в последний раз? Племянница молчала, словно не желала говорить с Ником на эту тему.

– Все еще хочешь меня убить?

– Как я могу хотеть тебя убить, после того как увидела, что ты и так мертв? – так же тихо ответила она, – Это твое тело ходит и разговаривает, а душа и сердце мертвы, корчатся в адском пламени. Ты уже себя убил. Только одного не пойму как у тебя рука поднялась?… Если бы меня ударили еще ладно, я та еще стерва, но она… В ней столько света, столько любви. К тебе. Как ты мог? Ник опустил голову на руки:

– Не знаю. Наверное, я не умею любить как она. Моя любовь другая. Черная любовь. Наверное, я так и не смог до конца поверить в свое счастье. Мне казалось, что вот-вот что-то случиться, что она меня разлюбит, встретит другого. Я всегда этого ждал и поэтому так легко поверил. Самое страшное, что тогда я хотел ее убить. Ты не поймешь того жгучего яда, который серной кислотой сжигал мне душу. Все слишком сложно. Внутри меня живет жадный зверь. Не мне – значит ни кому. Кристина придвинулась к нему ближе, легла на живот подперла подбородок кулачками.

– Если Марианна простит тебя, если захочет вернуться…

– Нет! – Ник сказал это слишком резко, даже сам вздрогнул, – не куда возвращаться. На таком пепелище и костей не осталось. Мы слишком разные. Марианне нужен другой мужчина рядом: спокойный, любящий и ласковый. Я на подобное не способен. Я другой. Мои чувства для нее губительны. Так что не нужно даже и думать об этом. Если вернусь, то займусь разводом. Думаю, она обрадуется, узнав, что теперь свободна. Кристина тронула Ника за плечо:

– Ты хоронишь себя, да? Вот почему не борешься за нее? Вот так просто опустил руки?

– Глупая, ничего ты не понимаешь, мне не за что бороться. Я все решил. Так будет лучше. Для нее.

– А для тебя? Что лучше для тебя, Ник? Как ты будешь жить дальше, зная, что отпустил ее в мир других мужчин? Ты же сдохнешь от ревности, я-то тебя знаю, порой мне кажется, что из всего нашего семейства я больше всего похожа на тебя. Ник резко встал:

– Не болтай глупости. Слишком ты еще молодая, чтобы рассуждать о моих чувствах. Позвони Ибрагиму, скажи, что пусть готовиться. Ник вышел на улицу и судорожно выдохнул воздух. Отпустить… Что будет с ним? Какая разница? Как всегда – мрак, одиночество, ему не привыкать, если в живых останется.

С этого момента моя жизнь изменилась. И она менялась каждый день, незаметно, но довольно ощутимо. Фэй не отходила от меня ни на шаг, она совершенно не давала мне побыть одной. Везде и всюду я ездила за ней. Мне даже начало это нравится. В центр я все же вернулась. Фэй неизменно поила меня увеличенной порцией крови, и поэтому я была сыта…Точнее ребенок был сыт. У меня начал появляться живот. Как-то вдруг сразу вылез. До этого профессор говорил, что я плохо питаюсь, а ребенок растет очень быстро и забирает у меня всю энергию. Он говорил, что я должна увеличить свой рацион до шести раз в день, иначе начнется сильное истощение. Я слушалась. Постепенно я начала привыкать к мысли, что уже не одна, и внутри меня живет другое существо. Наше общение с ребенком стало постоянным ритуалом. Я даже не заметила, как это переросло в привычку и я начала мысленно с ним разговаривать. Он единственный кому не нужно писать ничего на бумаге, он понимал меня с полуслова. Я даже вела с ним своеобразную игру. У нас совершенно не совпадали вкусы в еде. Я любила сладкое, он любил соленое. Я любила апельсиновый сок, а он простую газировку. Иногда я его дразнила, тогда он меня тоже наказывал. Бывало съем ему назло кусочек торта, а он вернет мне его назад.

Я злюсь, мысленно его ругаю и в ответ слышу смех. Серебристый детский смех. Я не знаю, каким образом ребенок заменил мне всю вселенную. Это произошло быстро, но совершенно незаметно. Теперь я уже не представляла, как могла желать от него избавиться. Я уже не смогу без его толчков, касаний, без его теплой и такой безграничной любви. Фэй наблюдала за нами с улыбкой, иногда она тоже прикладывала руки к моему животу, и ребенок позволял ей получать его импульсы. Это было интересно и забавно. Мы все еще хранили все в тайне, я взяла клятву с Фэй, что она ничего не скажет родителям, пока я не позволю. И это время пришло. Мне захотелось, чтобы все познакомились с Самуилом. Да, я придумала ему имя. Хотя, наверное, думать пришлось недолго. Как только во мне проснулись теплые чувства к ребенку я назвала его именно так, и ему понравилось. Не спрашивайте, откуда я знаю. Просто понравилось и все. А когда появилось имя, привязанность стала сильнее. Я даже начала просматривать журналы для молодых мам и выбирать детское приданое. Меня настолько это увлекло, что теперь я уже сама таскала Фэй по магазинам, и мы решили начать готовить детскую. Ребенок должен родиться в середине лета. По подсчетам доктора моя беременность будет длиться как у Кристины – пять месяцев. Сейчас прошло уже почти три. Профессор с Фэй еще не решили: позволят ли малышу родиться естественным путем или сделают мне кесарево сечение. Фэй говорила, что я слишком худая для естественных родов, а профессор смеялся и говорил, что и не такие худышки рожают сами. Решили готовиться все таки к обычным родам. Я вообще об этом не думала. Я думала лишь о том, что наконец-то хочу, чтобы мама была рядом со мной. Я соскучилась. Я была готова ее принять и отца тоже. Если начинать жизнь сначала, то нужно это делать прямо сейчас. Теперь я говорила с малышом о его бабушке и дедушке, рассказывала их историю, а он «слушал», я знаю, что слушал. А еще я придумывала ему сказки. Красивые сказки о любви с прекрасным концом. Единственный о ком я не говорила с Сэми это Ник. Я вообще старалась о нем не думать. Последний раз, когда у меня был приступ отчаянья, ребенок почувствовал и сжался в комочек, он не шевелился целые сутки, и я в панике разбудила Фэй, заставив найти сердцебиение малыша по УЗИ. Теперь я запрещала себе думать о Нике. Его нет. Он ушел в другую жизнь и больше к нам не вернется. Конечно, я понимала, что прячу голову в песок как страус. Несомненно, рано или поздно Ник узнает о ребенке и захочет его увидеть. Хотя, мой муж непредсказуем, кто знает, как он относится к

детям? Как вообще древний вампир может относиться к ребенку? Мы с ним никогда об этом не говорили и рядом с детьми я его не видела. Кто знает, может, этот ребенок ему не нужен, так же как и я. Но если все-таки он придет и захочет забрать малыша – я не отдам. Это мой Сэми. Мой. Прежде всего, только мой, а Николас пусть катится ко всем чертям. Иногда я думала о том, что прошло уже больше трех месяцев с тех пор как я у Фэй. Долгих три месяца. И за это время мой муж не сделал ни одной попытки с нами связаться, за исключением того случая, когда появился в центре. Он не просил прощения, хотя, несомненно, я бы не простила, он не пытался поговорить. Он вообще исчез. Поначалу меня это радовало, но позже, спустя время, я думала о том, что сейчас начинаю его ненавидеть. Именно сейчас, а не тогда. И ненавижу я его не за то, что он со мной сделал, а за то что он бездушное чудовище. Эгоист и проклятый гордец. Ведь если вся семья знает, что я ни в чем не виновата, какого дьявола он даже не попытался сгладить свою вину? А ответ один – он не считает, что я того стою. Да и зачем? Теперь он свободен как ветер. Другие женщины, виски, наркотики. Кто знает, может я ему надоела еще тогда, когда все было хорошо. Ник не относится к тем мужчинам, которые хранят верность и могут спать с одной женщиной долгое время. Ник не клялся мне в этом никогда, а я боялась просить. Он предупреждал меня, что ничего обещать не может и не хочет.

Так что наверняка в его доме живет Мелисса или очередная любовница. Сказать, что мне не было больно, значит солгать самой себе. Я просто гнала эти мысли в самый дальний угол и запрещала себе об этом думать. Так же как и том, как мы расстались. Когда я поняла, что все кончено, а я это почувствовала совсем недавно, начав размышлять обо всем, что между нами было раньше, я сняла обручальное кольцо. Спрятала его подальше. Все. Нужно учиться жить заново. Но жизнь очень любит преподносить мне «сюрпризы», преподнесла и в этот раз.

Зачеркнув все черной и жирной линией. Я ничего не решаю. За меня уже все решили. Где и кто – я не знала.

Но вначале я встретилась с родителями. Для этого мы поехали с Фэй в другой город. Мама с папой сняли небольшой домик и ждали нас. Для меня эта встреча символизировала прощение в полном смысле этого слова. Родители не знали о моей беременности и поэтому, когда увидели меня, вначале ничего не заметили. Фэй деликатно стояла в сторонке. Сцены с вымаливаньем прощения не было. Только взгляды, только тишина и наши взгляды. Нам всем было слишком больно: им от того, что причинили мне страдания, а мне от того, что так долго не могла их пустить в свою жизнь обратно. Я сделала шаг к ним навстречу, а они должны были смиренно ждать моего решения.

Первой поняла мама. В тот самый миг, когда крепко сжала меня в объятиях, она почувствовала мой маленький, но очень упругий живот. Лина резко отстранилась от меня и долго смотрела мне в глаза, потом на Фэй, потом на папу.

– Марианна…ты беременна?…Но как? Фэй, как такое возможно? Отец, казалось, был сильно смущен. Он боялся смотреть мне в глаза, боялся прикоснуться, но я сама бросилась ему на шею, и он закружил меня как когда-то в детстве:

– Маняша, радость моя, моя любимая девочка… Как же я скучал, как я тосковал по тебе. И я тосковала. Только сейчас я поняла, как сильно мне их обоих не хватало, но нам было нужно это время. Эти месяцы. Нам всем, чтобы прийти друг к другу снова. А потом были расспросы, восторг и снова слезы. Я не знала, что в этот день меня ждал новый удар. Неожиданный и болезненный. Пока что я наслаждалась счастьем, но у меня оно никогда не бывает долгим.

Вечер начался восхитительно. Я была счастлива. Можно даже сказать, очень счастлива. Я сама не верила, что все еще могу ощущать этот восхитительный приток сил. Я вернулась в

детство, когда мое общение сводилось лишь к знакам и жестам. Я очень редко разговаривала лет до пяти. И мама, и отец, вспомнили то далекое прошлое, когда понимали меня без слов. Этот вечер был посвящен мне и ребенку. Мы говорили только о нем. Папа растрогался до слез, когда понял, какое имя я выбрала малышу. Мама обсуждала с Фэй роды. И никто из них не заговорил о Нике, а я не решалась спросить. Точнее я боялась, что их ответ снова причинит мне боль. Фэй рассказала нам, что нашла очень много информации о том, кто я на самом деле. Она просто не решалась сказать мне раньше, но сейчас самое подходящее время, когда вся семья в сборе объяснить, почему я смогла забеременеть и что я за существо. Все что она говорила, заставило мое сердце биться чаще, вернуло мне интерес к моему прошлому. Прошлому где Лина еще не нашла одинокую девочку возле дороги. То есть меня. Это удивительно, но у меня были настоящие родители. Их убили демоны. Меня каким-то чудом удалось спасти. Но самое интересное, что моя мама, как и я, оказалась падшим ангелом, и полюбила она вампира. Ушла ради него в мир людей, чего ей не простили демоны, у которых она должна была служить в рабстве вечно, после падения. Мама сбежала. Так что и моя биологическая мать, и я стали носителями нового гена. Гена «рожденных» бессмертных. Демоны не дали ей жить дальше. Никто не желал появления новой расы. Я повторила ее судьбу настолько точно, что даже Фэй была удивлена. Только мама вышла замуж не за члена королевской семьи, никто не мог обеспечить ей безопасность и погибли они вместе. Их сожгли живьем. Как же мне захотелось их вспомнить, ведь даже когда ребенок очень мал, воспоминания все равно отпечатываются в его хрупком сознании и никогда не стираются. Возможно, я даже знаю, кто их убил. Фэй считала, что, как и сейчас, моя немота в детстве наступила вследствие сильнейшего потрясения. Фэй обещала помочь мне вытащить воспоминания детства наружу, но только после родов.

Сейчас я слишком чувствительная и ранимая. Теперь я знала кто я – носитель. Я не относилась ни к одной вышеперечисленной расе и в то же время могла выносить плод любого из них. То есть, я просто уникально подхожу под любые изменения генов. Вот почему я была таким ценным подарком для Берита – я могла зачать. Фактически я: и вампир, и демон, и оборотень, кто угодно, в зависимости от преимущества генов. Только обращения в общепринятом смысле этого слова с такими, как я, не происходит. Мой организм функционирует для любого видоизменения, чтобы выносить бессмертное дитя. Отец испытывал легкий шок и я отлично его понимала. Если вся информация верна, то я ношу удивительного ребенка, которого ожидали веками. Что это сулит мне? Неизвестно. Только отец решил, что теперь я постоянно буду с Фэй и он увеличит нашу охрану. В городе появятся воины и ищейки, которые будут незримо нас охранять. А еще он злился, что мы раньше ничего не сказали, он считал, что мне может угрожать опасность, как и Велесу. Фэй взяла непоседу с собой, и теперь тот мирно сидел на коленях у своего деда. Нет, это слово не подходит. Как когда-то и я не могла назвать Самуила дедушкой. Как мужчина, который выглядит от силы лет на тридцать и так безумно красив, может называться этим родственным титулом? Мне и отцом его сложно назвать. Про маму я вообще молчу. Мы с ней выглядим почти как ровесницы.

Когда отец и Фэй ушли в кабинет разбирать старинные манускрипты, я осталась с мамой. Мы долго смотрели друг на друга, и я чувствовала, что мы обе хотим заговорить и не можем. Я знала, о чем она думает, а она понимала, что я хочу у нее спросить и не могу и тогда она тихо сказала:

– Милая, я знаю, что сейчас не время, что ты наконец-то начала приходить в себя, но ты должна поговорить со мной об этом. Мы не можем делать вид, что ничего не случилось и радоваться прибавлению в семействе. Новость потрясающая, ошеломляющая, но родитель не бывает один. С точки зрения биологии их всегда двое. У Сэми есть отец. Я резко встала и отошла к окну. Мама подошла ко мне сзади и положила руки мне на плечи.

– Больно. Я знаю. Очень больно. Особенно когда ты не в чем не была виновата. Но меня ты не обманешь, милая. Я так хорошо тебя знаю. Ты можешь молчать и делать вид, что ЕГО не существует, но он есть и это его ребенок тоже. Мы обязаны ему сказать. Просто обязаны. Я бросилась за ручкой и бумагой.

– Мама, я знаю, что должны сказать, знаю! – и тут меня прорвало, наверное, мне была нужна именно мама, именно она, для того, чтобы я проняла, что именно чувствую, – он забыл обо мне, после всего, что со мной сделал?! Просто вычеркнул меня из своей жизни?! Где он?! Мама, где он?! Не надо умолять меня о прощении, не надо! Я знаю, что он гордый! Знаю, что не может просить. Просто поинтересоваться, позвонить. Я ведь его жена! Почему, мама? Почему он со мной так? За что? Теперь, когда знает, что я не виновата! Написала и поняла, что именно это сводило меня с ума и нет конца этой одержимости, этой проклятой зависимости и будет он втаптывать в меня в грязь, бить издеваться, изменять я все равно буду ждать когда он придет ко мне. Ждать, как верная собачонка. За это я ненавидела нас обоих. Я не заметила, что снова плачу. Мама не ожидала, такой вспышки отчаянья ее глаза тоже наполнились слезами, она резко привлекла меня к себе и обняла.

– Марианна, ты не должна себя винить за то, что все еще любишь его. Не должна. Не бывает, так как надо. Я понимаю, ты думаешь, будто сейчас хочешь его ненавидеть, забыть, оттолкнуть, но мы обе знаем, что это неправда и плачешь ты не потому что он поднял на тебя руку, а потому что не пришел к тебе.

– Где он, мама? Какая шлюха валяется сегодня в его постели? В нашей постели? Он пришел посмотреть, не сдохла ли я и снова пропал? Я не могу так больше, это невыносимо! Что ты хочешь, чтобы я ему сказала? Вернись ко мне? Я простила и у нас будет ребенок? Не хочу! Я не хочу, чтобы нас связывал Сэми! Я хочу ту любовь, которая была! Я хочу быть счастливой, мама! Счастливой! И если не с ним, то сама! Вот почему я не хотела, чтобы он знал о ребенке! У меня началась истерика.

– Марианна, посмотри на меня, послушай! Но я махала руками, вырывалась, я срочно хотела остаться одна. Меня вывернуло наизнанку, всю душу вывернуло осознание, почему мне так больно. Мама повернула меня лицом к себе, обхватила меня крепко за плечи.

– Ник не изменяет тебе, слышишь! Он не забыл о тебе, не бросил! Милая, ты так хорошо знаешь его. Ты всегда чувствовала его лучше, чем все мы. Он просто не мог к тебе приблизиться. Не смел. Понимаешь? Когда я видела его последний раз, он больше напоминал труп. Я снова вырвалась из ее объятий.

– Тогда где он, черт возьми? Где? Пусть придет, пусть не трусит и посмотрит мне в глаза. Пусть попытается вернуть меня обратно. Я заметила, что на этот вопрос мама мне отвечать не хотела. Она просто отвела глаза в сторону. Теперь уже я ловила ее взгляд. Я чувствовала, как она пытается лихорадочно придумать ответ. Как беспомощно смотрит на дверь, ведущую в кабинет, ожидая, что отец или Фэй выйдут ей на помощь. Словно в ответ на ее немую мольбу появился Влад и за ним Фэй. Они слышали. Я видела по их лицам, что они знают, то, что мне знать не положено. Отец с упреком посмотрел на мать.

– Лина! Я же просил тебя! Мы же говорили об этом всю дорогу! Зачем?! Мама беспомощно развела руками:

– А что я должна молчать? Видеть ее слезы и молчать? Мы должны ей сказать. Хватит играть в эти игры. Хватит лгать и скрывать? У нее будет ребенок, это все меняет. Ник должен об этом знать до того как… Она осеклась, отец не позволил ей договорить, теперь его глаза яростно

сверкали, и это не предвещало ничего хорошего. Что сказать? О чем они? Почему я снова чувствовала себя дурочкой? Слабоумной, от которой всегда скрывают правду. Лина достала из сумочки бумаги свернутые вчетверо и протянула мне.

– Он прислал мне это вчера вечером. Просил, чтобы я отдала их тебе, потом когда…Вобщем я думаю, что нужно отдать сейчас. Влад испепелил ее взглядом, но промолчал. Я протянула руку и взяла проклятую бумажку. Именно проклятую. Я могла ожидать чего угодно, только не этого – бумаги о разводе, заверенные в Совете подписанные Ником, главой Совета и моим отцом. Только одна черточка пуста, там, где должна быть моя подпись. Теперь я все поняла. Правда открылась мне резко и беспощадно. Мама специально отдала мне эту бумагу сейчас, думая, что тем самым заставит меня передумать, заставит вернуться самой. Ради ребенка. Чтобы спасти наш брак. Вот почему она говорила мне все эти слова утешения. Чтобы я поверила. А потом, когда ничего не помогло, она дала мне эти бумаги. Мною овладело отчаянье, безмерная тоска, когда понимаешь, что все мосты сожжены, и пути обратно нет. Но я не позволю ему так с собой поступить. Вышвырнуть меня из своей жизни и ребенок тут ни при чем.

– Знаете что? Я не подпишу эти проклятые бумаги. Ему нужен развод? Так пусть придет ко мне сам и попросит! Пусть засунет свою гордость куда подальше и попросит, черт его подери! Теперь уже отец обнял меня за плечи и тихо сказал:

– Он не попросит. Марианна. Ник ушел и возможно уже не вернется. Он хотел дать тебе свободу. Показать, что больше не держит тебя насильно, что ты можешь выбирать!

Почему у Влада такой трагичный голос? Они все надо мной издеваются? Что значит дать мне свободу? Зачем? Я снова ничего не понимала, разве меня сейчас не предали? Не выкинули на помойку? Что происходит? Почему эти бумаги воспринимаются моими родителями, будто великое благо, которое совершил мой муж. Верх благородства. Чего я не понимала сейчас? Что я упустила?

– Ник ушел на службу в отряд карателей Лючиана. Только так он может подобраться к Бериту и к хамелеону. Оттуда редко возвращаются обратно. Он хотел дать тебе свободу, а не сделать своей вдовой. И мама подумала, что может, стоит сказать ему о ребенке сейчас, пока не стало слишком поздно. И мне стало плохо… все поплыло перед глазами, закрутились стены, зашатался пол. Отец подхватил меня на руки и отнес в кресло. Все молчали, давая мне опомниться, понять, осознать.

20 ГЛАВА

Она сидела перед зеркалом и медленно подводила глаза ярко зеленым карандашом.

Оранжевое и зеленое. Разве не прекрасное сочетание? В особенности с ее короткими рыжими волосами. Кем она станет для своего любовника сегодня? Блондинистой дурочкой, которую он привел в свой дом вот уже третий раз и носится с ней как с хрустальной вазой? Или падшей, в которую демон заставлял ее обращаться снова и снова. Почему он никогда не хочет, чтобы она была самой собой? Разве она не красива? У нее идеальное тело. У нее шикарные волосы и она его любит, желает, сгорает от страсти. Почему он больше не хочет Лилию? Ничего. Главное, демон снова позвал ее к себе. После долгого перерыва. А она согласна быть даже его ковриком для ног. Его рабыней. Только бы хоть иногда испытывать его жестокие и мучительные ласки. От этой досадной помехи, от человеческой самки, Лилия избавится очень скоро. Капелька яду в цветы и малышка с золотыми волосами уснет навечно. Берит побесится, а потом как всегда вернет Лилию в свои покои. Так бывало уже не раз. Демон принадлежит ей. Только она может

вытерпеть его издевательства и доставить ему наслаждение при этом не сдохнув от его убийственных ласк. Дверь приоткрылась, но Лилия продолжала красить глаза. До нее донесся характерный человеческий запах.

– Ты, идиотка немая, сколько раз я говорила стучаться. Позади раздался шорох и через мгновенье Лилия почувствовала, как кто-то резко сбил ее с ног, потом поднял за волосы в воздух. У нее заняло секунду, чтобы прийти в себя и нанести ответный удар. Она еще плохо понимала, кто именно на нее напал, но такой силы, чтобы поднять ее в воздух за волосы не могло быть у смертных. Это вампир. Слишком быстро двигается, как тень, то ускользает, то появляется снова и бьет. Лилия притворилась, что расслабилась, а потом, когда противник склонился над ней, резко прыгнула вверх, и захватила его шею ногами, силой сдавливая горло. Руки мужчины впились ей когтями в бока и рвали кожу, но она не обращала внимания, на боль. К ней она привыкла, ей хотелось рассмотреть противника, и она рассмотрела. На миг от удивления расслабила колени, и тут же сильный удар в живот припечатал ее к стене, а потом удары посыпались градом. Вампир хорошо подготовился к встрече, и вскоре она уже с трудом давала отпор. Попятилась ползком назад к маленькому стролику. Достать бы кол, а потом метнуть ему прямо в сердце. Хамелеоны плохие воины. Они созданы для другой войны. Для психологической атаки до полного уничтожения противника. Их методы хитрые, исподтишка. Яд в пищу, нож в спину. Так их учили. Всегда втереться в доверие жертве и победить самого сильного противника. Лилии это удавалось превосходно.

Она никогда не сталкивалась с врагом лицом к лицу и сейчас даже испугалась. Этот вампир все время молчал, лишь его синие глаза сверкали адским пламенем и обещали ей смерть. А умирать Лилия не хотела. Еще немного и ее рука нащупает ручку шкафчика. Как только князь Мокану оказался в доме Берита? Как попал сюда? Кто открыл ему ворота? Какой предатель? Лилия подняла к нему лицо и залилась слезами:

– Хватит, – взмолилась она, – я знаю, что ты вправе отомстить мне, знаю, что ты ненавидишь меня за смерть своего отца, но меня заставили… Я всего лишь слабая жертва. Вечная рабыня и невольница. Это должно сработать, ее голос, он всегда их очаровывал, но не в этот раз. Николас Мокану усмехнулся и достал из-за пояса длинный кинжал. По телу Лилии пробежала дрожь ужаса. Такими кинжалами казнят бессмертных. Им отрезают головы. Наконец-то ей удалось незаметно вытащить маленький деревянный кол из ящика и Лилия упала на пол, поползла к ногам князя словно змея. Тем временем он наклонился и снова схватил ее за волосы. Снаружи раздались дикие крики и шорох крыльев. Она услышала как вокруг начался хаос. Крики, жуткие вопли агонии и треск пламени. Дом Берита захвачен. Никто не придет ей на помощь. Там снаружи начался ад, чистилище, где всем на нее наплевать. Ей нужно убить этого вампира и бежать. Спасать свою шкуру.

– Пощади, князь. Будь великодушным. Неужели ты убьешь невинную жертву, которую заставляли совершать все эти ужасные вещи. Я лишь невольница, я игрушка хозяина, я выполняла приказы. Отпусти меня. Тебе нужен Берит, а не я. Тогда ее озарила идея, последняя надежда приговоренного к смерти. В том, что этот вампир пришел ее убить, она не сомневалась. О жестокости ее противника ходили легенды даже среди бессмертных. Лилия сменила облик, резко, перевоплотившись в другую женщину, и с мольбой посмотрела на мучителя.

Занесенная над ней рука замерла, и она воспользовалась моментом, вцепилась в его штанину:

– Посмотри на меня, господин, я твоя нежная жена…о ней ты так горюешь? Я могу быть для тебя кем угодно…Воплотить самые смелые твои фантазии и желания. Лилия просчиталась, перед ней не тот, кому можно так просто запудрить мозги. Перед ней безжалостный убийца,

такой же, как и она сама. Она надеялась, что ей удастся подняться на ноги и нанести удар прямо в его черное сердце, но вампир яростно придавил ее к полу ногой. Широкая подошва его сапога припечатала, пригвоздила ее не давая сдвинуться с места.

– Мое желание и фантазия – твоя смерть.

Последний рывок руки вверх, в надежде полоснуть палача, всадить кол ему в ногу, отвлечь, и она почувствовала как его кинжал отсек ей кисть руки, но закричать не успела. Уже через секунду Николас Мокану держал ее голову за волосы, высоко подняв над собой.

– Я же сказал, что подарю ее Бериту, – отчеканил он, переступил через лужу черной крови и вышел из комнаты в пекло. Повсюду полыхало пламя. Здание обрело истинный облик: горящие угли, кипящая магма вместо воды в разбитых фонтанах. Повсюду смрад серы и трупы его собратьев. Ник посмотрел на часы у себя на запястье. В это время Кристина уже должна быть за пределами ада. В этот момент на него обрушилась черная тень, беспорядочно нанося удары ему в спину и руки, клинок воина демона способен убить бессмертного. Тварь повисла у него на спине. «Охрана Берита», пронеслось у Ника в голове и он постарался сбросить с себя атакующую тварь. Получилось не сразу. Взмах кинжала и голова демона покатилась ему под ноги. Где прячется Берит? Где эта скользкая сволочь? Почему не выходит? Или уже скрылся в подвалах своего адского вертепа? Ник видел других карателей, они сражались с целой армией черных демонов. Вся земля была покрыта кишашими тварями. Разве не должны были они все уйти в город? Где получился прокол? Или они просчитались, и охраны гораздо больше чем думал Лючиан? На Ника снова набросились, теперь их было пятеро, они рвали его кожу когтями и острыми клыками. Воины-демоны имели четыре верхних клыка и два нижних. Их облик менялся во время атаки и сейчас они походили на горгулий, обросших черной гибкой чешуей. Ник чувствовал, как силы покидают его, он терял слишком много крови. Не успевал пополнить запас из пакетов, которыми был увешан его пояс по бокам. Демоны атаковали со всех сторон. Теперь они его окружили. Нику, казалось, что они похожи на черную тучу, которая сгущается над ним, под ним и даже со всех сторон. Спасение было неожиданным. Внезапно демоны замерли, потом их тела странно вытянулись, и Ник увидел, как над ними витала темная тень, она склонялась над каждым и в этот момент от тел демонов отделялась прозрачная серая масса и растворялась в противнике. «Суккуб?»

Ник не стал долго раздумывать над тем, почему Ибрагим пришел ему на помощь, он тут же рубил головы тем, кого парализовал его нечаянный помощник.

– Девчонка ушла?

Спросил Ник, вытирая черную кровь демонов с лица. Суккуб ответил ему, мысленно приказывая не разговаривать, только думать и этого достаточно. Они продвигались вперед к руинам покоев Берита.

– «Ну и где твой хозяин?» – Ник подхватил голову Лилии за волосы и перекинул через плечо, суккуб ухмыльнулся, глядя на ношу Николаса.

– «Охотник за головами, ты всегда собираешь их? Для коллекции или эта тебе особо дорога?»

– «О, эта особо. Мог бы поставил дома в виде трофея. Я эту голову видел в своих сладких снах. Именно голову, а не ее обладательницу».

Ибрагим вернулся в свой прежний облик, теперь он походил на человека. Человека без возраста. Его белые волосы, рассыпанные по плечам, отливали серебром. На одеже – ни капли

крови. В отличии от Николаса, который на ходу вскрыл пакет кровью и тут же опустошил его. На вампире кожаная куртка была изодрана в лохмотья, из глубоких ран от когтей демонов сочилась кровь.

– «Берит ушел в подвалы, но выйти из дома не может я позаботился о том, чтобы все ходы были перекрыты» Ник усмехнулся

– «Зачем это тебе?»

– «Затем же что и тебе, Мокану. Месть. Сладкая месть, копившаяся тысячелетиями, а другое тебе знать необязательно». Суккуб отворил ворота, ведущие в подвалы, лязгнул ржавый замок.

– «Готов увидеть ад Берита?» «Вряд ли ты меня чем-то удивишь суккуб, но можешь попытаться» Как только распахнулись ворота до Ника донесся гвалт. Жуткий шум каменоломен вперемешку с криками жертв. Они шли по узким коридорам и, несмотря на доносившиеся стоны и голоса там не было ни души.

– «Это жуткое местечко хранит страшные тайны, сейчас рабы переведены в самый нижний подземный сектор, а ты слышишь голоса фантомы тех, кто остался здесь навечно, иногда они даже дают возможность нам увидеть картины прошлого, Мокану. Закрывай глаза, чтобы не сойти с ума» «Ха! Свести меня с ума уже невозможно я и так сумасшедший!» Но он ошибался. Вскоре марево подвалов начало окутывать его легкой дымкой, и теперь он видел картины, видел образы. Образы из прошлого. Себя самого. Он видел своих жертв, протягивающих к нему скрученные мертвые пальцы. Он видел кровь, которую проливал реками. Он в ней тонул, она просочилась в его сапоги, залила его тело и еще немножко и он захлебнется. Суккуб вернул его обратно резким окриком «Твою мать Мокану, закрой глаза. Не смотри. Все твои видения становятся реальностью. Тут нет прошлого и будущего, и твоя смерть может наступить именно сейчас» Но марево затягивало снова и снова, показывая ему жуткие образы. Все стихло, но лишь на мгновение. Теперь он слышал резкие удары хлыста и женские стоны, похожие на предсмертную агонию. Он увидел мужчину, насилующего жертву. Его правая рука вдавила ее голову в землю, а левая полосовала ее спину. Он видел, как насильник с диким рыком врывается в тело жертвы и рычит от ярости и удовольствия. Женщина полумертва от боли и ужаса. Он не видел ее лица, не видел лица палача, но видение заставило его содрогнуться, а потом садист повернул голову и Ник захлебнулся от ужаса, на него смотрел он сам. Смотрел и ухмылялся окровавленным, оскаленным ртом. Потом наклонился и впился зубами в шею жертвы, высасывая из нее жизнь. Ник почувствовал, как в горло течет сладкая кровь. И вдруг понял, что это не подвал Берита, это его дом и под ним извивается Марианна, обессиленная и растерзанная. Ник беззвучно закричал и зажмурился. «Черт побери, иди за мной вампир, на мой голос и перестань смотреть» Но какая-то дьявольская сила заставляла его вновь и вновь открывать глаза. Теперь он слышал плач ребенка. Издалека. Из темноты. Плач рвал ему сердце, разносился эхом по страшным лабиринтам и нарастал снова. Ник искал глазами источник плача, но не видел.

Наконец-то они спустились в катакомбы, все глубже и глубже. Видения отступили, но у Ника было ощущение, что только что он побывал в самой жуткой переделке за всю свою жизнь. По его телу стекал холодный пот вперемешку с его кровью. Раны на спине и руках, глубокие царапины от когтей демонов все еще кровоточили. Послышался шорох, и Николас резко обернулся, сжимая в руках кинжал. Позади них стоял Лючиан в белом костюме с неизменной плотоядной улыбкой на капризных губах.

– Не ожидал, что ты сдержишь свое слово, суккуб. Ты привел его ко мне. Одного. Раненного. Слабого. Как я люблю. Двух зайцев одним ударом. Превосходно. Твой спутник знает, что Берит

уже давно мертв? Или ты забыл поставить его в известность? Ибрагим усмехнулся, и посмотрел на ничего не понимающего Николаса.

– Думаю, что нет. Иначе не дал бы провести себя как ребенка.

– Иди, суккуб – ты свободен. Ну что, Мокану? Берит повержен, ты, как ни странно до сих пор жив и теперь я должен выпустить тебя на свободу? Не так ли? Ибрагим растворился во мраке, не сказав ни слова, просто исчез, словно и не было его никогда. Ник ничего не понимал – Берит мертв? Когда и кто убил проклятого демона? И почему его самого привели в эти катакомбы? Если Лючиан хочет его убить, то это можно сделать и снаружи.

– Думаешь, зачем я заманил тебя именно сюда? Здесь очень мрачно, Николас. Здесь сердцевина зла. Я хотел показать тебе ад изнутри и провести тебя сквозь твое личное пекло и провел. Теперь ты знаешь кто ты такой и какое ты чудовище. Ты тонешь в крови, ты ею захлебываешься. Тебе нет пути наверх, и я хочу предложить тебе сделку.

Ник усмехнулся, хоть и чувствовал, что Лючиан опасней своих братьев, он ударит исподтишка и по самому больному месту.

– Сделку? Хочешь предложить мне свою любовь, Лючиан? Демон поправил белокурые пряди волос.

– А почему бы и нет?… Мы составили бы отличный тандем вместе, при том я редко встречаю кого-то кто был бы более жесток чем я. Ника передернуло от отвращения:

– Проехали. Меня это не интересует. Дальше. Демон нахмурился, его глаза яростно сверкнули. Пренебрежение Ника и то, как тот гадливо повел плечами, Лючиана оскорбили.

– А жаль, Мокану. Впрочем, ты можешь получить во владения этот замок, получить своих воинов карателей и помочь мне устранить других соперников. Ты превосходно справился с задачей. Кстати ты едва ли не единственный выживший из моих воинов вампиров. Тебе конечно помог Ибрагим. Хитрый бес. Мне нужны, такие как ты, Мокану. Мне нужны хладнокровные убийцы. Обратно каратели не возвращаются, нет пути назад. Так что выбирай – или станешь моим помощником или сдохнешь в этом подвале, в этих лабиринтах, но обратно ты уже не вернешься.

Ник устало сел на камень.

– Думаешь, что показав мне реки крови пролитые мной, ты пробудил меня к жажде убийства? Ты ошибаешься. В моей жизни убийств и насилия было столько, что их хватит еще на тысячу лет вперед. А знаешь, я, пожалуй, останусь здесь. Ты говоришь лабиринты? Может я и выберусь от сюда, а может и нет. Лючиан в недоумении нахмурил брови. Потом ухмыльнулся.

– Забавно. Не ожидал. Где пресловутая жажда жизни князя Николаса? Хотя мне нравится твоя идея. Люблю интересные игры. Выберешься из лабиринта – ты свободен. Только тут тебя подстерегает не только голод, ты уже видел, кто может убить тебя в этих подвалах – ты сам. Ты и твои воспоминания, души тех, кого ты лишил жизни. Желаешь остаться с ними наедине? Ник расположился на камне, облокотился спиной о холодную мокрую стену.

– Значит, свободен, если выйду из лабиринта?

– Да, свободен и есть в этом нечто философское, Мокану. Как говорят победа над самим собой самая великая. Только все будет не так просто, красавчик. Совсем не просто. Напрасно ты

отказался от моего покровительства. Я усложню тебе задачу. Ведь мы играем без правил, не так ли? С этими словами демон резко вскинул руки и Ник, корчась от боли в голове и резкого света в глазах упал на пол. Боль раздирала его мозги на части, а глаза горели адским огнем. Лючиан хохотал и его смех разносился эхом со всех сторон.

– Я не принимаю отказов, Николас. Я люблю, чтобы мне подчинялись, но ты упрямец и не боишься смерти. А что ты скажешь, если я лишу тебя зрения, Мокану? У тебя чудесный нюх, слух и великолепное зрение хищника, на них ты надеялся, думая выбраться отсюда. Так вот я забираю один из этих великолепных адских даров. Теперь ты слепой, Николас. Жалкий слепой вампир. Даже если ты и выберешься отсюда, в чем я очень сомневаюсь, твоя жизнь погрузится во мрак, в черную бездну ада, которая для тебя никогда не кончится. Ник катался по сырой земле, закрыв лицо руками. Глаза словно обожгло серной кислотой. Боль проникала в мозг и лишала любых проблесков рассудка. Он только слышал затихающий смех демона вдалеке и его слова.

– Ты здесь сдохнешь, Мокану….Сдохнешшшшь …сдохнешшшшь…

21 ГЛАВА

Я слышала их голоса, но словно впала в некую прострацию. На меня надвигалось нечто чудовищное, нечто огромное, удушающее своей силой. Я чувствовала, как эта чернота поглощает меня всю. Я словно, видела себя со стороны. Себя и его. Как будто внутри меня все перевернулось. Пазл сложился, все вернулось и выстроилось в новую картину. Печальную, мрачную, но уже настоящую. Вот она, правда и истина. Нет, Ник не изменился, он изменил меня. Он заставил меня стать другой, не самой собой, он вывернул мою душу наизнанку, и я перестала его понимать и чувствовать как раньше. Словно, выбил у меня почву из-под ног в самом прямом смысле этого слова. А теперь он взял и просто ушел. В самое пекло. Он так решил. Только теперь я начинала по-настоящему осознавать, что происходит в его черной душе. Он себя наказывает. За то, что сделал со мной. С нами. Он как всегда занимается самобичеванием. Вот почему он пошел к Бериту. Он ищет смерти. Трус. Несчастный трус, лучше бы он пришел ко мне, но я страшнее Берита, я страшнее даже самых жутких кошмаров наяву я – любовь, которую он убил, растоптал и разодрал в клочья. Смотреть на меня – это все равно, что видеть свое изуродованное отражение в зеркале. Вот почему он там. Легкое избавление и сладкая месть. Он убьет их всех – в этом я не сомневалась. Николас в ярости пострашнее любого демона, а он сейчас не просто в ярости, он в отчаянии. Теперь я знала, зачем он приезжал в центр несколько недель назад – попрощаться. Как же на него это похоже. Самый сильный и бесстрашный воин-вампир струсил передо мной, испугался моего осуждающего взгляда. Моих слов, моего непрощения. Легче все порвать, прислать проклятые бумажки о разводе и искать избавления в когтях демона. Жуткая у него любовь, разрушающая, еще страшнее, чем моя собственная, это наваждение. Но именно такой любви я хотела, именно это я всегда читала в его сумасшедших синих глазах, в его дьявольских синих глазах, в его безумно мною любимых синих глазах. В тот самый первый миг, когда его увидела, разве не прочла приговор себе на веки, не пошла за ним следом? Когда он бил меня, он бил самого себя. Причиняя боль мне, он причинял ее себе. Вот он какой, мой Ник, мой муж, мое проклятье. Непонятый, одинокий и вечно не прощенный.

– Марианна… тебе лучше? Может принести воды? Отец гладил меня по голове, и я вдруг почувствовала непреодолимое желание это сделать. Сейчас в эту минуту. Немедленно. Я вскочила с кресла и бросилась к сотовому. Позвонить. Услышать голос. Хочу. Безумно, неуправляемо желаю слышать его голос. До боли в груди. А потом я поняла, что ничего не смогу сказать в ответ. Тогда я открыла сообщение и быстро написала: «Возвращайся. Я буду

ждать» Рука дрогнула лишь на мгновение, и я нажала кнопку «отправить». Вот и сделан первый шаг. Нет не шаг, а шажок маленький и очень робкий. Если бы еще вчера мне сказали, что я на такое способна я б, наверное, полезла драться. Но в моей жизни все всегда меняется настолько стремительно, что я не успела понять, когда вновь все перевернулось с ног на голову. Послала сообщение и сердце защемило, заболело от сумасшедшего желания его услышать. Просто голос. Хотя бы издалека. Я как наркоман, долго воздерживающийся от дозы, всеми силами избегающий любых напоминаний о наркотиках, вдруг почувствовала смертельную тягу. В голове что-то переключилось, и я снова схожу по нему с ума, жажду его видеть, слышать. И плевать на все. Родители и Фэй наблюдали за мной со стороны, а я с вызовом на них посмотрела, всем своим видом крича – «ДА! ДА! Я ЭТО СДЕЛАЛА!».

Отец и мама уехали, а мы ехали домой. Всю дорогу Фэй молча вела машину. Она давала мне время подумать. Осознать, прийти в себя. Она знала, что я безумно нервничаю, что меня рвет на части гордость, самолюбие и желание просто бежать за ним плюнув на все. Вот так просто сорваться с места и бежать, ползти, карабкаться, но не сидеть и не ждать.

– Ты этого не сделаешь, Марианна. Вот сейчас ты этого сделать не сможешь. Ты не одна. Все! Приключения окончились. Внутри тебя ребенок. Его ребенок и ты должна это чудо беречь. Если он вернется, тебе будет чем гордиться.

Меня добило это «если». Почему «если»? Ник и не в таких переделках бывал раньше. А если нет? Я не хотела об этом думать. Не хотела и не могла. Только не сейчас. Ребенок? Мысль о малыше пронзила меня с невероятной силой! Он не шевелится. Не шевелится уже очень давно. Я резко приложила руки к животу. И ничего. В ответ тишина. Закрыла глаза, мысленно взывая к нему. «Сэми, где ты мой маленький? Ну же, пни мамку! Где ты мой хороший?» Я дернула Фэй за рукав, и она по моим глазам поняла, что что-то происходит. Резко остановила машину у обочины.

– Не шевелиться? Я отрицательно качнула головой и закусила губу.

– Расслабься, отключись, уйди в себя, прислушайся. Я постаралась, а в ответ тишина. Мною начала овладевать паника, безумный страх. Что там происходит внутри? Почему там настолько тихо? Мы молчали. Фэй протянула мне пакетик с кровью:

– Покорми, он проснется. Но я же знала, что мой Сэми не спит. Никогда не спит, я чувствую его постоянно. Даже когда он не шевелиться. Я уже начала задыхаться от ужаса, как вдруг услышала издалека его плач, он нарастал и приближался. «Что? Что случилось мой маленький? Тссс! Мама здесь? У тебя что-то болит?» И вдруг я почувствовала волну энергии, не положительной, а отрицательной.

Словно меня заперли в черном колодце с кошмарными тварями, словно я ослепла, и у меня больше нет надежды. Что-то происходит. Сейчас. В эту самую секунду происходит что-то очень плохое. Сэми пытается мне это показать. Он видит. Он чувствует и передает это мне. Кого мой малыш может воспринимать так остро, как и меня. НИК! С ним происходит что-то ужасное, это он заперт в черном колодце, откуда нет выхода. Вот почему плачет Сэми. Я схватила из бардачка бумагу и ручку и быстро написала:

– Фэй, Сэми вернулся. Он … Фэй. С Ником происходит что-то страшное. Фэй, я прошу тебя, посмотри, где он? Фэй! Колдунья закрыла глаза, краснея от напряжения, она приложила руки к вискам.

– Черт. Он в таком месте, где я не могу его видеть. Там пустота, там ничего нет. Мне не за что

зацепиться. Я схватила ее за руки и прижала к своему животу. Сэми видит. Сэми его чувствует. Я это знала. Фэй поняла меня без слов и снова закрыла глаза, и я почувствовала нечто удивительное, совершенно непередаваемое словами. От ее рук шло тепло и изнутри меня тоже шло тепло, именно в том месте, где эти своеобразные «лучи» встречались, возникло легкое жжение, не болезненное, а очень ощутимое. Они «разговаривали» и только сейчас я поняла насколько был прав профессор – Сэми не просто ребенок, Сэми наше спасение. Он обладает даром Чанкра. Возможно, у него есть способности и вампира, и падшего ангела. Сэми уникален. Он ведь младенец, не рожденный младенец, а «видит» лучше, чем Фэй, что будет, когда он родиться? А когда вырастет? Я ждала, ждала, когда они закончат. Наконец-то поток тепла прекратился, и Фэй устало откинулась на сиденье.

– Он сильный! Ребенок безумно силен! Ты даже не представляешь насколько. Он может не просто передавать картинки, он читает мысли, он видит прошлое и будущее, он обладает даром предсказания. Ник жив. Пока что он жив. Он ранен, истекает кровью, но он жив и он в катакомбах Берита. Жди, Марианна. Это единственное, что нам остается – ждать. Ник не умрет. Сэми этого не видит. А еще он там не один. Боюсь, что Влад и Витан будут в шоке, Кристина не в Таиланде – она там. Она в пекле Берита. И самое удивительное то, что малыш может ею управлять.

* * *

Кристина спряталась за парковкой автомобилей, она видела взрыв, видела, как пламя пожирало дом Берита. Слышался вой полицейских машин и скорой помощи. Но Кристина знала, что все это декорации. Там внутри происходит совсем иной пожар. Там бойня, а полиция и скорые для отвода глаз, для смертных, которые должны поверить в сказку о покушении на дипломата. Только сейчас Кристина осознала все масштабы своей авантюры. С ужасом вспомнила, как Берит хрипел, умирая у ее ног и из его горла фонтаном билась черная кровь. Кристина так и не поняла от чего он умер, это случилось стремительно и неожиданно. Демона позвали, он извинился, вышел из комнаты, а когда вернулся, то уже держался за горло и бешено вращал глазами. Девушка стояла, прижавшись к стене, и с ужасом смотрела на мертвого демона, который только что выглядел вполне здоровым. Кристина поднесла к носу его бокал – кровь, но не человеческая. Как убили демона? Кто проник в дом помимо нее? Но времени на размышления не осталось, она должна открыть ворота и девушка бросилась вон из комнаты, стараясь не смотреть на труп, который разлагался у нее на глазах. А потом начался ад. Появились демоны-воины. Они кружили как огромные птицы и выцарапывали вампирам сердца, глаза, рвали их на части. Один из них бросился к Кристине, но ее спас суккуб, подхватил на руки, взмыл вверх и вынес за пределы дома. Он мысленно приказал ей убираться и исчез. Поначалу Кристине самой хотелось бежать, она даже села за руль своей машины и вдруг поняла, что если уедет без Ника никогда себе не простит и она осталась ждать. Нужно вернуться, когда все это кончится, вернуться и забрать князя из этого пекла. Если он погибнет Маняшка этого не переживет. Кристина не бросит его здесь. «Ну же, Ник! Где ты? Самолет будет ждать нас еще час, всего лишь час, а потом улетит без нас».

«Иди за ним…Туда» Кристина обернулась в поисках того, чей голос услышала, и вдруг поняла, что это и не голос вовсе, точнее голос, но ее собственный. Он звучит только в ее голове. «Куда? Куда идти?» «Я тебе покажу, просто слушайся меня. Отключись, перестань думать и иди» Кристина, пригнувшись прошла между машинами, и юркнула к кустам у ворот. «И куда теперь? Всюду полиция? Мне в дом не попасть» «Иди!» И она пошла просто, не скрываясь пошла мимо всех этих людей в форме, затесалась в толпе любопытных, незаметно пробираясь к черному ходу. «Иди там уже открыто! Иди!» Как ни странно черный ход и в самом деле был открыт. Кристина прижалась к стене, когда увидела, как выносят носилки с полиэтиленовыми

пакетами. Их грузили не в машину скорой помощи, а в бронированный минивэн. Несколько мешков сложили в багажник, остальные на заднее сиденье. Действовали двое, словно роботы, машины. «Чистильщики. Вот кто это. В мешках трупы вампиров и демонов. Им нет до меня дела у них другая работа». Минивэн отъехал и на его месте появился другой. Воспользовавшись моментом, Кристина побежала за ворота. Теперь она оказалась на заднем дворе, где все было покрыто пеплом и гарью, от дыма резало глаза. «Иди вперед» «Но там деревья. Там ничего нет» «Иди, это иллюзия» Кристина подчинилась, она, словно прошла сквозь невидимый толстый поток воздуха и оказалась в том же саду, но словно с другой стороны, только теперь возле ног вилась спиралью железная лестница – внизу катакомбы Берита.

«Закрой глаза, я поведу тебя. Нельзя смотреть, как бы не хотелось. Нельзя. Просто иди, а я направлю тебя» И она шла, борясь с жестоким искушением посмотреть, слыша, стоны, крики, чей-то шепот и удаляющиеся шаги. На теле от ужаса поднялись все волоски, кожа покрылась мурашками. «Это фантомы. Пока ты не смотришь на них, они безвредны, но стоит тебе их увидеть и они сведут тебя с ума».

Пахло плесенью, сыростью и кровью. Словно в этом месте смешалась вся боль и одиночество, жуткая вселенская тоска, мертвый холод. Кристине казалось, что ее трогают чьи-то холодные пальцы, что она слышит ледяное дыхание у себя за спиной, но она стойко держалась. И шла. Словно зная куда. Потом резкий толчок в сознании как будто преодолела некий рубеж, Кристина открыла глаза и тут же вскрикнула от ужаса. Услышала голос Ника:

– Кто здесь? Дьявол, кто здесь? Я тебя чувствую! Не приближайся! Князь полулежал у мокрой от сырости стены, все его лицо покрылось крупными каплями пота, глаза расширились он, словно, всматривался в темноту и ничего не видел. На его щеке глубокие порезы, словно от когтей, рубашка на груди изодрана и промокла от крови, ногти содраны до мяса. Казалось перед ней безумец.

Умирающий безумец, он пытался что-то нащупать на полу, и вдруг Кристина с ужасом поняла, что он ее не видит. Смотрит сквозь нее и не видит.

– Ник! – закричала она, и ее голос эхом разнесся по каменным коридорам. Но он бредил, его потрескавшиеся губы шептали бессвязные слова.

– Ник, это я – Тина. Ник ты меня слышишь? Но он ничего не слышал, он видел то, чего не видела она, отбивался от невидимых врагов, стонал как загнанный зверь. Кристина рывком подняла его с пола. Заметила сотовый, помигивающий голубыми огоньками, подняла с пола, сунула в карман.

– Сейчас я выведу тебя отсюда. Сейчас. Черт, какой же ты тяжелый. Давай же помоги мне. Ну же, Ник, иди. Иди за мной. Кристина потащила его к выходу, зажмурилась, подчиняясь внутреннему голосу. Как только оказалась в коридоре, ведущему наружу, снова вернулись фантомы, но она их не боялась, ей нельзя их слушать. Они стонали, молили ее открыть глаза, звали на помощь, рыдали. Пока наконец-то вдалеке не показался свет, призрачный свет городских огней. Как только девушка вышла за железные ворота подвалов на лестницу она опустила бесчувственного князя и села на ступени. Теперь ее тело дрожало мелкой дрожью. Она поняла, что там, среди жутких голосов слышала плач своего сына. Поистине это место как болото, оно обнажает самые жуткие страхи и самые мрачные желания, в этом месте ты желаешь убить себя сам. Кристина положила голову Ника к себе на колени. Он потерял сознание. Из глубокой раны на его лбу сочилась кровь, он весь был в жутких рваных царапинах и крови, он ею истекал. Кристина беспомощно осмотрелась по сторонам, а потом решительно

надкусила вену на руке.

– Не человеческая, но должно сработать. Мы родственники и возможно наша кровь похожа по составу. Ну же. Ник, давай, пей, приди в себя, иначе нам не дойти к моей машине. Я не донесу тебя. Давай же! Давай. Но вампир не реагировал даже тогда, когда первые капли капнули на пересохшие губы и она начала выдавливать кровь, разгрызая рану поглубже, чтобы напоить раненного. Он не приходил в себя. Кровотечение из ран прекращалось, они оставались открытыми, но кровь свернулась. Несчастный, израненный Николас, был еще во власти своих кошмаров, в своем диком бреду. Он провел здесь всего лишь час, если бы Кристина пришла чуть позже, возможно было бы уже не кого спасать.

Девушка снова взвалила его на спину и потащила вверх. Все это время ей казалось, что кто-то незримо им помогает преодолеть расстояние. Тащит ее ношу вместе с ней. Ступени казались бесконечными, но она их преодолела, а потом, передохнув немного, потащила Ника к черному ходу. Осторожно положила его на землю, бегом побежала к машине. Спустя полчаса они уже мчались в аэропорт, до отбытия чартерного рейса оставалось десять минут. Они успели. Главное подняться на борт незамеченными, а там пусть все горит синим пламенем. Главное вылететь из этой проклятой страны.

Влад посмотрел на экран сотового телефона и быстро ответил, собирая бумаги в папки у себя в кабинете.

– Да милая, как дела? Как отдых?

– Папа, ты только вот прямо сейчас не злись, потом меня будешь ругать, сколько захочешь. Папа я хочу, чтобы ты встретил меня в аэропорту, сейчас немедленно. Влад уронил одну из папок:

– У тебя неприятности? Что ты уже натворила?

– У меня будут неприятности, если ты сейчас же не приедешь в Борисполь. Мне не избежать досмотра и лишних вопросов, а со мной Ник, он ранен и он без сознания. Не было времени с тобой связаться и лететь в другой аэропорт. Поверь, не было.

– Жди, скоро буду. Влад выругался, тут же перезвонил Ивану:

– Свяжись с нашими в Борисполе пусть проведут Кристину и Николаса туда где они смогут избежать допроса и досмотра. Давай, Иван, только быстро и поезжай в аэропорт.

* * *

Влад смотрел, как по тонкой трубке переливается его кровь Николасу и думал о том какая ирония судьбы. Горькая ирония. Еще несколько лет назад они были готовы убить друг друга. Они причинили друг другу столько боли, что не измерять ее годами, но как только каждый из них оказывался в смертельной опасности другой неизменно приходил на помощь. Но вместе они сила и как говорил Самуил, чтобы ни случилось, они могут грызть друг другу глотки дома, но там, в мире чужаков они должны всегда стоять друг за друга до смерти и это стало законом. Ник каким был таким и остался, а Влад должен меняться, занять место отца и достойно нести эстафету дальше. Ну и кто из них младший брат? Впрочем, в мире бессмертных годы исчисляются столетиями, а не днями. Николас, смертельно бледный, исполосованный когтями демонов, сейчас не выглядел как грозный и страшный вампир, он походил на измученного путника или воина после тяжелой битвы. Кристина рассказала, что произошло на самом деле и

mir-knigi.org

как Николаса бросили в подземных лабиринтах. Если бы не эта взбалмошная и сумасшедшая девчонка, то они ждали бы Ника вечно. Выхода из подвалов нет. На то они адские каменоломни, где души мертвых забирают к себе живых. Кристина сумасбродка несчастная, но это в силу возраста, молодая и бесстрашная. Он сам был таким когда-то. Хотя Кристина все больше напоминала ему брата. Как ни странно этот ангелочек с золотыми волосами оказался просто сущим чертом в юбке. Наверное, она должна была родиться мальчиком. Еще в детстве Кристина любила играть в войну, машинками и совершенно не интересовалась куклами Марианны. Как же недавно это было и как давно. Теперь осталась самая главная проблема, это когда Ник придет в себя. Марианна уже готова к разговору между ними, а вот в Нике Влад не был уверен. Этот ненормальный уже все решил, и будет стоять на своем. Хотя, может потрясающая новость о ребенке все же изменит его мнение. Раны на теле Николаса затянулись тонкой коркой, превратившись в шрамы, четкие бордовые линии по всему телу, насколько пострадал он морально остается только гадать. Влад заметил легкое движение руки, дрогнули ресницы, раненный тихо застонал.

– Лина! Дверь распахнулась, и жена вместе с Кристиной зашли в комнату.

– Он приходит в себя. Посмотри, может можно уже снять капельницу. Лина подошла к Николасу, приподняла покрывало, осматривая раны, потрогала его лоб.

– Физически он уже полностью восстановился, шрамы, конечно, останутся. Ему нужен покой и уход. Фэй сказала, что шрамы нужно постоянно обрабатывать настоями из трав. Она прислала их с Криштофом десять минут назад. В любом случае самое страшное уже позади. Она сказала это слишком неуверенно и все знали почему. Быть уверенными до конца с таким как Николас никогда не удастся. Князь снова застонал и открыл глаза. Все ждали, что он скажет, но он молчал, несколько раз закрыл и открыл веки. Его лицо исказила гримаса боли когда он попытался пошевелиться.

– Что за мрак, черт подери? Хотя это видение, пожалуй, не такое уж и жуткое, все… кошмары для меня кончились? Это все на что вы способны? Эй! Лина и Влад посмотрели друг на друга. Потом Лина подошла к Нику и дотронулась до его руки. Тот дернулся.

– Не прикасайся ко мне, тварь, я знаю, что все это не происходит на самом деле. Дьявол, я когда-нибудь сдохну?

– Ник… это я…это Лина. Ты меня слышишь?

– Ха! Еще как слышу, я вас всех всегда хорошо слышу, я даже начинаю к вам привыкать.

Он думает, что у него до сих пор галлюцинации, вот почему Ник так реагирует на них. Почему он их не видит? Лина провела рукой у него перед глазами, но он продолжал смотреть сквозь нее. Тогда она поднесла руку к его глазам, и тут он тут же перехватил ее запястье.

– Ого! Теперь я могу вас всех еще и потрогать! Становится все интересней. Какая рука нежная, гладкая. Даже запахи есть. Вы все растете в моих глазах вместе с Лючианом. Он ощупал руку Лины и она судорожно глотнула воздух, бросила взгляд на Влада. Тот резко вытащил иглу капельницы из вены и за считанные мгновения оказался возле брата.

– Ник, хватит бредить. Это мы. И мы явно не призраки и не фантомы. У тебя из руки торчит игла, ты валяешься в постели уже больше суток и ты черт подери, меня пугаешь. Так что хватит дурить и посмотри на меня. Ник резко приподнялся на постели, его взгляд блуждал, словно между ними и никак не мог сфокусироваться на их лицах. Он обхватил голову руками,

потер глаза и снова посмотрел, стараясь увидеть хоть что-то.

– Я вас не вижу, только черноту. Ну-ка братец, докажи мне, что ты настоящий, а то я так долго общался с призраками, что теперь у меня доверие точно на нуле. Влад усмехнулся.

– Не будь ты так исполосован демонами, я бы зарядил тебе по башке, особенно за то, что ты втянул в это Кристину, но мы отложим эти разборки на пару дней, но потом я спрошу с тебя – какого дьявола ты не выгнал мою дочь в три шеи? Ник попытался встать, но болезненно поморщился и повернулся слегка на бок.

– Похоже это и, правда, ты, Влад. Только какого дьявола я тебя не вижу? Он снова тряхнул головой, а потом захохотал как безумный:

– Лючиан сукин сын…Сволочь! Ты таки сдержал слово, похоже, я ослеп как ты и обещал. Влаааад, я мать его, нихрена не вижу! Я не вижу! Лина склонилась на Ником и положила руку ему на плечо, едва касаясь, чтобы не потревожить раны, прикрытые повязками.

– Тихо, тихо, ты дома. Все позади, Ты ведь слышишь меня, Ник? Меня ты узнаешь? Мы разберемся со зрением, оно вернется. Вампиры не бывают слепыми. Николас поднял голову силясь рассмотреть ее лицо, но тут же выругался, отстранил Лину от себя:

– Бывают. Лючиан сказал, что это мое проклятье. Там в катакомбах он ослепил меня, я помню, как жгло глаза. Потом я считал, что это дьявольское подземелье играет со мной злую шутку. Лина снова коснулась его плеча, но Ник сбросил ее руку.

– Только не нужно меня жалеть. Я заслужил это проклятье сполна. Ведь когда-нибудь за все нужно платить, вот и мое время пришло. Изощренная пытка – оставить хищника слепым. Он снова захохотал. Влад сжал челюсти и стараясь не выдать своего волнения сказал:

– Прекрати истерику, Ник. Мы с этим разберемся, Фэй поможет, наверняка она знает, как можно снять заклятие демона. Лучше скажи, как ты себя чувствуешь? Демоны хорошо тебя потрепали. Николас вырвал из руки иглу и ощупал свое тело, провел пальцами по бинтам.

– Дырявый, потасканный, чокнутый, но живой. Чувствую так, словно недавно по мне проехал поезд. Влад усмехнулся и похлопал брата по плечу.

– Главное, что живой, остальное все ерунда. Добро пожаловать домой из ада. Ты вернулся оттуда, откуда не возвращаются. Теперь приходи в себя. Пока что останешься здесь, с нами, тебе нужна помощь. Уход.

– Дерьмово я себя чувствую. Как побитая собака. Ты это, Влад поищи мне отдельное жилье, я не собираюсь на шее у тебя висеть. Сам справлюсь. Влад сел рядом с ним на постель.

– Что собираешься делать дальше, брат? Война кончилась пора начать собирать себя по кусочкам. Ник кивнул, закрыл глаза и тихо сказал:

– Я соберу. Ничего. Вот немного оклемаюсь и начну собирать себя по кусочкам.

Подумываю поехать в Бран, если разрешишь. Хочу немного покоя. Одиночество мне не помешает. Кстати ты Марианне бумаги отдал? Она подписала? Спросил и все почувствовали, как воздух накалился.

– Отдали, – ответила Лина – только она их не подписала и вообще я считаю, что вам нужно

поговорить. Сейчас обстоятельства сильно изменились и …

– Нет, – резко ответил Ник, – тут и говорить не о чем. Она подпишет. Немного подумает и подпишет. Поговорите с ней, объясните, что все кончено, что я хочу развод. Влад посмотрел на Ника и нахмурил брови:

– А ты и, правда, хочешь развестись, Ник? Вот так? Не поговорив?

– Не сейчас. Может, придет время, и я смогу с ней во всем разобраться, но сейчас все слишком свежо, а я не хочу давить ей на жалость. Так что все. Эта тема закрыта.

Лина хотела возразить, но Влад сделал ей предостерегающий жест, и она так и не успела сказать ни слова. Теперь вмешалась Кристина.

– Ты, конечно, можешь брызгать слюной и орать и бить ногами, но после всего, что ты сделал, имей смелость поговорить с ней! Это просто несправедливо вот так ее бросить!

– Эй ты, мелочь, много ты понимаешь. Ник повернул голову на голос племянницы.

– Я, между прочим, не мелочь и заслуживаю уважения, я кстати тебя вытащила оттуда и должна сказать, что очень хотела бросить тебя там помирать, да только сестру пожалела. Ник с трудом приподнялся на постели:

– Так значит, это ты меня тащила? Я думал, что все это в бреду. Иди ко мне, иди сюда. Ты как спаслась? Тебя Ибрагим, подлая тварь, все-таки вывел? Эх, ненормальная девчонка. Одним «спасибо» я точно не отделаюсь. А как из лабиринта вышла? Кристина подошла к Нику села на краешек постели.

– Вывел, конечно, вывел. Он хоть и сволочь. Но слово свое сдержал. Из лабиринтов не знаю, вообще отношу все твое спасение к разряду чудес, которых не бывает. Ник, я когда…когда вытаскивала тебя, я сотовый твой нашла. Тебе сообщение пришло. Хочешь, прочту? Ник на ощупь нашел ее руку и пожал тоненькие пальчики.

– Давай, читай. Я теперь наверно не скоро смогу это сделать сам, – в его голосе звучала горечь, но он старался скрыть истинные эмоции за грубостью и сарказмом. Кристина достала из кармана сотовый, открыла крышку.

– А от кого сообщение? Кому я понадобился на том свете?

– Сообщение от Марианны. Ник снова резко сел на постели, прижал руку к груди, на бинтах выступила кровь. Лина кивнула Владу, показывая на дверь. Они тихо вышли, оставив Ника и Кристину наедине.

– Читай, – голос Ника срывался от волнения, – читай, Кристина, читай, черт возьми.

– Возвращайся. Я жду, – Кристина положила мобильный в руку Николасу. Воцарилась тишина, пальцы князя сдавили сотовый. Он закрыл глаза. Казалось, внутри него происходит страшная борьба.

– Когда она это написала?

– Судя по времени вчера ночью, когда ты наверняка уже остался один в лабиринте. Ник, ты не можешь с ней так поступить. Не будь трусом, поговорите, вам это нужно обоим, она сделала

шаг к тебе навстречу и я уверенна она ждет твоего ответа. Николас сжал сотовый и тот раскрошился в щепки в его руке.

– Вот мой ответ. И другого ответа не будет. Она должна начать жизнь сначала, без меня. Мне нужны жалость и благородство, хотя у нее их просто в избытке. Мне не нужно прощение, так как сам я себя никогда не прощу. Я не хочу привязать ее к себе одной лишь жалостью.

– Ты дурак, Ник, прости конечно, но других слов у меня для тебя нет. Можешь злиться на меня, но я скажу тебе все что думаю. Марианна любит тебя, когда ты это поймешь самовлюбленный гордец? Хватит мучить себя, просто пойми – она тебя любит несмотря ни на что.

– К черту эту любовь. Ей пора взрослеть. Я не тот, кого нужно любить. Это пройдет. И не смей говорить ей, что я ослеп. Никто пусть не смеет ей об этом говорить. Все. Кристина, не рви мне душу. Просто уйди. Оставь меня одного. Скажите ей, что я вернулся и хочу развода. Поверь, ей лучше держаться от меня подальше. Не хочу, чтобы она смотрела на меня и содрогалась от ужаса, вспоминая, что я с ней сделал. Кристина вскочила с постели:

– Это я содрогаюсь от ужаса! Как можно быть таким чудовищем?! Жизнь ничему тебя не учит, ничему! А еще говоришь, что я ребенок?! Ты хуже ребенка, Николас.

Ты эгоистичный и глупый. Ты весь в своих страданиях, а ей? Какого ей сейчас?! Ты даже прощения не просил, ты вычеркнул ее из своей жизни, подумай об этом, подумай о том какое ты чудовище, а еще ты прав – ей незачем с тобой оставаться, ты этого недостоин, я бы вообще на ее месте забыла о тебе и прокляла навеки.

Кристина выскочила из комнаты, а Ник в ярости бросил ей вслед осколки сотового телефона.

– Не могу я, понимаешь?! Не могу!

Я ждала. Это самое трудное кого-то ждать, каждая минута превращалась в тысячелетие, тяжелое как свинцовая гиря. Я знала, уже давно знала, что Ник вернулся. Этого от меня никто не скрыл. Кристина позвонила именно мне как только оказалась в аэропорту. Все эти дни я думала. Наверное, еще никогда в своей жизни мне не приходилось так сильно бороться с собой. Самое сложное в этой борьбе это то, что я пыталась сломать саму себя. Я нарочно вспоминала именно те минуты, о которых раньше старалась забыть. Я перебрала каждое мгновенье, переживая заново, снова и снова все те последние месяцы, которые провела рядом с Ником. Его измену, его грубость, его животную жестокость и наконец – насилие надо мной. Теперь я уже не испытывала тошнотворный страх и чувство дикого отчаянья, я сама себя уговаривала, я умоляла себя простить. Меня раздирали противоречия. С одной стороны я понимала, что такое не прощают, не забывают, а с другой я не могла жить вдали от него, я каждый день потихоньку погибала, и только Сэми возвращал меня к жизни. Моя эйфория от того что Ник выжил, прошла довольно быстро, когда я поняла, что это все равно ничего не меняет и с каждым днем меня засасывала тоска и отчаянье. Как черное болото. Да, он живой, он отомстил за нас, но существуем ли для него «МЫ»? Моя вера сходила на нет с каждым днем. Я знала, что он тяжело ранен, но меня к нему не пустили, уверили, что с Ником все в порядке и сейчас ему нужен покой, а наш разговор может подождать, пока он окончательно не поправится и я ждала. Вот уже чертову неделю, я ждала и постепенно начинала понимать, что это он не хочет со мной говорить. Именно он, и никто другой, мешает нашей встрече. Меня всеми правдами и неправдами уговаривали повременить. Фэй не давала звонить, убалтывала, успокаивала, но я по нарастающей сходила с ума. Я уже точно знала, что Ник не хочет меня видеть и мое сообщение ничего не изменило. Может, я ошибаюсь? Может быть, он вовсе и не

боится моей реакции, и я все же не знаю его настолько, чтобы быть уверенной в этом? Фэй сообщала мне о его здоровье, и мне даже порой казалось, что она что-то недоговаривает, скрывает от меня. Хотя скорей всего я снова ищу оправдания, я внутренне его защищаю. Сказали ему о ребенке? Нет, не сказали. Фэй объяснила, что и с этим нужно повременить, Ник только начал приходить в себя после серьезных ранений и ему нужен покой.

Сегодня Фэй уехала и я знала, что ее позвали к нему. Неужели все так плохо? Какого черта меня к нему не пускают? Мне надоело, что мной помыкают, меня заставляют делать то, чего я не хочу, меня заставляют жить, так как я не хочу, за меня принимают решения. К черту гордость, к черту самолюбие я пойду к нему сама, и пусть скажет мне в глаза, чтобы я убиралась. Я сильная, я уже и это вынесу. Когда Фэй вернулась, я была на грани. Меня трясло от неизвестности, я предпочитала знать все немедленно. Нет, я лгу, я просто безумно хотела его увидеть одним глазком, посмотреть, что живой, посмотреть и уехать. Там что-то происходит и все, кроме меня, знают что именно. Фэй выглядела очень подавленной, я редко видела ее в таком состоянии, и мне стало страшно, жутко, что меня обманывают и Ник, возможно, умирает. Нет, я сегодня же потребую от них ответа, но Фэй слишком хорошо меня знала и заговорила со мной сама. Она усадила меня в кресло, сделала нам по чашке чая и накрыла мои руки своими.

– Марианна, я пыталась, я хотела всеми силами оттянуть этот разговор. Подождать. Дать вам обоим время. Но вижу, что только мучаю тебя, извожу неизвестностью и я больше не могу и не хочу молчать. Ты взрослая женщина, ты мать, ты должна жить дальше несмотря ни на что. Что за вступление? Мне оно не нравилось, она меня к чему-то готовила. К очередной пощечине и удару под дых?

– Марианна, ты должна подписать бумаги, которые передали тебе родители. Не возражай, выслушай сначала. Марианна, Ник хочет развода и не я, ни Влад с Линой, не в силах его переубедить. О ребенке мы ему еще не сказали. Это должна сделать только ты. Когда? Решать тоже тебе. Я вскочила с кресла и опрокинула чашку. Фэй тут же взяла меня за руку, заставила сесть обратно.

– Пойми, он так решил. Знаю, что тебе больно это слышать, знаю, что ты ждала совсем другого, но ты должна с этим смириться. Возможно, так будет лучше. Возможно, он прав. Слишком много боли Ник тебе причинил и ему самому сложно с этим смириться. Раны на его теле постепенно затягиваются, но видно раны в его душе никогда не заживут и никому не под силу их залечить, даже тебе. Особенно теперь. Марианна, есть еще кое-что. Влад, и Ник не хотели говорить тебе об этом сейчас, но ты должна знать и это более чем несправедливо утаивать от тебя правду. Правду? Что еще может быть хуже, чем есть сейчас? Он больше меня не любит? О нем заботится кто-то другой? Что, черт раздери, может быть страшнее, чем его пренебрежение и нежелание меня видеть?

– Ник ослеп. Лючиан наложил проклятье, и сделать ничего нельзя. Я пробовала, я пробовала и заклинания и травы. Я даже бралась за книги по черной магии, к которым никогда не прикасалась, но ничего не помогает. Он останется слепым. Может поэтому Ник так хочет, чтобы ты освободилась, поэтому настаивает на разводе. Ты должна его отпустить. В этот момент я сорвалась с места и бросилась к себе в комнату. Отпустить? Еще чего? Никогда! Я сама к нему приеду, я заставлю его поговорить со мной.

Пусть он этого не хочет, но хочу я. И, черт, возьми, у меня есть право голоса. Я больше его не боюсь, я хочу услышать правду. Пусть прогонит меня сам, точнее пусть попытается прогнать, только я никуда не уйду. Мне надоел этот упрямый сукин сын и я больше его не боюсь. Он будет терпеть меня рядом. Будет и все и никакого развода я этому проклятому гордецу не дам.

– Ты куда? Марианна! Куда ты собралась? Я быстро написала на бумаге и ткнула в лицо Фэй:

– К нему. Я возвращаюсь к нему и мне плевать, что он этого не хочет. Я его жена и останусь ею навечно. Как он там говориться – пока смерть не разлучит нас? Не держи меня, Фэй. О Сэми я позабочусь, буду сама ездить к профессору, а может отец привезет его ко мне. Я еду к моему мужу. Фэй обняла меня так крепко, что у меня даже в глазах потемнело.

– Он в Бране, Марианна. Вчера переехал вместе с Иваном. Поезжай. Возможно, тебе и Сэми удастся то, чего не удалось никому из нас. Милая, он одинок, он в отчаяньи, он отталкивает всех нас. Ты же его знаешь, ему невыносима сама мысль о том, что кто-то может его жалеть. Давай, девочка, я в тебя верю.

22 ГЛАВА

Каждый шаг давался мне с огромным трудом, словно на ногах стопудовые гири. Всего-то – переступить порог дома. Чужого дома. Напомнила я себе, и я тут незваная гостья. Наш дом мой муж продал, не поинтересовавшись моим мнением. Теперь у него свое жилье, своя крепость, в которой он спрятался, как зверь зализывая раны. Я не знала, что меня ждет за этим порогом и иллюзий уже не питала. Когда-то я с ними распрощалась, вот так же переступив порог собственной тюрьмы. Меня раздирали противоречивые чувства – с одной стороны я мечтала его увидеть и от предвкушения этой встречи у меня тряслись руки, а с другой – непривычный панический страх растекался по моему телу. Я иду к тому, кто в последнюю нашу встречу чуть не убил меня. Но я все же вошла в дом, и тут же передо мной возник Иван. К нему я чувствовала странную неприязнь. Он был свидетелем моих унижений, он исполнял приказы Николаса, как верная собака, и, наверняка, он будет тем, кто сегодня вытолкает меня из этого дома. Иван явно растерялся, осмотрел меня с ног до головы, его взгляд задержался на моем животе и глаза удивленно округлились. Я знала, что сейчас выгляжу хорошо.

Мы с Фэй дотошно выбирали мне одежду, без нее я бы не справилась, ведь зеркала я последний раз видела несколько месяцев назад. Теперь я всецело полагалась только на Фэй и ее вкус. Должна признать, что наши взгляды на моду поразительно не совпадали. Фэй говорила, что сейчас скрывать беременность не модно, что наоборот кругленький аккуратный животик красит любую женщину и придает ей таинственности и очарования. Я согласилась, точнее я настолько нервничала, что просто доверилась Фэй. Сейчас, когда Иван окинул меня критическим взглядом, я чувствовала себя королевой. Слуга присмирел, хоть меня и коробило от того, что он видел, как меня втаптывал в грязь Николас и был свидетелем многих отвратительных сцен. Знают ли они о том, что все они ошибались – меня это уже не волновало. Я гордо прошла мимо него, как хозяйка. Всем своим видом возвещая о триумфе и победе.

– Он в комнате для отдыха, вас проводить? – заискивающе крикнул мне вдогонку Иван. Он меня боялся. Мое возвращение могло означать очень многое и прежде всего его увольнение. Я и без него знала, где мой муж, я чувствовала его запах. Мои способности уже давно ко мне вернулись. Осматриваясь по сторонам, я шла на такой, до боли знакомый, аромат. Меня не волновало, как выглядит этот дом, я рассмотрю его потом, гораздо позже. Сейчас я шла как на закланье и все больше мною овладевала паника и дикая радость. Такой резкий контраст, когда адреналин зашкаливает, а сердце бьется в висках. Я соскучилась по нему. Сейчас я осознала, как безумно я соскучилась. От одной мысли, что вновь его увижу, у меня кружилась голова. Я взлетела по ступенькам, быстро прошла по коридорам и толкнула дверь в самой дальней комнате. Я остановилась на пороге. Все окна в комнате были открыты, ветер раскачивал занавески, по полу скользили листы бумаги. Николас сидел в кресле, вытянув длинные ноги на

ковер, под расстегнутой рубашкой виднелись окровавленные бинты. Мое сердце сжалось, словно это мое тело покрыто шрамами. Его рука на подлокотнике заметно подрагивала. Он изменился. Он казался одновременно и моложе и намного старше. Ветер трепал его волосы, бросая непослушные пряди на бледное лицо, словно высеченное из гранита. Никогда не видела его таким отрешенным и таким красивым. Я вообще никогда не встречала мужчин красивее его. Он ослеплял, на него невозможно смотреть без боли в груди не веря своим глазам. И Николас умел меняться. Каждый раз он выглядел иначе. Иногда распущенный и развратный, иногда жуткий как сам дьявол, а иногда вот такой как сейчас – холодный и далекий. Ник смотрел в никуда. В пустоту. Во всем его облике полная отрешенность от происходящего, он даже не заметил меня. Хотя, я знала, что это невозможно. Он не только слышал, он должен был почувствовать еще до того как я вошла в эту комнату. Или он настолько погружен в свои раздумья, что отключился от внешнего мира. Я смотрела на него и чувствовала, как постепенно силы покидают меня, ноги отказывают держать. Я прислонилась к двери, не сводя с него глаз. Не знаю, смогла ли я простить, но уйти уже не смогу. Каждая, проведенная вдали от него минута, как маленькая смерть. Когда он рядом, то заполняет собой все пространство, каждый уголок моей души. Внезапно Ник повернул голову в мою сторону, и я с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть. Поднесла руку к горлу, задыхаясь. Теперь он вскочил с кресла. Я видела, как он что-то ищет глазами, взгляд скользит по мне, но не задерживается, словно проходит сквозь меня. Его лицо изменилось, он выглядел растерянным, сбитым с толку, даже напуганным, если про Ника вообще можно такое сказать. Он сделал шаг в мою сторону и споткнулся о разбросанные по полу книги. Послал им проклятия. Тяжело видеть его в таком состоянии. Он ненавидит себя за беспомощность.

– Марианна? – голос сорвался, он неуверен. Он меня не видит. Этот гордый хищник лишен самого главного в его жизни – зрения. Ник всегда любил глазами, он мог вложить в свой взгляд самые потаенные чувства, желания. Для него это хуже смерти.

Я видела, как дрожат его руки, он не решался сделать шаг мне навстречу. Словно я видение или плод его фантазии. Дверь захлопнулась от сквозняка. Но ни я, ни он даже не вздрогнули. Я шагнула вперед, а он все еще не шевелился, прислушивался к моим шагам. Как же мне хотелось закричать, или просто броситься к нему и сжать в объятиях. Но я не смела, не знала, как он отреагирует. Ведь раньше я читала по его глазам, а сейчас они смотрели на меня и словно искали, но не видели. Даже цвет глаз изменился, они стали светлыми как кусочки неба, пронзительными и яркими. Я подошла к Нику так близко, что мы почти соприкасались с друг другом. Он закрыл глаза, и я видела, как сжались его челюсти, натягивая кожу на скулах.

– Зачем? – хрипло спросил он – зачем ты пришла? Уходи, Марианна, беги от меня. Слышишь? Уходи! О нет, всем своим видом он кричит, чтобы я осталась, и я это чувствую, мое сердце меня не обманывало. Еще никогда меня не прогоняли, умоляя остаться. Это не передать словами. Я дотронулась до его щеки, и он дернулся как от удара.

– Марианна… не надо… уходи, я прошу тебя, пожалуйста, уходи. Я уже его не слышала, прикосновение к его коже казалось таким волнующим и необычным. Я сама его тронула. После долгих месяцев, когда даже намек о прикосновении вызывал у меня приступ панического ужаса, я дотронулась до того, кто этот ужас породил. Но когда прикоснулась кончиками пальцев к гладкой щеке, остановиться уже не могла. Я видела, как он хочет оттолкнуть меня, но не решился, сжал пальцы так сильно, что побелели костяшки, опустил руку. Все. Больше я его не боялась. Это он боится меня, боится так сильно, что все его большое, мускулистое тело напряжено как струна. Он всматривался, как в пустоту, блуждающим взглядом, а потом глухо зарычал, отвернулся, но я все равно повернула его к себе. Теперь я обхватила его лицо ладонями и гладила большими пальцами его губы, провела рукой по шее. Он судорожно глотнул воздух.

– Марианна…я прошу тебя. Ты ведь не хочешь, чтобы я прогнал тебя, не заставляй меня срываться и кричать на тебя. Просто уходи. Слышишь? Все кончено. Ты должна смириться и жить дальше. Я смирился и ты смирись. Я разрушаю все, к чему прикасаюсь, я разрушаю даже себя самого. Я хочу одиночества. Уходи! Беги от меня, Марианна, как от самого жуткого кошмара. Беги, пока хищник беспомощен, спасайся. Зачем ты летишь ко мне как мотылек? Я сожгу тебя, Марианна. Я уже тебя сжег и твое молчание тому красноречивое доказательство. Я сломал тебя. Я сломал самого себя. Нас больше нет. Ничего не склеить и не вернуть, не забыть. Уходи. Ну же! Уходи!

Ник сорвался на крик, но я уже не боялась. Как же он одинок, он не верит в то что все может быть иначе и что любовь не только разрушает. Нет, я не уйду, и прогнать меня он не сможет и не посмеет. А слова, то всего лишь слова. Я знала, что сейчас он может сказать мне все что угодно, и я даже знала почему – Ник не может вынести, того что я вижу его в таком состоянии: беспомощного, слепого и полностью раздавленного. Слишком горд, слишком властен, чтобы принять чью-то жалость. Но разве я его жалею? Нет, я люблю и хочу быть рядом и больше ему не удастся убедить меня в обратном. Я останусь, пусть гонит, пусть отталкивает, а я все равно останусь. Я осторожно взяла его за руки и сплела его пальцы со своими. Его руки все еще дрожали. Он был настолько напряжен, что у него на лбу вздулись вены. Сейчас он сорвется, сейчас начнется извержение вулкана, но что таит в себе этот взрыв? Мое поражение или его? Пусть Сэми его успокоит, пусть почувствует нашего малыша. Пришло время узнать, что нас связывает нечто большее, нечто неделимое и вечное, нечто сильнее смерти, страха, обид. Преодолевая легкое сопротивление его рук, я положила их ладонями к себе на живот. И весь мир завертелся вокруг нас как карусель, я почувствовала сильное головокружение, от волнения у меня дух захватило. Вначале Николас замер. Его состояние можно было назвать шоком. Мое сердце отсчитывало каждую секунду, ожидая реакции. Ник резко отнял ладони, словно обжегся, а потом снова коснулся, исследуя, теперь уже жадно хаотично ощупывая твердую округлость. Я почувствовала как Семи пошевелился и направила руку Ника именно к этому месту и малыш толкнулся снова, прямо в его ладонь. Лицо Ника исказила гримаса боли, недоверия, удивления. Мне казалось, что он сейчас закричит, его ноздри трепетали, взгляд застыл. Малыш толкнулся снова и уже сильнее, словно нагло заявляя о своем присутствии. Ник хотел отнять руки, но я крепче сжала его запястья. Я ждала, ждала, что он сейчас скажет. Чувствует ли он Сэми? Чувствует ли, так же как и я? Внезапно Ник упал на колени, и я пошатнулась, когда его руки обхватили мою талию, теперь он прижался щекой к моему животу. Он слушал, жадно слушал, как бьется сердце нашего ребенка. Я несмело тронула его волосы. Ник поднял голову:

– Я не могу… я не достоин такого подарка, Марианна. Неужели ты можешь… как ты можешь остаться со мной после того как я… Марианна ты не должна, слышишь? Я хорошо тебя знаю, я знаю, как ты великодушна, какое доброе у тебя сердце, но не сейчас, не нужно быть такой сейчас. Для меня это невыносимо, хуже, чем пощечина. Ты больше ничего мне не должна. Ты никогда меня не простишь, а я не смею и не посмею просить тебя об этом. Мне хватит вот этой минуты, хватит на всю жизнь, на вечность. Сейчас я счастлив, и буду счастлив, вспоминая этот день, но ты не должна. Зачем тебе эта обуза? Тебе и … и ребенку. Я недостоин этого чуда. Этого невероятного счастья. Я не смогу все это принять, я не умею… у меня нет нужных слов… Я просто хочу, чтобы вы были счастливы, со мной это станет невозможным. Идиот несчастный он так и не понял, что я не буду счастлива без него? Мы не будем счастливы и нам наплевать, что он ослеп. Моих глаз хватит для нас обоих. Я взяла его за руку, и он поднялся с колен. Осторожно я прижалась щекой к его ладони, да к той ладони, которая причинила мне столько боли, но ведь эти руки могли и дарить мне любовь и дарили. Не у кого нет таких ласковых пальцев, и научусь их не бояться. Теперь я в это верила. Казалось, он был поражен, его рука

дрогнула, но он ее не отнял.

– Ты хочешь остаться? Это твой выбор, Марианна? Я больше не смею тебе приказывать. Я не смею о чем-то тебя просить. Хочешь остаться – оставайся. Это и твой дом тоже, но я хочу, чтобы ты знала – ты можешь уйти в любую минуту. Отныне решаешь все только ты. По-прежнему уже никогда не будет. Хочешь остаться со мной? Хочешь остаться в логове раненного зверя? Не боишься меня? Я взяла его руки в свои и крепко сжала. Я знала, что теперь нам предстоит долгий путь к прощению, к привыканию. Нам нужно учиться понимать друг друга без слов, разговаривать прикосновениями и это наше наказание за то, что раньше мы так и не поняли друг друга. Это только начало, еще одно начало.

Через два дня в дом перевезли все мои вещи. Я вернулась и вернулась совсем на других правах – теперь я была истинной хозяйкой этого дома и все об этом знали.

Мне понравился наш новый дом, просторный и светлый, совершенно не похожий на тот другой. Я обошла все комнаты, изучая свои новые владения. Сложно было отдавать слугам приказы в письменном виде, и тут мне помог Иван, как не удивительно этот преданный Нику пес был готов на все, лишь бы хозяин не прогнал. Так что Иван стал моим самым главным помощником, и за это я была ему очень благодарна. По утрам я составляла списки работ по дому, а Иван распределял их среди слуг. Можно было сказать, что все стало на свои места, но нет, это не так. Мы с Ником хоть и начали жить под одной крышей все равно оставались чужими. Точнее мы больше походили на двух путников заблудившихся в пустыне, которые не дают друг другу утонуть. Но оставались преграды, стены, заборы и через них не перепрыгнуть. Между нами по-прежнему была пропасть. Ник избегал ко мне лишний раз прикасаться, а я молча ждала, когда он все же решится. Он держался в очень строгих рамках, постоянно показывая мне, что мы вместе, но ничего уже не вернуть. Наверное, подсознательно Ник хотел, чтобы я все же ушла, но он не знал, что я решила не сдаваться. Я растоплю его лед, как когда-то. Один раз у меня уже получилось и получится снова. Конечно, нам было трудно, мы не могли поговорить, я не могла сказать ему о том, что чувствую, не могла даже написать. Наше общение сводилось к тому, что он говорил, а я в ответ пожимала ему руку. Иногда мы вместе гуляли. Странная прогулка. Я молчу, а он не видит. Я была его глазами, а он моими устами. Ник не избегал меня, но и не делал никаких попыток сблизиться, словно я больше не привлекала его как женщина. Мы спали в разных комнатах. Ник, словно, желал не привыкать и не привязываться, он решил, что это ненадолго и скоро я сама от него уйду. Глупец. Он ошибался, и я ему это докажу.

Я, черт возьми, приму этот вызов. Он всегда говорил, что в его играх нет правил, вот и в моих тоже их больше нет. Я верну его обратно, я заставлю его снова поверить в НАС.

23 ГЛАВА

Сегодня приезжал профессор, и я уже воочию видела Сэми. Точнее его изображение на экране. Он показался мне безумно красивым. Доктор говорил, что Сэми вот-вот появится на свет, что остались считанные недели и поэтому мне стоит внимательно следить за своим состоянием и при любых изменениях немедленно посылать ему сообщение. Ник как впервые присутствовал при осмотре, и я видела, как меняется его выражение лица, когда врач говорит о ребенке. В уголках его губ прячется гордая улыбка. Профессор сказал, что у нас будет мальчик. Наследник. Еще один Мокану. Николас задавал много вопросов, я даже завидовала ему, я стеснялась спросить все, то что спрашивал он. Профессор дотошно объяснял, как развивается малыш, сколько ударов в минуту делает его сердечко и что он сосет большой палец. Меня завораживала реакция мужа на ребенка. Я никогда не ожидала, что она будет

именно такой. Когда врач говорил о Сэми, Ник светился. Такой жестокий и хладнокровный вампир, оказалось, может быть нежным и восторженным отцом. В этот момент я поняла, что нас сближает только Сэми. Пока что только он и я должна этим воспользоваться. Нужно больше давать ему чувствовать малыша, так он прикасается и ко мне. Когда врач ушел, Ник снова заперся в кабинете, он постоянно разговаривал по телефону. Я знала, что, несмотря на слепоту Ник от дел не отошел. Он оставался князем европейского клана и управлял им не хуже чем раньше. Со стороны, мы, наверное, казались самой обычной парой ожидающей ребенка, но только со стороны. Мы по-прежнему были чужими, между нами стояло прошлое. Точнее это Ник воздвигал преграду за преградой, отдаляясь от меня все дальше. И чем больше преград он ставил, тем сильнее я рвалась к нему. Я хотела его ласки, я мечтала о его поцелуях. Да я уже о них мечтала. Смотрела на его губы и думала, что если когда-нибудь он снова меня поцелует – я задохнусь от счастья. Женщины противоречивые создания. Иногда мне казалось, что этого никогда не произойдет. Я смотрела на его пальцы с неизменной сигарой и вспоминала, как он может ими касаться моего тела. Во мне снова просыпалась чувственность. Это все его присутствие, его дьявольская энергия, его внешность: капризный изгиб губ, длинные пальцы, сильная шея, его грация охотника, которая так и не пропала, несмотря на недостаток. Я часто за ним наблюдала, смотрела сколько душе угодно, смотрела, так как не могла позволить себе раньше, словно воровала его образ, чтобы потом мечтать у себя в комнате в темноте. Всего лишь месяц назад при воспоминаниях о побоях и насилии меня мучили кошмары, а теперь я вернулась к своему мучителю и жажду его ласки любой: грубой, жестокой, просто пусть ко мне прикоснется, я все-таки живая, я не железная, а рядом с ним и камень оживет. Вечером я, как всегда, читала у себя в комнате, мягкий свет ночника бросал причудливые тени на пол, за окном моросил дождик. Всегда любила музыку дождя, я могла слушать ее часами, смотреть на капли стекающие по стеклу. Сейчас дождь символизировал состояние моей души – легкая грусть, печаль. Сэми не шевелился и, наверное, тоже прислушивался к дождю, как и я. Теперь мой живот стал просто огромным, кожа натянута настолько, что скоро лопнет. Неужели можно расти еще дальше? Или это предел? Малыш уже скоро не поместится в своем «домике». Я отложила книгу в сторону и подумала, что так и не видела себя со стороны очень долгое время. Как я выгляжу сейчас? Я все такая же? У меня гладкая кожа и угловатая фигура или все же будущее материнство изменило мою внешность? Если Ник ко мне прикоснется, не буду ли я ему противна? Внезапно и неожиданно для меня, я захотела увидеть свое отражение, я захотела на себя посмотреть. Я решительно подошла к шкафу с одеждой и распахнула дверцы. Вначале дернулась от неожиданности, но совладала с желанием разбить стекло. Неужели это я? В моих воспоминаниях я выглядела иначе. Нет, я не могу сказать, что сейчас я себе не нравилась, просто я сильно изменилась. Мой взгляд, мое тело, мое лицо. Я уже не походила на подростка. Каждая линия стала плавной и округлой. И взгляд, он тоже изменился. Я повзрослела. Я стала женщиной. Теперь я рассматривала свой живот, трогала его и видела шевеления Семи. Если бы Ник мог меня видеть, я бы могла понравиться ему такой, вот с этим животом? Может, в его представлении, беременные непривлекательны? Я спустила с плеч домашнее платье. Нет, я больше не худышка и плечи у меня теперь округлые и грудь очень тяжелая. Я поправилась, как и все беременные на последних сроках. Внезапно я услышала стон, тихий стон издалека. Будто кто-то пытается не вскрикнуть от боли. Я поправила бретельки платья и снова услышала стон. Я узнала голос Ника и бросилась на доносившийся звук. Дверь в его кабинет оказалась приоткрытой. Ник снимал повязки. Сам, без помощи Ивана, да иначе и быть не могло – он никогда не позовет на помощь. Только не он. Несомненно, Ник меня услышал, но не обернулся, содрал еще один бинт и бросил на пол. Я подошла к нему сзади и содрогнулась – раны на его теле все еще не зажили. Вся спина в глубоких порезах, бинты приклеились к кровоточащим свежим шрамам. Ник отдирал марлю вместе с кусочками кожи. Я дотронулась до его спины, и он вздрогнул, опустил руки.

– Когти демонов ядовиты, эти чертовы раны не хотят затягиваться. Он снова потянул за бинт, грязно выругался, и я остановила его руку.

– Я справлюсь сам. Всего-то бинты отодрать, – он усмехнулся, но улыбка получилась вымученной и фальшивой. И дело вовсе не в боли, ему просто безумно трудно делать это самому. Я снова дотронулась до его руки. Казалось, каждое мое прикосновение пробуждает дрожь в его теле, словно от удара током. Это единственное, что он мог чувствовать во мне, он меня не видел и не слышал. Оставались только запахи и прикосновения. Только я не могла понять: он вздрагивает, потому что я ему неприятна или потому что я все еще его волную. Ника никогда нельзя понять до конца, он слишком скрытен, его чувства спрятаны под таким слоем непроницаемого льда, что добраться до них просто невозможно. Я повела его к дивану, усадила и слегка надавила ему на плечи. Ник меня понял, лег на живот, ожидая моих действий. Через несколько минут я принесла новые бинты, миску с теплой водой и села рядом с ним на краешек дивана. Смачивая в воде кусочек ваты, я осторожно снимала повязки с его спины, стараясь как можно аккуратней отделить бинт от истерзанной кожи. Когда я нечаянно дотронулась до одной из ран, вдруг увидела, как под моими пальцами появилось легкое свечение. Не касаясь кожи, я провела ладонью снизу вверх. Я почувствовала легкое покалывание, словно искры пробегали под моими пальцами. Я в удивлении увидела, как на моих глазах рана затягивается. Невероятно. Да! Ведь когда-то я могла исцелять. Я вспомнила слугу из дома Алана Вудворта, я исцелила рану на его руке. Вот и сейчас у меня получалось заживлять плоть. Теперь я провела руками уже более уверенно, и края ран начали медленно срастаться, превращаясь лишь в тонкие розовые полоски. Так обычно выглядят уже старые шрамы, спустя годы. Меня настолько увлекло, что я даже забыла о времени, закусив губу, я следила за собственными ладонями и как ребенок радовалась каждой маленькой победе. Ник не шевелился, и я надеялась, что не причиняю ему боль. Теперь его спина была покрыта светлыми шрамами, исчезло воспаление, кожа стала гладкой, даже не верилось, глядя на кучу бинтов с пятнами темной крови, разбросанных на полу. Когда я закончила, то почувствовала легкую усталость, даже головокружение, видимо я потеряла много сил. Ник приподнялся на руках, и повернулся ко мне.

– Уже не больно… Спасибо.

Он тронул свою спину, удивленно нахмурился, снова потрогал, а потом улыбнулся:

– Забыл, что ты у меня волшебница. «Ты у меня волшебница» – прозвучало восхитительно, непередаваемо, поразительно. Я жадно, как пересохшая губка, впитывала эти слова. Как давно он не говорил мне ничего подобного. И вдруг я подумала о том, что могу попытаться исцелить и его глаза. Просто попробовать – вдруг получиться. Я осторожно коснулась его лица, и он напрягся, словно все его тело приготовилось, насторожилось. Еще немного и он перехватит мои руки, оттолкнет. Я коснулась его лба ладонями, провела ими по закрытым глазам и мы оба замерли. Я не помню, о чем думала в тот момент, каким богам молилась, мою кожу покалывало, я чувствовала горячую энергию, видела все то же свечение. Но чувство завершенности не приходило. Словно мое тепло натыкалось на лед, под пальцами происходило невероятное сопротивление. Внезапно свечение пропало, и мои руки обдало холодом. Я разочарованно отняла ладони и тихо застонала. Ник усмехнулся.

– Ничего не получится. Проклятие слишком сильно и ни тебе, ни Фэй с ним не справиться. Спасибо, что попыталась. Я поразилась его силе воли. Ведь он тоже надеялся, я это чувствовала, я ощущала как он замер в ожидании чуда, но в этот раз чуда не произошло. Мне стало так жаль его, до боли, до отчаянья жаль. Именно потому что он держится, пытается справиться сам и ни на кого не взвалить свое разочарование, свою боль. Как всегда один. По моим щекам потекли слезы, но ему нельзя этого знать, он не потерпит жалости.

– Плачешь? Знаю, что плачешь. Не надо. Это моя кара, мой крест и я уже смирился. Ты попыталась – я очень тебе за это благодарен. Иди отдыхать, Марианна, наш малыш скоро должен родиться и тебе нельзя много нервничать и расстраиваться. Иди. Мне еще нужно сделать несколько звонков. Непросто управлять бизнесом по телефону.

Вот и все. Так заканчивалось любая моя попытка сближения с ним. Лучше бы он на меня накричал. Хоть какое-то проявление чувств, меня убивала эта холодная отчужденность. Тяжело вздохнув, я пошла к двери.

– Марианна, ты придумала имя для нашего сына? Я обернулась. Конечно, придумала, но как я скажу тебе об этом? Внезапно мой взгляд остановился на ноже для вскрытия писем. Я размышляла ровно секунду, а потом подошла к столу, взяла нож и сильно надавливая, вырезала на столе – «Самуил».

– Что ты делаешь? Странный звук, будто царапаешь по столешнице. Марианна? Я схватила его за руку и потащила к столу. Потом провела его пальцами по нацарапанному слову.

– Подожди-ка, это ты написала? Минутку, дай я попробую прочесть… Он медленно трогал каждую букву, обводил их пальцами снова и снова и вдруг засмеялся. Впервые за все время с тех пор как я вернулась.

– Самуил. Ты назвала нашего сына Самуил? От радости у меня брызнули слезы из глаз, и я вновь нацарапала – «да». Ник принял эту игру, она увлекла нас обоих настолько, что через час была исцарапана вся столешница. Теперь я писала разные слова, а он «читал» их пальцами.

– Сегодня же потребую привезти мне тысячу полированных дощечек. Малыш, это гениально, это невероятно, но мы сможем общаться. Малыш? Я это слышу? Я, в самом деле, это слышу? Наверное, я всхлипнула и он испугался.

– Что случилось? Что-то не так? Я что-то не то сказал или тебе больно? Где болит? Малыш, где болит? Это ребенок? Я снова взяла нож и нацарапала на столешнице слово «малыш». Он провел по нему пальцами и замер, так же как и я. Ник все понял. Вначале мне показалось, что сейчас он меня обнимет, сожмет в своих сильных руках. Но он лишь судорожно выдохнул, потом сжал руки в кулаки и тихо сказал.

– Уже почти утро. Тебе нужно отдохнуть. Да и у меня много работы. Прости. Устыдился своей вспышки, я видела, как он побледнел, в нем словно происходила страшная борьба, а потом он отвернулся и взялся за телефон. Общение окончено. Ничего не вышло. И в этот раз тоже. Но у меня еще есть время. Много времени. Главное у меня получилось разбить его броню, и я буду пытаться снова и снова пока окончательно не преодолею все препятствия.

24 ГЛАВА

Когда Марианна вышла, Ник отшвырнул телефон и снова жадно ощупал каждое вырезанное ею слово, он словно боялся, что пропустил что-то, не заметил. Ничего, только слова. Нащупывая каждую царапину, Ник улыбался, он вспомнил как когда-то давно, по дороге в Лондон, они играли в похожую игру. Марианна переводила фразы на разных языках. Тогда все только начиналось, и он воспринимал ее как угловатого подростка, который стопудовой гирей висел у него на ногах и мешал заниматься серьезными делами. Как быстро она превратилась в его вселенную, заменила ему целый мир и стала самой желанной женщиной из всех, что он встречал за долгие годы одиночества. Его женщиной.

Ее желание остаться рядом его шокировало, Ник ожидал чего угодно только не этого. Где есть

предел ее терпения и всепрощения? В ее чувствах нет униженности, нет мольбы, она сохраняла собственное достоинство даже когда прощала его. Простила ли она сейчас? Или вернулась, потому что так велела ее совесть и долг? Об этом Ник думал все чаще и чаще. Что Марианна делает рядом с ним? Утешает?

Пытается не дать ему сломаться? Что вообще может искать женщина рядом с тем, кто ее так унизил и втоптал ее чувства в грязь, кто не верил ни единому ее слову, с тем, кто обрек ее на вечное молчание? Ник хотел, чтобы она ушла, начала свою жизнь сначала, а его оставила подыхать от тоски, но Марианна все решила за них обоих, а он больше не смел ей перечить, боялся причинить ей боль. Тем более сейчас, когда она олицетворяла для него нечто возвышенное, нечто волшебное и чудесное. Марианна носила под сердцем его сына. Николас никогда не думал о детях, он вообще был к ним совершенно равнодушен. Его не умиляли их милые мордашки, он вообще их не замечал – их словно, не существовало в этом мире. Просто Николас настолько свыкся с мыслью, что у вампиров никогда не может быть детей, что эти странные, на его взгляд, существа, стали для него просто неинтересны по своей сути. Ему никогда не приходилось с ними сталкиваться и общаться. Но стоило Нику почувствовать легкие толчки в животе Марианны, услышать стук маленького сердца и он пропал. Мысли о малыше преследовали его целыми днями и ночами. Он мечтал о ребенке. На кого он будет похож, их сын? Неужели он назовет Ника «отцом»? Какого цвета будут у него глаза? Маленький Мокану, его плоть и кровь, его продолжение.

Рядом с Марианной можно было принять любое наказание, даже слепоту. Ее присутствие, которое он ощущал каждой клеточкой своего тела, действовало на него как рюмка виски, как сильнейший стимул не сдаваться. Ему безумно хотелось к ней прикоснуться, но он боялся, боялся ее напугать. Если он покажет ей свое желание, не станет ли она вспоминать, как он терзал ее тело? Не оттолкнут ли ее его поцелуи. После той страшной ночи Ник не смог прикоснуться ни к одной женщине. Он пытался, он даже хотел через силу, но ничего не вышло – в ушах стоял свист хлыста и женские стоны боли. Он не ее тогда калечил и хотел убить, а себя. Но надежда появилась в его жизни снова и чувства начали оживать. Ее запах, знакомый до боли, ее нежные пальчики. Каждый раз, когда Марианна к нему прикасалась, Николас вздрагивал как от удара током и ненавидел себя за это. Он не имеет права ее хотеть, особенно сейчас. Оскорбить ее своими низменными желаниями, которые пробудились как от долгого сна. А вдруг она испугается? Если он почувствует ее страх, то убьет себя в ту же секунду.

Ник понял, что сегодня он больше не сможет работать. Слишком много произошло в эту ночь. Марианна избавила его от физической боли, но разбередила душевную. Ее присутствие рядом как глоток свежего воздуха и как адская пытка. Живой упрек, напоминание болезненное и жестокое о том, что это он лишил ее голоса, после пережитого шока она перестала говорить. Это он отнял у нее мечту о счастье, растоптал все ее детские иллюзии, ее светлые чувства к нему. Показал, какой он зверь в своем истинном обличии. Сможет ли она снова ему доверять? Или он будет томиться в клетке самообмана и каждый день ждать ее прощения. Нику невыносимо захотелось почувствовать ее прямо сейчас. Что она делает? Читает книгу? смотрит в окно на розовые лучи рассвета или прикасается к животу, прислушиваясь к движениям малыша? Марианна создана для материнства, никто другой не может олицетворять это в такой полной мере как она.

Как вернуть все что было? Как склеить? Что должно произойти, чтобы он сам себя простил? Ник не заметил, как оказался возле ее спальни. Когда-то он мог распахнуть проклятую дверь ударом ноги и схватив свою жену в охапку опрокинуть на постель. Сейчас все это казалось слишком далеким, словно и не с ними все это было. Имеет ли он право вообще к ней прикасаться? Дверь тихо отворилась. Ник почувствовал, как у него снова предательски дрожат

руки. Он знал, что сейчас Марианна на него смотрит и понимал, что она знает, зачем он пришел. Пусть прогонит, он заслужил, он уйдет в свою нору как побитая собака и будет проклинать себя за дерзость за то, что осмелился. Наверняка она бледная и напуганная, стоит в проеме, приложив руку к животу, и смотрит на него, с ужасом ожидая, что сейчас он предъявит свои права на нее. Ник должен уйти, немедленно. Вдруг ее пальцы коснулись его руки, и он почувствовал, как Марианна тянет его за собой. Подчинился как во сне, боясь сделать лишнее движение или сказать хотя бы слово. Ник услышал, как осторожно закрылась за ними дверь и повернулся ключ в замке. Он судорожно глотнул воздух и остановился, но женская рука тянула его вперед. Что она делает? Почему не гонит?

Напряжение достигло той грани, когда дрожит каждый мускул на теле. У Ника пересохло в горле, его грудь обжигало ожидание. Черт подери эти проклятые глаза. Марианна положила руки ему на плечи, и он почувствовал ее слишком близко, настолько близко, что у него закружилась голова. Она поднесла его руку к своим губам, и он с содроганием обвел их нежный контур. Какие мягкие, нежные, сочные. Ее рот приоткрылся, позволяя прикасаться и Ник услышал легкий вздох, осторожно провел рукой по ее щеке, и женщина подалась вперед. Когда ее губы коснулись его губ, Нику показалось, что время остановилось. Ее губы нежно касались его губ, и наконец-то Марианна его поцеловала. Как давно он не чувствовал ее поцелуи. Черт возьми, он сейчас сойдет с ума. Он жалкий безумец, он ждал, когда она сделает шаг навстречу, и еще один шаг, и еще… Глупец.

Теперь ее пальцы погрузились в его волосы, и она поцеловала еще смелее, требуя ответной ласки. А он боялся, как дурак, боялся спугнуть ее своей дикой страстью, которая уже клокотала внутри как вулкан. Марианна отстранилась, и Ник застонал от разочарования.

Но тут же судорожно стиснул челюсти, он услышал шуршание одежды, и в воспаленном воображении нарисовалась картина – она сбросила платье. Ее пальцы медленно расстегнули его рубашку, потом коснулись его кожи, жадно исследуя каждые сантиметр. Ник закрыл глаза. Если ее ласки станут более дерзкими, он не сможет удержаться. У него слишком долго не было женщины, но поторопить ее, он не смел. Не смел даже произнести ни слова. Ее грудь коснулась его обнаженного тела, и он со свистом выдохнул. Почувствовал твердые вершинки сосков и несмело коснулся их рукой и тут же отнял, но Марианна требовательно положила его ладонь к себе на грудь.

– Ты … Марианна ты…не должна… я не могу слышишь? Дай мне уйти… Но она накрыла его губы своими, продолжая удерживать его ладонь на груди. Словно умоляя его о ласке, и его пальцы ожили, вначале он касался ее нежно исследуя на ощупь такое желанное тело, боясь испугать резким движением, но в ответ услышал тихий стон и кровь бросилась ему в лицо, в паху болезненно заныло. Тело требовало немедленной разрядки и пытка, еще не начавшись, стала невыносимой. А потом она повела его за собой к постели. Легонько толкнула, и Ник упал на шелковые простыни. Марианна раздевала его медленно, сводила с ума легкими прикосновениями пальцев.

Ник почувствовал, как она легла рядом, он жадно вдыхал запах ее тела, и понимал, что она трепещет, ждет, когда он все же к ней прикоснется. Он нерешительно привлек ее к себе и ощутил, как шелковистые волосы коснулись его груди, а рука накрыла его руку. Ник приподнял Марианну за плечи, зная, что сейчас она смотрит ему в лицо.

– Ты меня не боишься? Я не внушаю тебе ужас, малыш? Ее пальчик осторожно вывел на его груди – «нет». Он улыбнулся уголком рта. А она продолжила «писать». Когда он понял, что именно Марианна пишет, у него снова пересохло в горле. Она повторила каждое слово с

особой тщательностью – «Я.

Люблю. Тебя». И он не смог не ответить, прижал ее еще крепче, покрывая поцелуями ее лицо.

– Ты меня простила?… Девочка моя… я без тебя подыхаю… я с ума схожу без тебя… Если ты меня оттолкнешь я умру… Теперь он целовал ее все сильнее, исследуя ее рот языком, наслаждаясь каждой секундой поцелуя. Постепенно к нему возвращалась уверенность себе. Как же давно он не касался ее губ, сладких податливых, нежных. Ник чувствовал, как желание просыпается в нем с новой силой. Руки вспоминали каждый изгиб ее тела, бархатистость ее кожи. Он приподнял ее чуть выше, нашел губами ее сосок, чувствуя его упругость у себя во рту. Услышал ее тихий стон. Рука двинулась по ее бедру, скользнула между ног, ему показалось, что сейчас он готов взорваться, что возбуждение достигло своего апогея, как только коснулся ее плоти. Внезапно Марианна сжала бедра. Ник тут же замер.

– Ты боишься? Ты меня боишься? В ответ она нерешительно раскрылась навстречу его пальцам. Медленно, как в первый раз, он нежно ласкал ее, прислушиваясь к малейшему стону или вздоху.

– Как же я хочу тебя, я изголодался, истосковался по тебе. Николас тихо застонал, изнывая от желания проникнуть внутрь ее тела.

– Я боюсь причинить тебе боль… что мне сделать, милая? Я схожу с ума, так сильно хочу тебя. Его пальцы осторожно проникли во влажное лоно и замерли, чувствуя, как она напряглась, окаменела, вновь сжала бедра. Из его горла чуть не вырвался вопль отчаянья. Она все же боится. Ник крепко прижал Марианну к себе и жарко прошептал ей в ухо:

– Я больше никогда не причиню тебе боли, клянусь, что никогда… я люблю тебя… я так безумно люблю тебя… если ты хочешь чтобы я прекратил, я немедленно тебя оставлю и мы попробуем в другой раз. В ответ Марианна вернула его руку обратно, и спрятала лицо у него на груди. Постепенно она начала отвечать на его прикосновения и вскоре Ник уже слышал ее легкие стоны, всхлипыванья, теперь он ласкал уже более дерзко, к нему вернулась былая уверенность в себе. Мужчина склонился над ней, отыскивая губами острые вершинки сосков, он нежно их покусывал, чувствуя, как она начинает подрагивать, как раздвигаются ее ножки, позволяя проникнуть пальцем вовнутрь горячего тела еще глубже.

– Я уже успел забыть какая ты сладкая, я буду ласкать тебя медленно, я буду любить каждый кусочек твоего тела, пока не заставлю тебя кричать как когда-то. Он забыл о себе, как когда-то, когда брал ее в самый первый раз. Сейчас его жена пугливей и скованней девственницы. Ему придется долго и терпеливо пробуждать ее тело, ее доверие, пока она не расслабиться и не откроется для него полностью. Как же адски трудно не видеть ее лицо, не видеть ее затуманенный взгляд, не созерцать прекрасное тело. Только осязать, руками, языком, губами. Он склонился над ее раздвинутыми ногами, покрыл поцелуями нежную кожу, спускаясь все ниже, чувствуя запах возбужденной плоти. Сегодня ее ночь. Только Марианна, только ее наслаждение. Ему этого вполне хватит. Даже если не получиться довести ее до экстаза, это будет первый шаг на пути к исцелению их обоих. Он вздрогнул, когда коснулся языком нежной плоти, вздрогнул вместе с ней, пытаясь расслабиться, но из груди рвались стоны, зверь жаждущий погрузиться в ее тело проснулся. Он рычал, он рвал и метал. Нет, сейчас все будет по-другому, Ник не возьмет ее, он будет только ласкать, возвращать, отвоевывать доверие. Язык отыскал набухший бугорок в складках нежной плоти и ринулся в атаку, а вот и долгожданный стон, протяжный, полный страсти и нетерпения. Ее пальцы вцепились ему в волосы. Ник больше не держал ее бедра, он отыскал вершинки грудей и гладил их кончиками

пальцев. В ее власти было оттолкнуть его, сжать колени. Ник больше не брал, он отдавал и только ей решать, как долго это будет длиться. Горошинка под его языком твердела, ее пальцы хаотично теребили его волосы, она уже не стонала, она всхлипывала как раненное животное, а когда его губы жадно обхватили трепещущий бутон, ударяя по нему кончиком языка, она закричала. От этого крика его пронзило словно током. Собственное возбуждение причиняло боль. Теперь Ник сжал ее ягодицы, не давая отстранится. Он пил ее экстаз, сходя с ума от безумного желания присоединиться к ней, почувствовать плотью сокращения ее лона. Но Ник совладал с собой, он нежно поглаживал ее распахнутые ноги, прислушиваясь к последним судорогам, и чувствовал себя победителем.

Прилег рядом с ней, привлек к себе, целуя влажные волосы. Он чувствовал, как его собственное тело требует разрядки, стиснул челюсти, закрыл глаза. Не сегодня. У них еще будет время. Марианна приподнялась и нежно поцеловала его в губы, обхватив его лицо ладонями. Ник закрыл глаза, пытаясь расслабиться, и вдруг почувствовал, как ее рука скользит по его груди, животу, опускаясь все ниже. «Только не это, прикоснется, и я взорвусь», – он перехватил ее запястье.

– Я могу потерпеть, малыш. Я никуда не тороплюсь, тебе не обязательно…

В этот момент ее ладонь легла на его возбужденную до предела плоть, и он застонал, прижал ее к себе, запустил пальцы в ее роскошные волосы. Ника захлестнула дикая волна наслаждения, невероятная по своей силе. Нежные пальчики сводили с ума, и он дрожал всем телом. Ник растерялся, впервые он оказался в такой ситуации, когда не может действовать активно. Не может опрокинуть ее навзничь и ворваться в ее лоно как когда-то. Может только отдаться в ее руки и смиренно покориться ласкам. И он покорился, закрыл глаза, чувствуя, как пальцы скользят по раскаленному члену, обхватывая ствол, задевая головку.

– Марианна, я долго… я слишком долго ни с кем не был, малыш, не могу больше… прекрати иначе я сейчас … Он не смог договорить из его горла вырвался хриплый стон, похожий на рычание, он почувствовал мягкие губы, обхватившие его член, робкие касания языка и теплоту ее рта.

Хотел отстранить, не дать продолжить сводить его с ума, но она сжала его руки и приняла напряженную каменную плоть еще глубже. Для нее это все в новинку. Кроме того, одного раза, когда Ник принудил ее, Марианна не ласкала его столь дерзко. Он не позволял. Но сейчас, чувствуя влажные прикосновения языка, поглаживания маленьких тонких пальцев, у него уже не было сил сопротивляться, разрушительный оргазм приближался с невероятной скоростью.

– Марианна, я долго… я слишком долго ни с кем не был… Я на грани…остановись… я прошу тебя… иначе я сойду с ума. Ник попытался приподнять ее, не позволить себе излиться в нежное тепло ее рта, но в этот момент Марианна крепко сжала руками иго бедра, продолжая дерзко ласкать его губами и языком, неумолимо приближая развязку. Ник вцепился пальцами в подушки, застыл на мгновенье, а потом почувствовал разрушительную вспышку наслаждения. Он слышал собственный крик, чувствовал шелковые волосы под пальцами, понимал, что уже инстинктивно двигается все быстрее и быстрее, но уже не мог остановиться, его сознание разорвало на мелкие кусочки невероятно ослепительного оргазма.

Когда Марианна снова положила голову ему на грудь, обвивая его торс руками, он тихо прошептал, зарывшись лицом в ее волосы:

– Прости… я не смог удержаться… Ты сумасшедшая…Ты еще более сумасшедшая, чем я… Моя

девочка. Моя сладкая малышка. Теперь все будет иначе, обещаю, клянусь тебе – все будет иначе.

Все стало иначе, когда я открыла дверь и увидела Ника на пороге своей спальни, растерянного, жалкого и такого одинокого. Он пришел ко мне. Пришел сам. И готов был сбежать в любую секунду. Еще никогда он не был со мной столь нежен, даже с тот самый первый раз, когда взял мою девственность. В нем всегда был неудержимый огонь, едкое пламя страсти, он балансировал на грани безумия, а сейчас я увидела его совсем другим. Управлять им, мучить его, сводить с ума и все в моей власти. Меня увлекли прикосновения к его телу, я целовала его так жадно, что даже сама удивлялась своей наглости, своей дерзости. Наверное, это от того, что Ник не мог меня видеть, только чувствовать и я дала себе волю. Управлять его желаниями, держать все под своим контролем как это ново для меня. Конечно, я знала, что все это ненадолго и жадно брала то, что он мне давал. Впитывала каждое слово, наслаждалась его ласками, словно впервые. Нет, я его больше не боялась, как можно бояться, когда он так нежно шептал мне в ухо слова любви. Когда притрагивался ко мне как прекрасному цветку, с преклонением, с нежностью. Да, в этот раз не было той дикой страсти как раньше между нами, но именно сейчас мы занимались любовью. Долго, неторопливо, растягивая удовольствие, узнавая друг друга заново. Но если честно, я обожала его другим, неистовым, грубым, быстрым. Только не в этот раз. Мы были истощены войной, нашей войной. Каждый из нас станет самим собой потом. Сейчас мы дарили друг другу, то, что всегда отсутствовало в наших отношениях, мы учились доверять. Точнее это Ник сделал титаническое усилие над собой и уступил мне бразды правления в постели. Я не знала который сейчас час, а Ник так и не вернулся к работе. Мы провели в моей спальне, наверное, целые сутки и при этом так и не занялись сексом в полном смысле этого слова. Только ласки и нежные касания поцелуи. Наши пальцы сплетались в пожатиях. Ник трогал мое лицо, изучая каждую черточку. А потом мы, наверное, сильно достали Сэми и он напомнил нам о своем существовании – устроил у меня в животе настоящий переворот. И я услышала, как смеялся мой муж, я даже застыла, не веря своим ушам, но он был поглощен Сэми. Они играли в свою игру. Ник прикасался к моему животу, и в тот же миг ребенок толкался именно в этом месте. И я почувствовала себя безумно счастливой, за долгое время, это счастье затопило меня с такой силой, что все мои эмоции просто рвались наружу. Я чувствовала, как энергия Сэми заполняет мое сознание, он тоже счастлив. Ему хорошо. Я еще никогда не видела этого жуткого вампира, который внушал дикий ужас слугам и даже своими собратьям, таким нежным и любящим. Ник олицетворял для меня все самое яркое – страсть, желание, неистовство, бурю, но никак не нежность и я ошибалась. Сегодня я увидела его совсем с другой стороны. Наверное, он почувствовал, как пристально я смотрю на него, нашел мою руку и прижался к ней губами:

– Я бы отдал все на свете, чтобы услышать, как ты говоришь мне, что прощаешь, как ты говоришь, что любишь меня. Я готов даже онеметь сам.

Я не поняла, как это случилось, но это случилось, я подумала о том, как сильно люблю его и, оказывается, сказала это вслух, я не обратила внимание, а Ник замер, сжав мою руку еще крепче. Я так долго слышала собственный голос внутри себя, что даже не поняла, как слова сорвались с моих губ.

– Марианна… ты это сказала… ты сказала мне это – повтори еще раз. Смакуя каждое слово, я повторила медленно, чуть хрипловато, неуверенно:

– Я тебя люблю, – потом еще громче, – я тебя люблю. Ник, я люблю тебя. Я бросилась ему на шею и крепко прижалась к нему всем телом. Ник целовал мое лицо, мои руки, волосы, плечи.

– Еще, скажи мне еще…

– Я люблю тебя.

– Еще.

– Люблю. В этот момент, наверное, мы окончательно разбередили Сэми или это мои эмоции так подействовали на него, или пришло мое время, но ЭТО началось. Началось неожиданно. Я почувствовала тянущую боль внизу живота. Вначале не придала значения, а потом ощутила, как все внутри напрягается, словно готовое взорваться. Боль начала приходить волнообразно, словно издалека, но она набирала обороты. Я была не готова к ней, я испугалась и крепко сжала руку Ника. Мой голос еще не окреп и я прошептала:

– Ник… я … позвони Фэй, пожалуйста Начался хаос. Через несколько часов я поняла, что голос ко мне вернулся и не просто вернулся, а я умею кричать и очень громко, я даже умею посылать проклятия. Фэй металась вокруг меня, раздражая только одним видом, а я выла от боли, и мне казалось, что я сейчас умру. Точнее я была уверенна, что уже умираю. Мне было страшно, еще никогда в своей жизни я так не боялась. Спустя полчаса приехал профессор, а мне уже было наплевать, я просто орала как ненормальная и хотела, чтобы меня кто-нибудь убил. Желательно очень быстро. Я слышала голос Ника, он требовал дать мне обезболивающее, он тряс профессора как грушу и грозился его растерзать, если тот не прекратит мои мучения. Я сама была готова придушить каждого, кто приближался к моей постели, даже Фэй. Мне казалось боль длиться вечность и никогда не прекратиться. Сквозь туман я слышала, как Фэй просит профессора сделать кесарево, а тот говорил, что я справлюсь сама. Все это время я их перебивала и была уже готова на то, чтобы меня немедленно разрезали, а еще лучше зарезали. Но профессор оставался непреклонным, он закрыл рот даже Нику, когда тот сказал, что если я умру, то он лично вырвет сердце доктора и отдаст на съеденье собакам. Тот невозмутимо ответил, что от родов я точно не умру, а вот если мой муж будет мешать профессору работать, то он просто не сможет мне помочь. Теперь я слышала, как Ник нервно меряет шагами коридор за дверьми моей комнаты. Профессор оказался прав – я родила Сэми сама. Когда мне на грудь положили драгоценный комочек, вся боль отошла на второй план, если не на десятый и меня затопило незнакомое чувство щемящей нежности и любви. Удивительное чувство, непередаваемое. Я стала матерью. Этот день я запомню навсегда, и он стал счастливым в моей жизни: я снова обрела Ника, голос и родила нашего малыша. Нашего первого малыша.

ЭПИЛОГ

Сейчас, сжигая в камине листы своего дневника, я заново переживала все, что с нами произошло, и понимала, что это было неизбежно для нас с мужем. Мы научились жить совсем по-другому, мы научились любить, а не гореть от страсти. Теперь я могла верить в вечность с ним рядом, а он больше не сомневался в моих чувствах. Мы никогда не вспоминали о прошлом, но помнили о нем всегда. И это укрепляло нашу любовь. Ник изменился, нет, он не перестал быть негодяем, он не стал вдруг слишком нежным и покладистым, он просто изменился, ради меня, ради Сэми. Для нас он стал заботливым, любящим мужем и отцом, а для всех остальных по-прежнему жутким монстром.

Способности Сэми проявились лишь к трем годам, до этого он был самым обыкновенным малышом и сводил нас с Ником с ума. Особенно меня. Более точной копии моего мужа нельзя было себе представить, перед ним пасовал даже Ник, маленький плут всегда оставался победителем. Позже мы поняли истинную сущность Сэми – он был Чанкром, не просто Чанкром, его способности превосходили таковые у Фэй в тысячу раз. Он читал наши мысли, он

мог понимать язык животных, он исцелял все к чему прикасался и именно он сказал нам с Ником, что у него будет сестричка задолго до того как я забеременела снова. Сэми оказался прав. Самуил вернул моему мужу зрение – спустя три года слепоты, мрака к Нику вернулась способность видеть. Это произошло случайно, во время игры. Сэми просто закрыл ладошками глаза отца, а когда убрал маленькие ручонки, Ник упал на спину и схватился за голову. После дикой вспышки боли к нему вернулось зрение. Еще через три месяца я родила девочку, чудесное золотоволосое создание, она была похожа на настоящего ангелочка, хотя мы были уверенны, что наверняка у нее будут невероятные способности. Но это оставалось под завесой тайны – ни Сэми, ни Фэй не могли проникнуть в сознание Камиллы. И я подозревала, что она взяла мою сущность, хотя этого мы так до конца и не знали. А еще через полгода мы гуляли на свадьбе Фэй, никогда бы не поверила, что эта скромница и тихоня была тайно влюблена в Криштофа, но, тем не менее, они поженились, и я была безумно счастлива за них обоих. В клане Черных Львов наступил долгожданный мир. Надолго ли? Никто не знал. В нашем братстве подрастали Велес полу-волк полу-вампир, Сэми – Верховный Чанкр, рождающийся раз в десять тысяч лет и Камилла – очаровательное создание, о способностях которого можно только гадать. Братство ступило в новую эру, и кто знает, может, у наших врагов подрастали не менее способные преемники?

mir-knigi.org